

Винокурова М.А. Смысл «предположение» и языковые средства его выражения в современном русском языке (10.02.01) 2004 г. Научный руководитель – д.ф.н., проф. И.А. Нагорный

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТАТУС СМЫСЛА «ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ»	12
1.1 Понятие «предположение» в структуре научного знания.....	13
1.1.1 Предположение в системе русской концептуальной картины мира	13
1.1.2 Место «предположения» в иерархической системе персуазивных смыслов	22
1.1.2.1 Логическая основа предположения (категории «возможность» и «вероятность»).....	32
1.1.2.2 Степень достоверности и предположение	37
1.1.3 Семантическая категория «предположение»	47
1.1.4 Ситуация «предположение»	53
1.2. Семантическая структура высказываний, выражающих смысл «предположение».....	55
1.2.1 Диктумный аспект смысла «предположение».....	55
1.2.1.1 Пропозитивный уровень	57
1.2.1.2 Околопропозитивный уровень	65
1.2.1.3 Пресуппозитивный уровень.....	69
1.2.2 Модусный аспект смысла «предположение»	72
1.2.2.1 Модальность и модус	72
1.2.2.2 Проблема авторства высказывания.....	75
1.2.2.3 Субъектная перспектива высказываний, выражающих предположение	78
1.2.2.3.1 Субъектная зона S_4	80
Выводы.....	86

ГЛАВА 2. СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА «ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ»	88
2.1. Структура функционально-семантического поля «предположение»	88
2.2. Ядерные средства выражения смысла «предположение».....	91
2.2.1 Значимые части речи с соответствующим значением	91
2.2.2 Модальные частицы со значением достоверности сообщаемого	101
2.2.3 Модальные слова со значением достоверности сообщаемого...	131
2.2.4 Основные функции ядерных языковых средств выражения смысла «предположение» (аналитический материал)	142
2.3. Периферийные средства выражения смысла «предположение»..	144
2.3.1 Вопросительные конструкции, выражающие смысл «предположение»	144
2.3.2 Конструкции с условно-гипотетическим значением, выражающие смысл «предположение»	148
2.3.3 Конструкции, служащие для выражения имплицитного смысла «предположение»	149
2.3.3.1 Конструкции с модальным глаголом ДОЛЖЕН (А) + Infinitiv личного глагола	149
2.3.3.2 Конструкции, построенные по типу – <i>Думаю, что</i>	150
2.3.3.3 Конструкции, построенные по типу – <i>Надеюсь, что</i>	154
2.3.3.4 Конструкции с разделительным союзом <i>a to</i>	155
Выводы.....	157
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	164
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ	180

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....184**Введение**

Лингвистика к.ХХ-н.ХХІ в. характеризуется антропоцентричностью и, следовательно, смещением исследовательских интересов в сторону выявления законов функционирования языка, закономерностей употребления языковых единиц в соответствии с определенными целями говорящего. Антропоцентрический характер современной лингвистики обусловил ее теснейшую связь с прагматическими интенциями субъекта речи. При таком подходе изучение употребления коммуникантами различных языковых средств в речи переходит из рамок традиционной лингвистики в русло прагматики языка. Действительную причину такого перехода необходимо искать в том, что системно-лингвистические теории не в состоянии объяснить актуализационную сущность многих языковых явлений. На помощь приходит прагматика, которая рассматривает знаки относительно говорящего, слушающего, понимающего. С прагматической точки зрения важно, что язык, будучи средством общения, служит не только средством передачи информации, но и средством взаимодействия и взаимного воздействия коммуникантов, отражая и регулируя тем самым их социальные, межличностные отношения и ментальные состояния.

Если в научных работах по логике, а также структурной лингвистике начала ХХ века отмечается стремление исследователей освободиться от говорящего субъекта и свести все свои содержательные категории к отношениям между предложениями, то в последние

десятилетия организационным центром изучения «смыслового пространства стал человек со всеми его психологическими компонентами» [Арутюнова 1985:8]. Смысл представляется как доминанта, которая, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, перестраивает его и тем самым организовывает семантическое пространство. Смысл характеризуется инвариантностью, ситуативной обусловленностью и выявляется из высказывания в результате его понимания субъектом.

Таким образом, **актуальность темы исследования** обусловлена следующими факторами:

1) тенденцией к интеграции многих направлений лингвистической науки на основе внимания к явлениям человеческого фактора, эгоцентризма (Арутюнова 1999, Бенвенист 1974, Бондарко 1978, Гак 1999, Золотова 1982, Нагорный 2000, Падучева 1985, Степанов 1997, Шмелева 1995, Яковлева 1994);

2) потребностью рассмотрения семантической перспективы предложения-высказывания в русле парадигматического подхода с целью выявления основного смыслового пространства и его осложнений, возникающих под воздействием мотивационных установок субъекта речи (Всеволодова 2002, Онипенко 1994);

3) специфической сущностью «предположения» как субъективно-предикативной категории, имеющей оригинальное содержание и специализированные средства выражения (Арутюнова 1999, Богданов 1977, Бондарко 1978, Домбровский 1973, Кацнельсон 1972, Павиленис 1983).

Объектом исследования в настоящей диссертации является смысловая организация предложений-высказываний в современном русском языке.

Предложение-высказывание – явление сложное и многоаспектное. Многие вопросы его сущности, структуры и функционирования решаются неоднозначно. Требуется специального рассмотрения вопрос о соотношении предложения в его традиционном лингвистическом понимании и высказывания. Большинство лингвистов признают за предложением статус языковой единицы, а высказывание понимают как речевую реализацию, разовое осуществление предложения в речи (Н.Д. Арутюнова, В.А. Звегинцев, Е.В. Падучева). Однако трактовать соотношение предложения и высказывания как абстрактной и конкретной единицы было бы упрощением. Это единицы двусторонние, обладающие и формой и содержанием, но содержательная сторона высказывания сложнее и многообразнее. Связано это с тем, что высказывание включается в состав речевого акта, то есть в конкретную речевую ситуацию, благодаря чему и выявляются его существенные смысловые компоненты. Высказывание несет информацию двойного рода: кодифицированную знаковую и разнообразную дополнительную, извлекаемую из конкретных обстоятельств общения, фоновых знаний и характера взаимоотношений участников коммуникации. Поэтому полное понимание структуры и смысла высказывания невозможно только на основе учета составляющих его знаковых элементов. «Всякое высказывание опирается на значимый фон предпосылок и сопровождается значимым шлейфом следствий» [Никитин 1988:120]. Иначе говоря, дополнительные смыслы, которые имеет высказывание, можно понять, если учитывать прагматические факторы: цель высказывания, явные и скрытые мотивы говорящих и др. Под воздействием прагматической стороны речи формируется модальная рамка высказывания, другими словами, прагматические характеристики играют главную роль в создании высказывания как единицы коммуникации. Коммуникативно-прагматический подход к

высказыванию предполагает учет того значимого компонента языковых единиц, который связан с индивидом, использующим язык как орудие общения.

Это дает возможность комплексного (интегративного) подхода к изучению предложений-высказываний, выражающих «предположение», с учетом трех взаимосвязанных и взаимообусловленных аспектов: семантического, прагматического и лексико-синтаксического. Синтаксис изучает лексико-грамматическую структуру предложения, семантика исследует пропозиции, модусные рамки, а прагматика занимается изучением условий создания и реализации предпосылок речевого акта.

Смысл «предположение», языковые средства его выражения в современном русском языке, составляют **предмет** данного диссертационного исследования.

Концептуальная база опирается на философские исследования Л.С.Выготского, Л. Витгенштейна, лингвистические работы в области функциональной грамматики, семантики, теории синтаксиса следующих ученых: Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, В.Г. Гака, П.А. Леканта, И.А. Нагорного, Т.В. Шмелевой.

Гипотеза исследования заключается в следующем. «Предположение» представляет собой мыслительную операцию, которая отражает позицию говорящего при решении поставленной коммуникативной задачи и выражает смысл, который может быть заложен автором в текст только при наличии уверенности в том, что этот смысл все-таки может быть расшифрован, интерпретирован реципиентом.

Цель предлагаемой работы состоит в том, чтобы обосновать категориальный статус смысла «предположение» и представить целостную систему языковых средств выражения данной категории в современном русском языке.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи:**

- 1) выявить категориальные признаки смысла «предположение»;
- 2) рассмотреть семантическую структуру высказываний, выражающих смысл «предположение», с точки зрения пропозиционального анализа, который показывает типологические особенности ситуации предположения в целом (денотативный и коммуникативный аспект);
- 3) описать субъектную перспективу, высказываний, выражающих смысл «предположение», как один из основных способов выявления авторской интенции;
- 4) через дефиниции различных языковых источников определить ядерно-периферийное пространство смысла «предположение»;
- 5) определить основные смысловые осложнения смысла «предположение» для представления полной концептуальной картины «предположения».

В диссертационном исследовании в соответствии с поставленной целью и задачами работы использован комплекс **методов и приемов** анализа фактического материала.

Базовым методом исследования является структурно-семантический, который предусматривает рассмотрение языковых единиц с точки зрения их значения и, наоборот, значения в единстве со средствами его формального обнаружения, т.е. смысл «предположение» в работе рассматривается в двух планах: в плане выражения и в плане содержания. Это является показателем того, что структурно-семантический метод выявляет единство означаемого и означающего в языковом знаке. При этом данный метод в работе применялся в сопряжении с ситуативно-пропозициональным анализом и анализом диктумно-модусной организации высказываний, выражающих смысл «предположение».

При анализе материала использовались приемы наблюдения и описания, элементы компонентного, трансформационного анализов. Необходимость применения совокупности различных методов диктовалась сложностью и многоаспектностью предмета исследования.

Материалом исследования послужили высказывания, извлеченные методом сплошной выборки из текстов произведений русской классической литературы, современной художественной, научной и научно-популярной литературы и публицистики (3000 примеров). Фактический материал столь объемен, что рамки работы не позволяют представить его полностью, поэтому он используется только в качестве иллюстрации.

Новизна исследования состоит в том, что в работе «предположение» впервые рассматривается как категория, участвующая в образовании персуазивного смысла; в систематизации и целостном описании средств и способов экспликации смысла «предположение» в высказывании. Анализируется семантическая структура высказываний, выражающих данный смысл; обосновывается диктумно-модусный статус смысла «предположение». Описывается субъектная перспектива высказываний, выражающих смысл «предположение».

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется тем, что оно вносит определенный вклад в разработку синтаксических вопросов, касающихся смысловой организации предложений-высказываний современного русского языка. Многоаспектность исследования семантики смысла «предположение» может оказаться полезной при дальнейшей разработке проблем категоризации языка и его функционально-семантического описания. Уточнению полевого представления о разных языковых уровнях и их внутрисистемных взаимодействиях.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования материалов диссертационного исследования в практике преподавания современного русского языка в вузе, чтении спецкурсов, проведении спецсеминаров. Результаты диссертационного исследования могут найти применение при написании учебных и методических пособий, а также в научно-исследовательской работе.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) Предположение является смыслом, основанным на знаниях говорящего об объективной действительности и его мнении о рассматриваемом факте квалифицируемого события.
- 2) Предположение - категория, имеющая как план содержания, так и план выражения.
- 3) Языковые средства выражения смысла «предположение» представляют функционально-семантическое поле с ядерно-периферийным членением.
- 4) Смысл «предположение» редко проявляется в чистом неосложненном виде. Осложнения образуются коннотативными наслоениями, разного рода оценочными и персонализирующими факторами, которые носят прагматический оправданный характер и выявляются при анализе семантической структуры предложения-высказывания.

Апробация работы. Отдельные положения и результаты исследования обсуждались на заседаниях кафедры современного русского языка Барнаульского государственного педагогического университета (2001-2004), на заседаниях Лаборатории теоретической и прикладной русистики БГПУ (март 2003 г.), на заседаниях межвузовского аспирантского семинара (БГПУ, АлтГУ, 2001-2004). Результаты работы

апробированы в докладах на различных научных конференциях: II Международном конгрессе исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (г. Москва, март 2004); Международной конференции «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (г. Бийск, сентябрь 2004); Всероссийской научной конференции «Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте» (г. Барнаул, сентябрь 2002 г.); Всероссийской конференции «Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты» (г. Барнаул, январь 2003 г.); Всероссийской конференции «Филология XXI века» (г. Барнаул, декабрь 2003 г.). Кроме того, материалы исследования использовались в спецкурсе «Функциональная перспектива предложения» на филологическом факультете Барнаульского государственного педагогического университета.

Содержание работы отражено в 7 публикациях по теме исследования [см. работы М.А. Винокуровой].

Структура работы определяется спецификой поставленных задач, характером объекта и предмета изучения. Диссертация состоит из Введения, двух глав, Заключения, Списка литературы и Списка источников.

Глава 1. Категориальный статус смысла «предположение»

Человек, познавая мир, конструирует его, строит порядок из хаоса своих чувственных впечатлений, подводит их под общие понятия, категории, создает свою картину мира. Как известно, картина мира в нашем сознании представлена в виде двух моделей – концептуальной и языковой. Концептуальная модель мира содержит информацию, представленную в понятиях, вычленяемых сознанием в структуре деятельности и вербализованных в речи. В основе языковой модели лежат знания, закрепленные в семантических категориях, которые относятся к сфере мышления и к содержательной стороне языка.

Структура данной главы определяется спецификой поставленных задач. В первой части настоящей главы исследовательское внимание обращено к теоретическим проблемам понимания «предположение» как общенаучной (в том числе и лингвистической) категории. В связи с этим необходимо раскрыть понятие смысл «предположение», выявить специфические признаки и определить место вводимой категории в кругу других модальных категорий.

Основная задача второй части данной главы (п. 2) заключается в возможности рассмотреть семантическую структуру высказываний, выражающих смысл «предположение», с точки зрения ситуативно-пропозиционального подхода к исследовательскому материалу. Это связано с тем, что пропозиция представляет глубинную структуру ситуации, в которой одна ситуация вставлена в другую. Такая сложная, в несколько ярусов смысловая иерархия получает компактное, экономичное выражение в поверхностной структуре предложения-высказывания, в частности, предложения-высказывания, выражающего смысл «предположение».

1.1 Понятие «предположение» в структуре научного знания

Обратившись к проблеме предположительности, мы столкнулись с фактом отсутствия в лингвистической литературе четкого и исчерпывающего по своей полноте определения понятия «предположение», хотя изучению самых различных аспектов этой проблемы посвящено немало исследований [А.В. Бондарко, М.Б.Будильцева, Н.А. Булах, Е.В. Гулыга, М.Д. Натанзон, И.А. Нагорный, Т.Н.Плюскина, Е.Н. Топтыгина, А.В. Чибук, Н.А. Шмелькова, авторы ТФГ]. Общим является то, что «предположение» входит в круг ирреальности, с помощью которой говорящий стремится отразить свое видение действительности. Подобное восприятие событий характерно для носителей русского языка, является фрагментом русской концептуальной картины мира.

1.1.1 Предположение в системе русской концептуальной картины мира

Человек как субъект познания является носителем определенной системы представлений, мнений о действительности. Эта система в разных науках имеет свое название (картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира) и рассматривается в разных аспектах.

Понятие «картина мира» относится к числу основных, выражающих специфику человека и его взаимоотношения с миром. Обращение к понятию «картина мира» акцентирует внимание на понимании процесса соотношения субъекта с действительностью.

Картина мира понимается многими лингвистами как «исходный глобальный образ мира, лежащий в основе мировидения человека, репрезентирующий сущностные свойства мира в понимании ее носителей. Картина мира как субъективный образ объективной реальности, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь ни в одной из них» [Роль человеческого фактора 1988:21].

Картина мира создается в результате двух процедур: 1) абстрагирования, опредмечивания и осмысления образов мира; 2) созидания новых образов мира. Функции картины мира вытекают из природы и предназначения мировидения в человеческой жизнедеятельности, составной частью которого и является картина мира.

Понятие концептуальная картина мира исследуется различными науками, каждая из которых рассматривает сущность данного понятия в рамках своих проблем и категорий. В лингвистике, где она получила название картины мира (Е.С. Кубрякова, Б.А. Серебренников), устанавливается связь картины мира и языка, изучает способы фиксации мыслительного содержания средствами языка. Язык является не только частью картины мира, но и на его основе формируется языковая картина

мира. В логике рассматривается сущность концептуальной системы в рамках проблемы фиксации в ней определенной информации (Р.И.Павиленис). Исследования в области психологии пытаются объяснить механизмы когнитивной деятельности человека [Леонтьев 1972; 1975]. В философии данная проблема рассматривается в контексте философских категорий: мышление, отражение, сознание и др. [Витгенштейн 1994].

Не претендуя на исчерпывающий анализ понятия и сущности концептуальной картины мира, представляется, тем не менее, актуальным акцентировать проблематику, непосредственно связанную с предметом данного исследования, т.е. с пониманием как процессом восприятия смысла «предположение».

Картина мира рассматривается как субъективно-объективная категория, которая фиксирует субъективный образ объективного мира в его знаковой форме и представляет собой интерпретацию данного мира.

«Картина – это факт, представляющий собой существование и несуществование событий» [Витгенштейн 1994:8], при этом должно наблюдаться нечто общее с действительностью.

Картина мира – это «сумма знаний и представлений о мире, упорядоченных в голове человека по самым разным основаниям и объединенных ... в интегральную систему» [Роль человеческого фактора 1988:141]. В таком понимании акцент делается, во-первых, на сумму языковых значений, функционирующих в языковой картине мира, во-вторых, на представления о мире, и, в-третьих, на объединение в систему. Концептуальная система (= картина мира) характеризуется как «динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщенном виде» [там же: 142]. Элементом концептуальной системы признается концепт, включающий в себя «разносубстратные единицы

оперативного сознания, какими являются представления, образы, понятия» [там же: 143]. По-нашему, такая нелогичность затрудняет представление о месте языка в этой системе. Однако если учесть факт взаимодействия объективного мира, мышления и языка, то можно говорить о регулярно повторяющихся типах событий в реальном мире, которые приводят к формированию некоторого мыслительного образа. Этот мыслительный образ закрепляется в сознании за определенной структурой (такую структуру в лингвистике принято называть *когнитивной*), которая представляет организованные отношения между сущностями объективного мира, необходимые человеку для ориентирования в реальности. Так, «предположение» – это такой вид «модальной ирреальности, который отражает попытку говорящего найти определенным фактам место в реальной картине мира, путем фиксации предварительного результата его мыслительного поиска» [Булах 1997: 43]. При таком подходе затрагивается проблема «язык – действительность – понимание». И картина мира создается благодаря познающей деятельности человека и отражающей способности его мышления, считая важнейшим свойством картины мира целостность, а элементом – смысл, характеризующийся инвариантностью, актуальностью, субъективностью, динамичностью [Сулейменова 1989:47].

Наряду с целостностью, отмечаются такие характеристики картины мира как внутренняя достоверность для субъекта, стабильность, динамичность, наглядность. При этом нельзя ставить знак равенства между языковой картиной мира и концептуальной картиной мира. Мы согласны, что «языковая картина мира» как терминологическое сочетание возникло благодаря включению языка во взаимодействие с действительностью, минуя мышление [Сулейменова 1989:125]; «язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым образом» [Роль

человеческого фактора 1988:6]. Но результатом такого отображения являются смыслы, в частности, - смысл «предположение».

Картина мира представляет собой сложное явление. Она вариативна, изменчива. Одновременно в ней есть константы, присущие каждому индивиду, обеспечивающие взаимопонимание людей.

Развивая лингвистическую концепцию В. фон Гумбольдта, Л.Вайсгербер разрабатывал тезис о языке как «промежуточном мире», который находится между человеком и действительностью и фиксирует особое мировоззрение [Weisgerber 1964; Шарикова 2001]. Промежуточный мир – это статичный продукт языковой реальности, определяющий восприятие действительности человеком. В каждом конкретном акте промежуточный мир воссоздается заново. Таким образом, формируется подвижная картина мира, которая характеризуется как чисто динамическая сущность, отражающая «языковое вмешательство» в действительность. Языковое вмешательство – это «языковой креативный акт, ведущий к созданию понятия – духовного понятия ... совокупность духовных объектов и образует промежуточный мир, а картина мира строится как сумма языковых вмешательств» [Баранов 1990:457].

Следует отметить, что среди большого разброса мнений о сущности этого понятия, бесспорным остается то, что в процессе деятельности в сознании человека возникает субъективное отражение существующего мира; при этом наряду с логической картиной мира возникает языковая, которая не противоречит ей, но и не тождественна.

На основании этого «языковая картина мира» определяется как «языковые образы реальных предметов и отношений, периферийные участки вербальных представлений, которые становятся источником дополнительных сведений об окружающей нас действительности. Причем

часто производят стойкие отложения в сознании познающего субъекта в силу образного характера информации» [Верещагин 1983:168].

Но языковая картина мира имеет двоякую природу: она принадлежит системе сознания и системе языка. Являясь способом хранения языковых знаний и знаний о мире, языковая картина мира не самостоятельна, она неотделима от концептуальной картины мира; «язык выступает формой овладения мира, но не формой особого мира». [Колшанский 1990:16]. Так, ситуация «предположения» в реальной действительности осознается носителями русского языка, но становится только тогда фактом языка, когда определенные способы выражения данной семантики закрепляются в языковой системе, формализуются

Основная роль в построении концептуальной картины отводится концептам. Термин “концепт” уже достаточно длительное время используется учеными, работающими в русле когнитивной лингвистики (А. Вежбицка, И.А. Мельчук, В.А. Пищальникова, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина и др.). Мы под **концептом** будем понимать **«идеальные» объекты, отражающие определенные представления человека о действительном мире.** Концепты создаются в процессе познания, восприятия мира человеком, отражают и обобщают человеческий опыт и действительность. При этом концепт не просто отражает объективную реальность, а формирует некий образ, созданный продуктивным воображением с использованием наглядно-образного знания и накопленного духовного опыта. Будучи ментальными сущностями, концепты представляют собой «мостик», который связывает внеязыковые сущности и языковые знаки, обеспечивая тем самым функционирование языка как многоуровневой системы. Идеальное сознание человека концептуализирует материальную действительность, создавая определенные концепты, обозначенные языковыми знаками. Язык

отображает реальность знаковым способом, и фактическим результатом отражения являются концепты. Таким образом, все природные свойства вещей, явлений в концепте даны в форме, преобразованной человеческим сознанием идеально. В голове человека формируется концептуальная модель мира, другими словами, совокупность представлений и знаний человека о мире, помогающая человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира, в ситуации взаимодействия человека с природой и людьми. Различные концептуальные ряды в голове человека - это необычайно динамическое, вариативное, изменчивое образование, постоянно преобразующееся под влиянием приходящей извне информации

Таким образом, под **концептуальной картиной мира** понимается **совокупность знаний, мнений, представлений субъекта о мире, которая отражается в человеческой деятельности**. Языковая картина мира – составная часть концептуальной картины мира и содержит, помимо знаний о языке, информацию, дополняющую содержание концептуальной картиной мира с помощью языковых средств.

Механизм построения концептуальной системы и роль языка в этих процессах раскрывает Р.И. Павиленис, анализируя концептуальную картину мира с логико-философских позиций. Он использует в своих работах термины «концептуальная система» и «концепт», понимая под ними «непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире» [Павиленис 1983:280]. При этом подчеркивается, что концептуальная система отражает опыт субъекта как на языковом, так и на доязыковом этапах. «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря каналам чувственного восприятия мира он располагает определенной

(истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой информации происходит на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» [Павиленис 1983:101].

Исследование сущности концептуальной системы невозможно без анализа сущности процесса понимания языковых выражений. В таком русле процесс понимания языковых выражений рассматривается в контексте отношений мысль – язык – мир. Процесс понимания – это «процесс образования смыслов или концептов» [там же:101], причем проблема понимания языка не имеет смысла вне проблемы понимания мира.

Концепт – это «информация относительно актуального или возможного положения вещей в мире (т.е. то, что индивид знает, предполагает, думает, воображает об объектах мира)» [Павиленис 1983:102]. «Усвоить некоторый смысл – значит построить некоторую структуру, состоящую из имеющихся концептов в качестве интерпретаторов, или анализаторов, рассматриваемого концепта, «вводимого» - с внешней точки зрения» [там же:102]. Понимание языкового выражения, усвоение его смысла предполагает построение структуры смыслов, которые и рассматриваются в качестве интерпретаторов или анализаторов.

Это сводится к тому, что анализ смысла языковых выражений должен основываться на факторе концептуальной системы. В результате «фундаментального принципа интерпретации» интерпретируемый объект становится структурой концептов, которая соотносится с другими концептуальными системами. Языковое выражение можно считать осмысленным в данной концептуальной системе, если соответствующая этому выражению концептуальная структура интерпретируется

множеством ее концептов. Результатом этого процесса является понимание языкового выражения субъектом. Таким образом, понимание состоит в интерпретации репрезентантов, как языковых, так и неязыковых, на определенном уровне концептуальной системы. А смысл языковых выражений «тем самым оказывается «вплетенным» в определенные концептуальные системы, отражающие познавательный опыт их носителей» [Павиленис 1983:120].

Есть основания, что концепт включает в себя и психологическое значение, и личностный смысл [Пищальникова 1993:15]. Ядром этого образования является понятие – обобщение предметов по их индивидуальным признакам. Это и обеспечивает возможность коммуникации между носителями разных концептуальных систем. Оперирование понятиями происходит за счет языка, а это обуславливает наличие в концепте языковой и предметной компоненты. Таким образом, язык предстает одним из компонентов концепта. «Усвоенные субъектом значения слов и других содержательных единиц языка включаются в соответствующий концепт системы в качестве одной из его составляющих и способны наряду с другими составляющими концепта (визуальными, слуховыми и пр.) представлять концепт в целом ... любой вид такой информации может быть ассоциирован со знаком» [Пищальникова 1992:38]. С таких позиций смысл понимается как образующая сознания, объединяющая «визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые, вербальные и другие возможные характеристики объекта» [Пищальникова 1993:12].

Итак, проблема понимания должна рассматриваться, прежде всего, как проблема понимания мира субъектом на базе имеющейся у него концептуальной картины мира. Под концептуальной картиной мира в данном исследовании будет пониматься система информации об

объектах, актуально и потенциально представленная в деятельности индивида.

Так как «предположение» - это один из индивидуальных способов представления реальности субъектом, то есть основания рассматривать данное понятие как смысл, который характеризуется как способностью включения человеческого опыта в социальную коммуникацию. Он не существует вне системы коммуникации и открывается посредством акта коммуникации.

Таким образом, смысл может быть заложен автором в текст только при наличии уверенности в том, что этот смысл все-таки может быть расшифрован, интерпретирован реципиентом. Это является основанием для того, чтобы рассматривать «предположение» в системе концептуальной картины мира.

1.1.2 Место «предположения» в иерархической системе персуазивных смыслов

Смысл долгое время не признавался лингвистами категорией лингвистической, основное внимание уделялось значению как собственно языковому явлению. Вместе с тем, значение и смысл реально существуют и характеризуются присущими только им свойствами. Эти две сущности представляют собой целостный феномен, который разделяется при решении определенных задач. Понятие смысла характеризуется тем, что включает в себя широкий круг различных явлений: от смысла жизни до смысла знакового выражения. Это является одной из причин, затрудняющих его однозначное определение. Способствует этому также и то, что смысл характеризуется нечеткостью, вариативностью, изменчивостью, субъективностью, вследствие чего он практически не формализуем, и, что самое главное, он плохо поддается

непосредственному наблюдению. Необходимость смысла возникает там, где существует необходимость понимания, предполагающего осмысление. Но осмысление необходимо не только при восприятии текста, но и действительности: материальной, ментальной, социальной и др. Именно поэтому категория смысла характеризуется таким широким диапазоном сфер приложения. В связи с этим вполне естественно, что смысл – это интердисциплинарное явление. Он интересует, помимо лингвистики, и логику, и философию, и психологию. Несмотря на то, что в центре пересечения интересов этих дисциплин находится язык с его отнесенностью к мышлению, с одной стороны, и к действительности, – с другой, каждая из этих дисциплин усматривает в данной проблеме свой интерес.

Различение смысла и значения восходит к одному из представителей данного направления Г. Фреге. Он определяет «смысл» как способ представления денотата (под денотатом понимается значение текста или знака), смысл отражает связь между денотатом и знаком [Фреге 1997]. В этом же направлении работал также Ж. Гийом [Гийом 2004]. Развивая идею противопоставления смысла и значения, им (в самых общих чертах) были выявлены следующие различия. Во-первых, смысл отражает не языковой контекст, во-вторых, пространство и интерпретации смысла всегда больше чем значения, в-третьих, смысл содержит замысел, интенцию высказываемого. «Смысл, таким образом, оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, которое имеет несколько зон различной устойчивости. Значение есть только одна из зон того смысла, который приобретается в контексте какой-либо речи, и притом зона наиболее устойчивая, унифицированная и точная» [Выготский 1982:369]. Следовательно, смысл есть явление сложное, подвижное, постоянно изменяющееся в известной мере сообразно отдельным сознаниям и для одного и того же сознания в

соответствии с обстоятельствами. В этом отношении «смысл» является неисчерпаемым. «Слово приобретает свой смысл только во фразе, но сама фраза приобретает смысл только в контексте абзаца, абзац – в контексте книги, книга – в контексте всего творчества автора» [Выготский 1982:370].

Таким образом, основная задача исследования заключается в том, чтобы проблему смысла обсуждать не в узком, специально лингвистическом аспекте, а как логико-гносеологическую проблему понимания. Поэтому считается, что проблема смысла должна рассматриваться как поиск ответа на вопрос о том, что знает человек, когда он понимает выражение языка. Следовательно, намечается связь определения смысла с определением понимания. Смысл выступает как абстрактное взаимодействие человека и бытия, в результате, смысл не только раскрывает ситуацию употребления языкового выражения, но и характеризует отношение человека к миру.

Г.П. Щедровицкий на основе этих выводов дает следующее определение: смысл есть «та конфигурация связей и отношений между разными элементами ситуации деятельности и коммуникации, которая создается и восстанавливается человеком, понимающим текст сообщения» [Щедровицкий 1974:91]. Конечно, увидеть множество связей и отношений, вообще конфигурацию, можно из внешней деятельности, например, при интерпретации. В этой позиции и производится смысл как результат процессов понимания. Что же касается места смыслов в процессе понимания, то субъект находится в практической позиции, ограниченной конкретными задачами действия. Поэтому в практике выделяется не «весь» смысл, а лишь какие-то частные аспекты. Вместо смысла как целостной структуры «усматриваются смысловые характеристики конкретного акта конкретного реципиента» [Щедровицкий 1974: 96].

Следовательно, «смысл» - это единица коммуникации, в основе которой лежит восприятие того, что именно хочет сказать говорящий и какие мотивы побуждают его к высказыванию.

Сложные связи между языком, мышлением и действительностью, многообразие и уникальность функционирования языка в процессах познания и коммуникации придают особую принципиальную значимость изучению и выявлению содержательной стороны языка как такового и требуют более строгой проработки и уточнений понятий смысла и значения.

В научной литературе широко распространено смешение смыслов с различными понятиями – значениями, эмоциями, референтами, представлениями и др. Чаще всего выражается мысль, что «смысл процессуален и в силу этого имеет динамические, изменчивые значения» [Ермаш 1982:102]. Смысл соотносительен со значениями, референциями, но значения, коррелирующие со смыслами, могут быть любые. Стабильность смыслов – не в привязке к значениям, а в статусе обобщенности в роли тематического объекта для интенционального акта.

В отечественном языкознании над проблемой отличия значения от смысла работали многие ученые (А.В. Бондарко, Л.М. Васильев, М.В. Никитин, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов и др.). Большой вклад в разрешение проблемы соотношения значения и смысла внес А.А.Потебня. Он различал «ближайшее значение» как языковую форму и «дальнейшее значение» слова, связанное с внеязыковым содержанием, в совокупности представляющие актуальный речевой смысл. «Значение слов в этой мере, в какой оно составляет предмет языкознания, может быть названо внутренней их формой в отличие от внешней звуковой, иначе способа представления внеязычного содержания» [Потебня 1922:72]. Это мнение разделяют и современные ученые (А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, И.А. Нагорный, М.В.

Никитин), полагая, что языковое содержание выступает лишь в качестве средства формирования, хранения и передачи наших знаний о мире, этим обуславливается взаимопонимание в процессе общения. Совсем иначе обстоит дело с неязыковым мыслительным содержанием (с невербальными знаниями о мире). Объем и его качество различные, что, разумеется, влияет на степень взаимопонимания людей в процессе коммуникации.

Исходя из того, что смысл - категория личностная, «достояние индивида» [Никитин 1988: 39], он обладает свойством подвижности и изменчивости от человека к человеку, от текста к тексту. Тогда на долю смысла, а не значения относятся различия пониманий одних и тех же единиц языка и сочетаний в тексте разными людьми, различия в связываемых с ними представлений, ассоциаций и оценок; «смысл образуется напластываниями на значения, обусловленными особенностями индивидуального опыта и психики» [Никитин 1988:39].

В отличие от значения, понимаемого как содержание единиц и категорий языка, включенное в его систему, смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка, - «то общее, что объединяет высказывание в целом» [Бондарко 1998:53-54]. Смысл опирается не только на языковые формы, но и на другие разновидности "носителей" информации (интонация, мимика, жесты). Данную интерпретацию смысла и значения мы связываем с известным в лингвистической традиции представлением о соотношении языкового и мыслительного содержания, которое, по существу, является теоретическим основанием интерпретации смысла высказывания в целом.

Следует отметить, что индивидуально-личностное варьирование содержания словесных знаков – это то общее представление и понятие людей, что есть в их сознании при всех индивидуальных различиях и что откладывается в нем как отражение общего в структуре действительности

и человеческой деятельности. В этой характеристике существенной представляется мысль о том, что смысл перекодируется говорящим в значения, а воспринятые слушающим значения переходят в смысл. Это важно для понимания того, что значение и смысл представляют собой не разные и независимые объекты, а «разные стороны, аспекты, формы существования мыслительных (мыслительно-языковых и мыслительно-речевых) единиц, которые оказываются способными к взаимным переходам, к перекодированию» [Никитин 1988:39]. Смысл возможен только тогда, когда существуют значения, которые тем самым подчиняют мысль определенным ограничениям. Следовательно, смысл предлагает целостную структуру, составные компоненты которой находятся в определенных отношениях и связях. А.В. Бондарко такими составляющими компонентами называет понятие категорий, выступающих в конкретных речемыслительных реализациях и взаимодействующих друг с другом в составе смысловых комплексов: «Целостность смысла высказывания не исключает, а напротив, предполагает наличие в нем определенной структуры, т.е. смысл как целое членится на составные компоненты, между которыми существуют определенные отношения и связи. Компоненты смысла – это понятийные категории, выступающие в конкретных речемыслительных реализациях и взаимодействующие друг с другом в составе смысловых комплексов» [Бондарко 1978:40].

К понятийным категориям относятся: достоверность/недостоверность, предикативность, мотив, модальность, темпоральность, ситуативность, коммуникативность (М.Б. Бергельсон, А.В. Бондарко, Л.С. Выготский и др.). Глобальным свойством любого смысла выступает информативность как речевая, так и языковая в их непосредственной взаимосвязи.

Это является, на наш взгляд, подтверждением того, что **значение вне текста существовать может, а смысл – нет.** Понять смысловую структуру высказывания – значит выделить информативный слой.

В данном исследовании под **смыслом** мы будем понимать **информацию, «которая передается говорящим и воспринимается слушающим на основе содержания, выражаемого языковыми средствами в сочетании с контекстом и речевой ситуацией, на фоне существенных в данных условиях речи элементов опыта и знаний говорящего и слушающего»** [Бондарко 1978:95]. В смысловой структуре высказывания информация о мире (номинативное содержание, или диктум высказывания) взаимодействует с информацией о разнообразных обстоятельствах, из которых складывается акт речевого общения и которые, в конечном счете, формируют высказывание как речевую единицу, способную реализовать цели коммуникантов (модус высказывания) (Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, А.В. Бондарко, В.Г. Гак, Г.В. Колшанский, Т.В. Шмелева). Существо идеи о двухчастном содержании высказывания заключается в следующем: высказывание, каким бы элементарным оно ни было, помимо информации о мире, объективной действительности, включает информацию субъективную, выраженную эксплицитно или имплицитно и идущую от говорящего и момента общения.

Информация, по нашему мнению, представляет собой предельный и запредельный уровень. Предельный уровень (речевая информация) – информация, которая имеет свое выражение в речи. Это та часть информации, которая была отобрана участниками речевой ситуации из прединформации для успешного речевого акта.

Запредельный уровень представляет собой сведения о мире, которые не нашли своего отражения в речевом акте. К запредельному уровню относятся:

- предынформация – общая информация знаний и представлений коммуникантов о реальном и возможном мирах;
- пресуппозиция;
- метаинформация – информация, полученная в результате речевой деятельности коммуникантов (информация об информации).

Рис.1 Структура информации речевого акта

В совокупности данные элементы представляют информационный слой смысловой организации высказывания. Для любого знака характерно рассмотрение его в качестве особого интегратора информации, а также средства для передачи этой информации от говорящего к реципиенту. Так, модальные частицы и слова являются показателями того, что информация об объективной действительности «пропущена через субъекта речи» и отражает его видение мира: *Мы, почувствовав это, глядели глазами сухими, Понимали, что **вряд ли** от памяти мы убежим (К.Симонов); Не думай о секундах свысока. Наступит время – сам поймешь, **наверное**: свистят они, как пули у виска, - мгновения, мгновения, мгновения...* (Р.Рождественский).

Предынформация представляет собой соединение общих знаний, представлений о реальном и возможном мирах. Однако не следует предынформацию речевого акта смешивать с пресуппозицией. Если для

пресуппозиции главным является критерий истинности/ложности (по Фреге 1977), то для предынформации этот аспект не является приоритетным.

На основе существующих видов информативности мы выделяем основные этапы формирования смысла в процессе речемыслительной деятельности говорящего (А.В. Бондарко, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия):

1. первое представление о содержании будущего высказывания – первоначальный замысел;
2. структурирование первоначального замысла и его языковая интерпретация;
3. преобразование речевого смысла.

С точки зрения слушающего, в восприятии речевого смысла выделяются следующие этапы:

1. восприятие высказывания – соотношения плана выражения с планом содержания;
2. извлечение из плана содержания смысла и соотнесение с информацией;

Следовательно, речевой акт начинается со смысла (прообраза) говорящих и заканчивается смыслом слушающего.

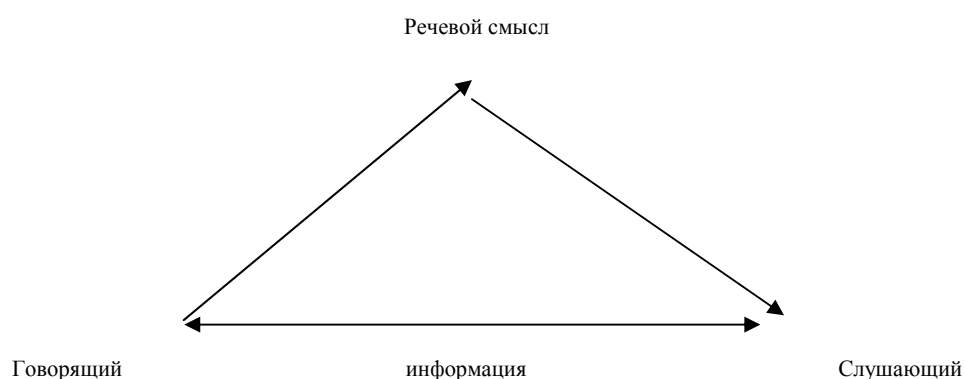

Рис. 2.

Приоритетным для нашего исследования являются 7 признаков, различающих смысл и значение:

1. значение является содержательной стороной единицы языка, а смысл может быть передан разными единицами в языке, и единицами различных языков, а также и неязыковыми средствами;

2. значение – элемент языковой системы, смысл – это явление речи, имеющее ситуативную и личностную обусловленность;

3. значения единиц разных языков могут не совпадать по своему содержанию, по объему и месту в системе, смысл же «не зависит от различий между языками, он универсален», представляет инвариантное содержание отрагательной деятельности человека;

4. вследствие связи с языковыми единицами и языковой системой состав языковых единиц относительно ограничен, тогда как набор конкретных смыслов, выраженных в речи, не ограничен;

5. выражение в актах речи бесконечного количества новых смыслов, благодаря нетождественности содержания сочетающихся языковых единиц сумме значений, ситуативной обусловленности смыслов, а также участию, наряду с языковым, неязыкового значения в формировании смысла;

6. языковые значения служат одним из средств для выражения смысла в конкретном высказывании;

7. «значения языковых единиц в акте речи и передаваемый смысл находятся в отношении перекодирования...; слушающий перекодирует значения воспринимаемых им знаков в смысл» [Бондарко 1978: 50-51].

Мы считаем, что структура смысла сложна. В чистом не осложненном виде смысл появляется очень редко, т.к. «языковой смысл есть категория, структурированная «по вертикали»: на самой верхней ступени он существует как смысловой исход (смысловое начало); далее

следует членение на частные категории, готовые, в свою очередь, разделиться на более узкие смыслы; таким образом, в языке существует многоступенчатое подчинение смыслов, инкорпорированных один в другой и всем своим составом стремящихся к вершине» [Стексова 2002:49]. Осложнения образуются коннотативными наслоениями, разного рода оценочными и персонализирующими факторами, которые носят прагматический оправданный характер. Среди таких наслоений следует отметить актуализационные признаки: модальность, темпоральность, персональность, локализованность и др. Следовательно, сфера общего смысла конкретного высказывания должна исследоваться с коммуникативно-прагматических позиций.

Следует отметить, что сложная и многогранная проблема анализа значения и смысла языковых единиц лежит в основе общей теории языка как средства формирования и передачи информации и освоения мира и теоретического обоснования связи мысли, языка и действительности.

1.1.2.1 Логическая основа предположения (категории «возможность» и «вероятность»)

Понятие «предположение» носит логический характер и исходит из возможности, это определяется тем, что «предполагать можно то, что возможно» [Никитевич 1963:210]. Но предположение тем самым не есть возможность. Эти две сущности различны по своему характеру.

Возможность – это то, что при «определенных условиях может стать действительным или может быть мыслимо как действительное» [ФЭС 2001:73]. Следовательно, возможность связана с объективной тенденцией развития события (по терминологии Н.И.Кондакова «объективная возможность» [Кондаков 1975]). В то же время на характер отношений между субъектом и предикатом суждения могут повлиять

некоторые условия, которые имеют непосредственное отношение к говорящему. Это является одной из причин выделения «субъективной возможности» [Кондаков 1975]. Обе эти разновидности реализуются в высказывании в конкретных проявлениях, так, по мнению Э.Бенвениста, мыслительные операции, независимо от того, носят ли они абстрактный или конкретный характер, всегда получают выражение в языке [Бенвенист 1974]. Например, *Это, должно быть, самый маленький институт в стране; на всех пяти курсах нас, студентов, шестьдесят два человека* (В.Тендряков). В данном случае «возможность» реализуется с помощью модального выражения **должно быть**. Трансформируем приведенное высказывание *Это самый маленький институт в стране; на всех пяти курсах нас, студентов, шестьдесят два человека*. Возможность носит предположительный характер, основанный на объективных условиях создания ситуации в действительности. Ср., например, *Жила бы мать дальше – я бы, наверное, кончила Консерваторию и вышла бы неплохим пианистом – ибо данные были* (М.Цветаева). Данное высказывание не поддается методу трансформации, и выбор языковых средств зависит от мотивации говорящего. Условия носят субъективный характер, следовательно, здесь заключен смысл предположения, основанный на субъективной возможности осуществления действия в реальности.

Таким образом, «возможность» является своеобразным центром, формирующим смысл «предположение».

Параллельно с понятием «возможность» лингвистами выдвигается понятие вероятности [ФЭС 2001, Кондаков 1975]. Существенное заложено в том, что вероятность осуществления события в действительности всегда связана с параметрами «я-здесь-сейчас», то есть «на данный момент». Таким образом, допускаемый говорящим результат может быть иным по отношению к первоначальному. Однако

возможность такого исхода заложена в суждении изначально. Например, *Бурной жизнью утомленный, равнодушно бури жду: **Может быть**, еще спасенный, Снова пристань я найду...* (А. Пушкин). Вероятность осуществления ситуации автором расценивается как положительная *найду*, однако потенциально в высказывании заложена возможность реализации и другого результата *найду – не найду*.

Эти два понятия тесно соотносятся друг с другом и образуют проблему исследования возможных миров [Hintikka 1975, Хинтиikka 1981, Целищев 1977, Смирнова 1996]. Возможный мир представляет собой мир, который возможен по отношению к действительному. «Каждый, кто когда-либо думал о вероятности различных возможностей относительно завтрашней погоды, тем самым рассматривал и несколько возможных положений дел» [Хинтиikka 1981:39]. Таким образом, одна языковая ситуация представляет собой минимум две возможных области осуществления (истина-ложь). Например, ***Видимо**, кухарка уже знала о том, чего не знала няня* (В.Гроссман). Данное высказывание представляет собой две возможных области реализации отображенной ситуации – *знала – не знала*. В действительном же мире, где реальный результат не обозначен, оно характеризуется как относительно истинное. В данном случае это достигается с помощью модального слова *видимо*.

Таким образом, вероятность, в смысловом аспекте, – это конкретная категория, затрагивающая локализацию ситуации в рамках «на данный момент». Вероятность представляет собой актуализацию конечного результата ситуации и «базируется на выводном знании, являясь результатом логической операции умозаключения» [ТФГ 1990:163]. В то время как возможность – абстрактная категория, которая допускает несколько вероятностей развития события. Следовательно, границы категории возможности «шире», чем вероятности, так как они могут

выходить за пределы действительности [ФЭС 2001, Геворкян 1965, Нагорный 2000].

В конструкте, *Наверное, дождь собирается*.

Вероятность того, что пойдет дождь низкая (маловероятно), так как неизвестен конечный результат – *дождь собирается – не собирается*.

Возможность проявляется намного шире.

А). *Возможно, что пойдет дождь;*

Б). *Возможно, что дождя не будет;*

В). *Возможно, что будет дождь с грозой;*

Г). *Возможно, пройдет мелкий дождик* и т.д.

Таким образом, возможность выходит за рамки координат «здесь-сейчас» и распространяется до координат «после», что в свою очередь влияет на констатацию факта. А вероятностное суждение о наступлении ожидаемого события «высказывается тогда, когда это событие в данных условиях возможно» [Нагорный 2001:75]. Важно подчеркнуть, что вероятностно-возможное осуществление положения дел зависит и от персуазивной квалификации говорящего в сообщаемом [Шмелева 1984, Нагорный 2000]. Таким образом, происходит наложение одного смысла на другой (сомнение, предположение, неуверенность и др.). Однако центральными (базовыми) остаются логические смыслы «возможность» и «вероятность».

Выше было отмечено, что в научной литературе смысл варьируется широко и разнообразно. Это привело к тому, что в исследованиях появились попытки распределения смысла по блокам [Бондарко 1984, Шмелева 1995, Нагорный 2000].

Первый блок – базовые (базисные, центральные) смыслы – составляют вероятность и возможность.

Второй блок – актуальные смыслы – предположение и конкретизирующие смыслы (сомнение, избыточность, эвиденциальность)

– реализуются на основе первых, расширяя или уточняя какой-либо из аспектов (см. рис. 3).

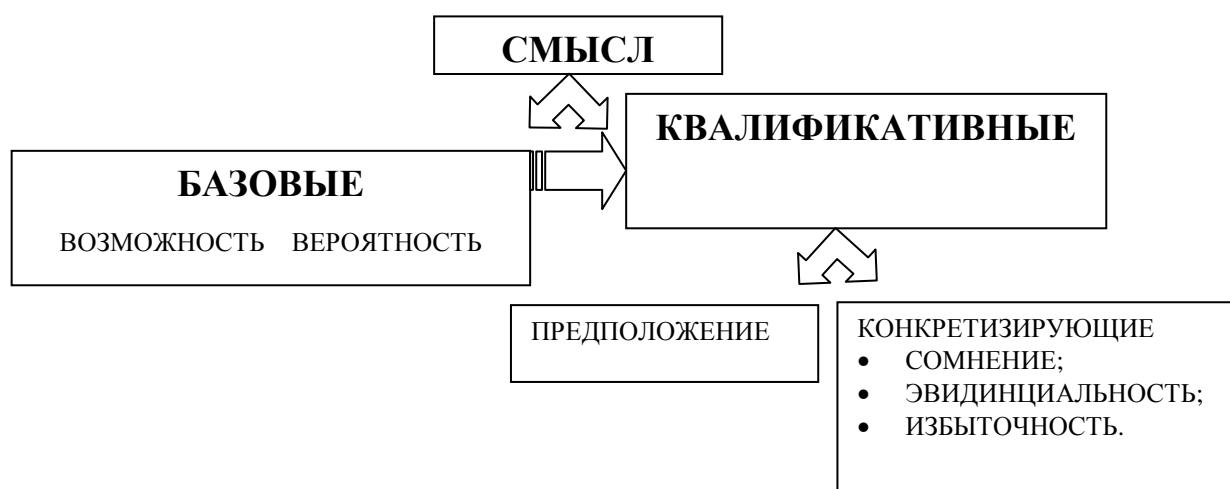

Рис. 3

Если базовые смыслы основываются на объективных условиях возможного осуществления ситуации, то актуальный смысл используется говорящим для решения поставленной коммуникативной задачи. Они вносят уточняющий характер и соотносятся с речевой ситуацией «здесь – сейчас», в центре которой находится точка зрения говорящего (авторская позиция). Таким образом, актуальный смысл связан с действительностью через смыслы «возможность» и «вероятность». Это в свою очередь, приводит к тому, что актуальные смыслы не являются однородными по своему составу. Центральное место отводится смыслу «предположение».

В логике предположение трактуется как «положение, которое временно принимается за возможно истинное, пока не будет установлена истина» [Кондаков 1971:413]. Исходя из этого определения, мы полагаем, что предположение базируется на возможном положении дел в

действительности. Следовательно, по отношению к логическим смыслам предположение является смыслом, актуализированным для решения конкретной коммуникативной задачи. Таким образом, возможность как базовый логический смысл и предположение при наличии в семантике ряда общих черт нельзя отождествлять, т.к. они имеют разную природу и служат для обозначения разной степени достоверности. Действительно, «предположение исходит из возможности, но, тем не менее, не есть сама возможность» [Нагорный 2000:252]. Предположение в отличие от возможности всегда субъективно. Оно преломляется через «я» индивида, в то время как возможность зависит не столько от субъективного фактора, сколько от условий, которые существуют в объективной реальности. Это то, что может стать фактом действительности при реализации определенных условий, которые могут повлиять на характер отношений между субъектом и предикатом суждения.

1.1.2.2 Степень достоверности и предположение

В зависимости от того, как говорящий оценивает полноту своих знаний, высказывание может быть представлено как достоверное/недостоверное положению дел в действительности. Это связано с проблемой персуазивности. Под **персуазивностью** мы понимаем – предикативную категорию, которая отражает мысль субъекта, квалифицируемую с точки зрения достоверности. Следует отметить, что в данном случае речь идет не об истинности/ложности [Болинджер 1987, Austin 1970] объективного факта действительности, а о субъективном отношении говорящего к этому фрагменту информации.

Соотношение высказывания с действительностью в аспекте достоверности/недостоверности сообщаемого затрагивает ряд важных проблем логического и лингвистического научного знания:

истинности/ложности высказывания, утверждения/отрицания, уверенности/неуверенности, иерархичности и другие аспекты рассматриваемых вопросов [Беляева 1985, Нагорный 2000, Панфилов 1971, ТФГ 1990, Шмелева 1984, Grundzuge einer deutschen Grammatik 1984, Brinkmann 1971].

Традиционно выделяется три степени достоверности содержания высказывания: простая (нейтральная), категорическая и проблематическая [Бондаренко 1979:58]. Семантическую шкалу достоверности можно представить таким образом: на одном полюсе располагаются средства выражения модальности проблематической достоверности с наибольшей степенью сомнения, на другом – средства выражения модальности категорической достоверности с наибольшей уверенностью говорящего в сообщаемом. Промежуточное положение на данной шкале занимают модальные значения, заключающие в себе нейтральный способ представления информации.

Смысловая сфера предположения включает в себе предварительное суждение о чем-либо, основанное на той или иной степени уверенности говорящего в сообщаемом. Таким образом, речь идет о характере знания, которое возникает в процессе познания субъектом объективной действительности, так как суждения могут быть с различной степенью достоверности в зависимости от степени познания этих связей. *Говорят, евреи равнодушны к природе. Так звучит один из упреков в адрес еврейской нации. Своей, мол, природы у евреев нет, а к чужой они равнодушны. Что ж, может быть, и так. Очевидно, во мне сказывается примесь еврейской крови (С. Довлатов)* – говорящий строит свое предположение. Предположение «ОН»-говорящего переходит к «Я»-говорящему, при этом устанавливаются границы «своего» и «чужого» мнения. Достоверность «первичной» информации носит проблематический характер, говорящий снимает с

себя ответственность за достоверность информации, принадлежащей не ему, оставляя в то же время за собой право ее квалификации (*говорят, мол*). Собственно авторское отношение к описываемым событиям приобретает нейтрально-достоверные признаки. Наличие эвиденциальности не позволяет предоставить «свою» информацию как категорически достоверную (*может быть, очевидно*). В других случаях недостаточные знания об объективной действительности позволяют квалифицировать события как нейтрально- или проблематически достоверные. Например, в высказываниях с модальными словами и частицами: *Может быть, она и молилась, но не показно, стесняясь меня или боясь меня притеснить (А.Солженицын); А что потом - я знаю, что будет потом, - вы скажете, что вам нездоровилось, что слишком было жарко, что, возможно, многое просто почудилось вам от жары, усталости и так далее (Ю.Олеша); Быть может, люди, что творили эти кирпичи и заборы, уже умерли от старости и от истощения труда, но зато от их тела остались кирпичи и доски - предметы, которые составляют сумму и вещество государства (А. Платонов)*.

Говорящий оценивает степень достоверности формирующегося у него мнения о действительности. При этом субъективная оценка степени достоверности высказывания может не совпадать с тем, в какой мере эта точка зрения, в самом деле, соответствует действительности. Иначе говоря, «степень достоверности ... мысли и ее истинность представляют собой разные величины» [Панфилов 1977:41]. *Говорят, что в пересчете на обычные отметки выпускники российских школ сдали Единый госэкзамен на тройку (з.т.)* – для говорящего рассматриваемый факт имеет место быть в действительности, однако на истинность предоставляемой информации он не может положиться. При этом высказывание приобретает эвиденциально-предположительный характер.

Семантическая структура поля достоверности определяется по двум осям координат: по шкале вероятности, отражающей количественную оценку имеющихся у говорящего знаний о предмете, и по шкале уверенности, отражающей субъективное ощущение истинности или проблематичности высказываемой пропозиции. Соответственно этим параметрам в поле достоверности можно выделить два микрополя: вероятности и истинности, различие между которыми состоит в основании оценки. Оценка степени вероятности события зависит от того, как субъект оценивает доказательную силу имеющихся у него данных (степень обоснованности высказывания). Определяя свое отношение к действительности, говорящий в большинстве случаев основывается на знании определенного факта. Но достоверность/недостоверность информации складывается и из других источников: степени уверенности, обоснованности, определенности/неопределенности высказывания, поэтому в ходе определения степени достоверности надо опираться на данные аспекты. Схематично это можно представить следующим образом (Схема 1).

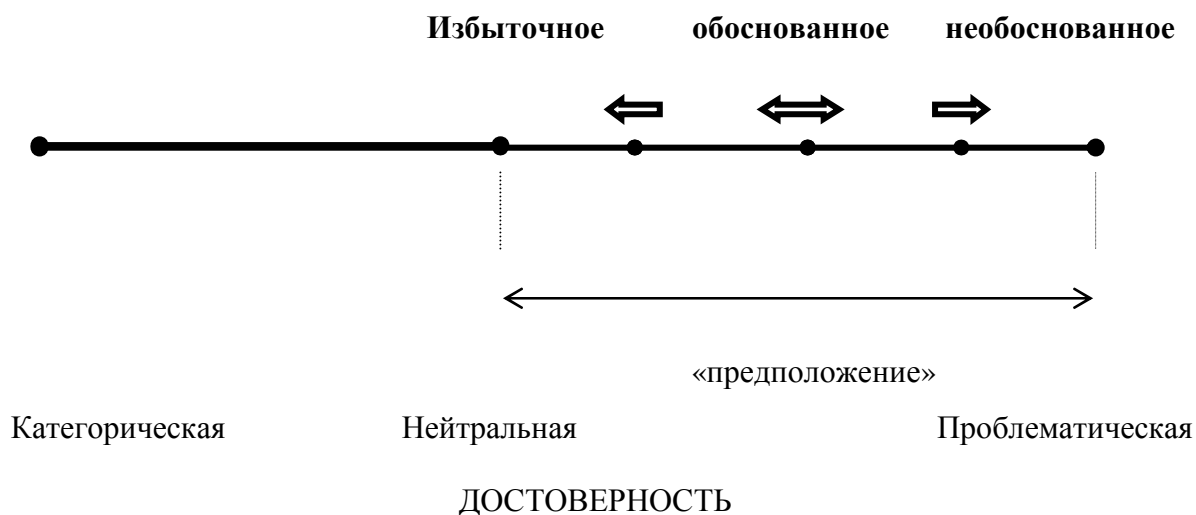

Схема 1

Мы считаем, для того, чтобы определить уровень предположения, необходимо объединить различные аспекты в, условно нами называемую, **конвергентность предположения**. При таком подходе высказывания анализируются с позиций достоверности/недостоверности, уверенности/неуверенности, определяется тип пропозиции.

$$([\text{Pr}]^{(\pm d)}) [-1; 0; +1],$$

где [Pr]- пропозиция высказывания.

Переменные ($\pm d$): (+d) – категорическая достоверность; (-d) – проблематическая достоверность; (d) – нейтральная достоверность.

[-1; 0; +1] – уровень уверенности: [-1; 0] – неуверенная информация; [+1] – уверенная.

$$1. \quad \left\{ \begin{array}{l} -d \\ -1; 0 \end{array} \right. = \text{Необоснованное предположение} \quad \text{допускает две}$$

возможности развития события. Объективные данные для обоснованного предположения при этом отсутствуют. Такое предположение – незакономерное, «сиюминутное», в большей мере основано не на объективных данных, а на желании говорящего расширить объем информации, выделить те или иные аспекты речевой ситуации. Значение смещено к полюсу недостоверности: *Сейчас у нас начинается буря, как бы он еще сильнее не разыгрался (В.Шукшин); У нас ожидают этой весной наводнение, готовятся все службы к эвакуации людей и животных. Возможно, если резко потеплеет, то наводнение в низинах неизбежно (В.Тендряков). Гусев, смотревший ему через плечо, сказал: - Предлагает кругом аппарата палатку поставить и охрану, только, Мстислав Сергеевич, как бы они у нас вещи не растаскали, люки-то без замков (А.Толстой); Как только будет можно, отправлюсь - только не в Европу, избави боже! - поеду в Америку, в Аравию, в Индию, - авось где-нибудь умру на дороге! (М. Лермонтов).* В подобного рода высказываниях пропозиция носит логический характер – результат

воздействия вводно-модальных элементов, отражающих наличие мыслительной операции квалификации денотативного содержания.

2. $\left\{ \begin{array}{l} -d \\ +1 \end{array} \right. =$ **Обоснованное предположение** базируется не только

на субъективных факторах, но и на частичном владении объективной информацией. Таким образом, такое предположение обусловлено обстоятельствами внешнего характера. Частичное владение субъектом информацией достаточно для аргументации предположения, но в то же время это недостаточно для того, чтобы превратиться в констатацию факта. Данное значение фиксируется между полюсами достоверности и недостоверности. Вероятность предположения тем более приближается к достоверной, чем большим знанием об описываемой ситуации обладает говорящий. Вводно-модальные компоненты примыкают к более значимому для пропозиции компоненту: а) к сирконстантам событийных пропозиций - *Приезжали отовсюду и, **по-моему**, даже с Ново-Буранова (В.Шукишин); 7 октября она писала сыну, **вероятно**, в Москву... (И.Ободовская); Слышится вопль: "Матренка! Матренка! где ты?" - потом следуют утешения, сопровождаемые **предположениями**, что, **вероятно**, Матренка с испуга убежала на огород...(М.Салтыков-Щедрин) б) к разного рода актантам событийной и логической пропозиции - *Батюшка Сергея Сергеевича умер, - сообщил Иван Васильевич. - Царство небесное, - сказала старушка вежливо, - он, **чай**, не знает, что вы пьесы сочиняете? А отчего умер? (М. Булгаков); Он прыгал на одной ноге и дрыгал другой, **якобы** сломанной (В. Аксенов); Мы, почувствовав это, глядели глазами сухими, Понимали, что **вряд ли** от памяти мы убежим (К. Симонов); Уже в наши дни я узнал, что просвещенные европейцы и американцы только такой неочищенный сахар и признают: он, **якобы**, полезней белого (В. Фрид); Денег не высылаю, еще не получили, к концу месяца должны, **вероятно**, дать (В.**

Распутин). На наш взгляд, в выше приведенных примерах тип пропозиции не играет роли как таковой, так как вводно-модальные компоненты не оказывают другого влияния, кроме модусного.

В высказывании *Может быть, конечно, он и болен, только мне кажется, что он скорее сейчас с друзьями где-нибудь развлекается, а не дома сидит* (В. Токарева) содержится две пропозиции. В первом случае пропозиция относится к событийному типу формально, так как модальные компоненты (*может быть, конечно*), примыкая непосредственно к предикату, вносят признаки логической. Вторая пропозиция имеет чисто логический характер. Это связано с тем, что говорящий отражает свою точку зрения на происходящее в действительности. Употребление семантически разнородных элементов - *может быть, конечно, мне кажется* - свидетельствует о стремлении реципиента точно отразить свою позицию на события реальности.

Разделим высказывание на семантические части:

1. сообщение о возможном признаке объекта (*Может быть*), (*конечно*), *он и болен*;
2. предположение о действиях объекта *он* (*скорее*) *сейчас с друзьями где-нибудь развлекается, а не дома сидит*;
3. оценка степени уверенности в сообщаемом *только (мне кажется)*.

Каждая часть содержит собственное модальное значение, зафиксированное с помощью языковых средств (*может быть, конечно, мне кажется, скорее*). Степень достоверности высказывания сдвинута к полюсу проблематической достоверности, не смотря на то, что в высказывании присутствует модальное слово *конечно*, которое принято называть показателем достоверности. Однако данный компонент не вносит никаких изменений в персуазивную характеристику, так как функция данного слова - экспрессивная. Именно вследствие разной природы значения и функции показателей недостоверности (*может*

быть), с одной стороны, и *конечно*, - с другой, возможно существование их в одном высказывании. По степени обоснованности – это обоснованное предположение, осложненное значением сомнения.

3. $\left\{ \begin{array}{l} +d \\ -\text{Ю} \end{array} \right. = \text{Избыточное предположение}$ характеризуется высокой

степенью обоснованности факта сообщения. Для таких высказываний характерна высокая степень уверенности говорящего в сообщаемом. Но это не достигает предела констатации факта в связи с тем, что наблюдается небольшая доля сомнения. Данное значение только приближено к полюсу достоверности. Особенность таких высказываний в том, что говорящий эксплицирует не предположение о событии как таковом, а его характеристики: *Алла начала ремонт в квартире делать. Вряд ли не управится за лето. Так что в конце августа должны приехать (В.Шукишин); Чуть ли не в самую последнюю очередь нам выдали пенсию (В.Астафьев); Я читал статью на разворот о выгнанном из университета талантливом математике, отлученном от науки, чуть ли не юном академике Сахарове, ставшем на путь истинный и потому ни черта не изобретшем, принесшем себя, свой талант, карьеру и будущность в жертву великому делу освобождения родины, а теперь одиноком, никому не нужном посреди жирующей Москвы, живущем, как бомж, на Савеловском вокзале и стирающем без мыла и порошка белье в пруду перед Тимирязевской академией (А. Варламов).* В такого рода высказываниях наблюдается проникновение модусного элемента в диктумный уровень. Подобного рода инкорпорация наблюдается как результат воздействия модальных элементов на пропозицию в целом или на отдельные значимые части, в частности, - предикат. *Наконец над площадью Белорусского вокзала возникло перед Лучниковым его любимое, встречу с которым он всегда предвкушал, то, что когда-то в первый приезд потрясло его неслыханным словосочетанием и*

недоступным смыслом, и то, что впоследствии стало *едва ли не* предметом ностальгии, изречение: "Газета - это не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, она также и коллективный организатор!" (В. Аксенов) - пропозиция формально остается событийной, но приобретает признаки логической – как результат мыслительной операции субъекта речи.

4. $\left\{ \begin{array}{l} +d \\ +1 \end{array} \right.$ = констатация (имплицитное предположение). Не

смотря на достаточно высокую степень уверенности и достоверности говорящего в факте информации (введенная в коммуникативный акт как данность), не редко наблюдается проявление имплицитного предположения. Это связано с тем, что к событийной пропозиции (чаще всего к предикату в целом) прикрепляются сирконстанты с временной локализацией, ориентированные на будущее (*завтра, вечером, утром, в следующем месяце (году) и т.п.*). - *Не буди население, завтра питание возьмешь, - сказал Копенкин.*

- *Завтра, товарищ Копенкин, они спрячут, - предвидел Никита, но не пошел, так как Копенкин не любил входить в рассуждения и мог внезапно действовать (А Платонов).* **Временная локализация** – это фиксирование описываемых событий на временной оси, где точкой отчета является момент речи.

Например, *Завтра будет дождь.* Высказывание расценивается как констатация факта, как элементарная данность. Однако наличие темпорального сирконстанта *завтра*, относящегося непосредственно к предикату, влияет на тип пропозиции – пропозиция приобретает логический характер. При таком условии, высказывание стоит расценивать не как констатацию факта, а как одно из возможных положений дел в действительности. Временной отрезок предположения расширяет свои границы «сейчас» - «после».

Стоит отметить, что в подобного рода высказываниях немаловажную функцию выполняет пресуппозиция (или иногда постпозиция). Данный уровень семантической организации высказывания берет на себя основную нагрузку. Это связано с тем, что за «кадром» высказывания остаются смысловые оттенки, влияющие на смысл в целом. Так, если говорящий ссылается на официальные данные (например, знание прогноза погоды), то высказывание приобретает эвиденциальный характер (имплицитное предположение, основанное на «чужом» знании). Если же расценивать данное суждение как мнение говорящего, который ссылается на собственные наблюдения, то высказывание является собственно предположительным с имплицитной выраженностью. - *Общество гибнет! - вскочил Леня, - Неужели и Вы этого не видите? Если мы сегодня не будем вкладывать деньги в духовное совершенствование народа, то нас всех завтра ожидает катастрофа (В.Суси).* Для слушающего владение пресуппозицией (или, иногда, постпозицией) высказывания необходимо для успешного коммуникативного акта. Например, *Завтра бандиты опять поскачут! - жуя, сказал Поганкин и хлопнул ложкой по лбу одного мальчика: тот вытащил сразу кусок картошки.*

- *Отчего бандиты? - хотел узнать Дванов.*

- *На дворе вывездило - дорога поусадистой пойдет! У нас тут как грязь - так мир, как дорога провянет - так война начинается! (А.Платонов)*

— для говорящего — это констатация факта *Завтра бандиты опять поскачут*, так как есть все основания для подобного вывода. Однако для слушающего данная информация является «чужеродной», пресуппозиция говорящего не приравнивается к пресуппозиции слушающего, из-за чего нарушается коммуникативный баланс - *Отчего бандиты? - хотел узнать Дванов.* Успех коммуникативного акта зависит от того насколько пресуппозиции коммуникантов уравновешены. Иногда наблюдается

переход пресуппозиции одного из коммуникантов в постпозицию - *На дворе вывездило - дорога поусадистой пойдет! У нас тут как грязь - так мир, как дорога провянет - так война начинается.*

Таким образом, можно отметить, что степень достоверности высказываний, содержащих в своей семантике предположение, находится в полюсе проблематической достоверности. Это обосновывается тем, что предположение, входящее в структуру эпистемической модальности, означает недостаточное владение информацией (или намеренную отстраненность) говорящего о возможности существования связи между объектом предикации и его признаком. Оценивающий субъект лишь предполагает наличие такой связи, это результат его мыслительной деятельности.

1.1.3 Семантическая категория «предположение»

Со времен античности представление о категоризации претерпело значительную эволюцию. Восходящая к Аристотелю традиция выделения категорий: сущность, количество, качество и др. [Аристотель 1978], положенных в основу разграничения частей речи и членов предложения, в современной литературе называется «классической». Не случайно понятие «категория» родилось внутри логико-философской лингвистической традиции, классификационной по своей сути. Категория стала непременным условием классификации. Аристотелевская модель категории – порождение своего времени и своей традиции. Ее можно определить как логико-философскую. Это выражается в следующем: категория мыслится как некая сущность, обладающая:

- 1) строго очерченными границами;
- 2) бинарностью признаков, необходимых для определения категории;

- 3) множеством равноправных членов, имеющих одинаковый статус;
- 4) набором свойств, общих для всех членов данной категории [Скребцова 2000, 88-89].

Таким образом, «классическая» модель категории оказывается организующим центром лингвистических теорий. Число категорий от десяти, выделенных Аристотелем [Аристотель 1978], разрастается до почти неисчислимого множества. Это стало возможным потому, что первая категоризация представляла, по сути, классификацию. Позже классифицирующий статус категории дополняется статусом основания для классификации. Следовательно, категория совмещает в себе две функции - категоризирующую и признаковую, т.к. **языковая категория** определяется как «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц, члены которого характеризуются одним и тем же значением данного признака» [БЭС 1998:215-216].

В связи с этим выделяются категории семантические, понятийные, грамматические, лексические, лексико-семантические и т.д. (все эти категории находятся во взаимодействии друг с другом).

В последнее время наблюдается тенденция расширения термина **«категория»**, под которым понимается:

- 1) общее понятие, отражающее наиболее существенные признаки лингвистических объектов: категории числа, вида и др.;
- 2) предельно общее понятие, отражающее существенные закономерности связи между языковыми единицами: категории синонимии, антонимии и др.;

- 3) название некоторой совокупности единиц связанных общим значением или общими семами: категории оценки, значения, образности и т.д.

Актуальность изучения категорий обусловлена переносом акцента научного интереса с анализа внутрисистемных закономерностей языка на изучение категориальных свойств языковых единиц. Это объясняется сменой научной парадигмы: формально-структурная парадигма уступила место функционально-прагматической вследствие обращения к человеческому фактору в языке [Арутюнова 1985; 1999, Бондарко 1978, Всеволодова 2000, Нагорный 2000, Stalnaker 1972, Motsch 1978, Sadock 1978, Paduceva 1987].

Причиной отхода от «классического» понимания категории явилось завершение лингвистикой логической категоризации. Когда основные языковые средства были расклассифицированы, то внимание ученых обратилось к «аномальным» единицам, которые занимают промежуточное положение между типичными классами. Формируется представление о ядерно-периферийной структуре языковых образований, что приводит к идее функционально-семантического поля [Бондарко 1978]. О. Есперсен замечает: «... имеются еще внеязыковые категории, не зависящие от более или менее случайных фактов существующих языков. Эти категории являются универсальными, поскольку они применимы ко всем языкам, хотя они редко выражаются в этих языках ясным и недвусмысленным образом ... За отсутствием лучшего термина я буду называть эти категории **понятийными категориями**» [Есперсен 1958, 58]. Не исключая традиционного подхода к изучению языков – от формы к содержанию, важным остается метод исследования языка с внутренней стороны, изнутри, идя от содержания к форме.

Мнение, что различия между языками носят не абсолютный, а относительный характер и касаются в основном формы экспликации

содержания, в то время как такие понятия, как предметность и действие, субъект, предикат, объект, атрибут с их модальными оттенками, а также отношения между словами в составе предложения оказываются общими для всех языков [Мещанинов 1958:5], позволяет понятийные категории относить к сфере мыслительной, внеязыковой и противопоставлять языковым (грамматикализованным) категориям. Например, темпоральности соответствует время, модальности – наклонение (Бондарко 1984; БЭС 2001; ТФГ 1990). Исходя из такого положения, правомерно представить смысл как понятийную категорию, противопоставленную категории значения.

Исследования в русле данной проблематики получили развитие в трудах А.В. Бондарко в связи с разработкой автором категории функционально-семантического поля, а также предпринятым анализом функционально-семантических, семантических/структурных категорий [Бондарко 1971; 1976; 1978; 1984]. Следует отметить, что А.В. Бондарко, отмечая тесную связь своих теоретических изысканий с воззрениями О.Есперсена и И.И. Мещанинова, выражает в то же время и собственное, несколько отличное отношение к рассматриваемой проблеме. Опираясь на теорию понятийных категорий, А.В. Бондарко вместе с тем несколько отходит от нее. Избранное направление определяется стремлением последовательно трактовать рассматриваемые категории как категории языковые, имеющие языковое содержание и языковое выражение. С этим связан и отказ ученого от термина «понятийная категория», поскольку, как он считает, этот термин дает основания думать, что имеются в виду логические понятия, а не категории языка [Бондарко 1971:8]. Исходя из этого, автор считает необходимым различать собственно понятийные (логические, мыслительные) категории и двусторонние языковые единства - функционально-семантические поля. Данные поля включают в себя семантические элементы в интерпретации данного языка и

конкретные элементы плана выражения этого же языка. Таким образом, собственно понятийные категории, имеющие универсальный характер, относятся к глубинному уровню, тогда как конкретно-языковая семантическая интерпретация данной понятийной категории, организация языковых средств, служащих для выражения данного значения, распределения семантической нагрузки между средствами выражения – все это относится к поверхностному уровню.

Следовательно, понятийные категории – это релевантные для языка ментальные категории, ориентированные, с одной стороны, на логико-психологические категории, а с другой, – на семантические категории языка.

Однако нельзя ставить знак равенства между семантической категорией и понятийной, т.к. семантическая категория является языковой интерпретацией понятийных категорий: «Семантические категории отличаются от тождественных по логическому содержанию понятийных тем, что имеют особую языковую реализацию – лексическую, синтаксическую и т.д.» [Маркелова 1995:9]. И если понятийные категории становятся объектом изучения в логике, философии, психологии, то лингвистика изучает соответствующие семантические категории.

В работе «предположение» рассматриваем как категорию, которая формирует прагматическое содержание высказывания, отражающее соотношенность реального факта с данным речевым актом и его компонентами.

В научной литературе понятие «предположение» имеет различные трактовки (М.Б. Будильцева, Н.А. Булах, Е.В. Гулыга, М.Д. Натанзон, Т.Н. Плюскина, Е.Н. Топтыгина, А.В. Чибук, Н.А. Шмелькова). Это связано с тем, что «предположение» двойственно по своей природе. С одной стороны, - это понятие исходит из логических явлений вероятности и возможности осуществления события в реальности; с другой, -

«предположение» – самостоятельный компонент смысловой организации языковой деятельности.

На современном же этапе изучения явления «предположение» наблюдается интеграция точек зрения исследователей из различных областей знания. Это привело к тому, что явление «предположение» стало рассматриваться не только как сугубо логическое явление.

Исходя из того, что индивидуализированное отражение действительного отношения *личности* к тем объектам, ради которых разворачивается ее деятельность, осознаваемое как “значение-для-меня”, мы рассматриваем предположение как прагматическую категорию.

Основой является мотивация говорящего в выражении собственной позиции на объективную действительность, в частности, выдвигать предположение. **Мотивация** нами понимается как **то, ради чего человек действует**, а не то, под воздействием каких фактов он действует [Столин 1979:323]. Мотив формируется на основе актуальных потребностей и особенностей ситуации; первые обуславливают необходимость именно данной конкретной направленности деятельности, вторые – ее возможность [Леонтьев 1999:218]. Мотив есть предмет, включенный в систему реализации отношения «субъект - мир» как предмет потребности и приобретающий в этой системе свойство побуждать и направлять деятельность субъекта [Леонтьев 1999:216]. «Смысл слова меняется от мотива. Таким образом, конечное объяснение лежит в мотивации» [Выготский 1982:164].

В работе мы будем исходить из положения о том, что семантика категории «предположение» прагматична, то есть задается интенциями говорящего и ситуацией общения с ее различными переменными. Ведущая интенция «предположения» заключается в том, чтобы обеспечить оптимальное взаимодействие с адресатом через экспликацию личностно значимого (субъективного) отношения говорящего к

содержанию высказывания и к ситуации в целом, а также выполнение конечной цели коммуникации – воздействия на коммуникантов в процессе речевой деятельности.

Итак, в семантике «предположения» можно отметить такие черты, как обширная представленность в русском языке, вхождение как составной части в более общую семантику, взаимодействие с другими значениями, а также внутреннюю сложную структуру. Все это свидетельствует о том, что семантика «предположение» предстает как категориальная, и дает нам право выделить семантическую категорию «предположение».

1.1.4 Ситуация «предположение»

Поскольку главной фигурой выражения «предположения» является говорящий, то при изучении данного смысла требуется обращение как к речевой ситуации, так и к коммуникативно-прагматическим установкам предложения-высказывания (Ш. Балли, В.В. Виноградов, П.А. Лекант, Е.В.Падучева, Т.В. Шмелева и др.).

Рассмотрение проблемы соотношения сообщаемого и действительности происходит в рамках теории референции, где референтом высказывания является ситуация [Гак 1998]. Ситуация в лингвистике понимается неоднозначно. Обычно под ситуацией понимают событие или условия, в которых осуществляется акт речи; денотат предложения [Гак 1998].

Только, на наш взгляд, при анализе высказывания, выражающего «предположение», важно учитывать его соотнесенность с ситуацией как денотативной, так и с коммуникативной, поскольку смысл окончательно формируется под влиянием экстралингвистических факторов. Под **денотативной ситуацией** мы понимаем «фрагмент

действительности, который служит референтом для языкового выражения с пропозитивным значением» [Падучева 1997:479].

Коммуникативная ситуация – это ситуация, составляющая контекст высказывания, порожденного в речевом акте. Коммуникативная ситуация определяется комбинацией прагматических переменных и интенцией, т.е. она составляет часть целостного содержания высказывания, включая и экстралингвистические смыслы, и то, что содержится в самом высказывании. «Образ коммуникативной ситуации формируют значения тех языковых единиц и форм, которые несут информацию не о денотате коммуникативного акта и не об отношении говорящего к этому денотату, а о самом акте коммуникации, его целях, структуре, признаках, распределений ролей участников» [Никитин 1988:164]. И хотя каждая внеязыковая ситуация уникальна по-своему, в языковом сознании она отражается как некоторое типизированное событие. О структуре коммуникативной ситуации писали В.Г. Гак, Т.А. ван Дейк, Р. Якобсон, Н.И. Формановская и др. Так В.Г. Гак выделяет в структуре коммуникативной ситуации говорящего и его адресата, пресуппозиции, коммуникативные намерения и цели как деятельностные компоненты ситуации [Гак 1998].

Так высказывания, выражающие смысл «предположение», являются показательным примером того, как в одном месте совмещаются денотативная и коммуникативная ситуации: *Может быть, что для прежнего состояния людей нужно было государственное устройство; может быть, для некоторых людей оно нужно еще и теперь, но люди не могут не предвидеть того состояния, при котором насилие может только мешать их мирной жизни (Л. Толстой)*. Основным средством описания структуры ситуации как денотата предложения считается пропозиция. Так, одна денотативная ситуация «предположение» может

содержать несколько пропозиций, объединенных ситуацией коммуникативного отношения (коммуникативной ситуацией).

Характерной особенностью предложений-высказываний с семантикой предположения является то, что все они сообщают о совершении диктумного события (предположение) и сопровождаются модусной квалификацией говорящим этого события как возможного/вероятного в объективной действительности, т.е. наблюдается инкорпорация диктумной и модусной части, следовательно, ситуация характеризуется как диктумно-модусная.

1.2. Семантическая структура высказываний, выражающих смысл «предположение»

Для полного описания ситуации «предположение» необходимо выявить: а) место, которое занимает данная семантика в смысловой организации предложения-высказывания; б) взаимодействие диктума и модуса в пределах одного предложения-высказывания, выражающего смысл «предположение».

При анализе семантической структуры необходимо выявить процесс взаимодействия типологических особенностей ситуации «предположение» в целом (денотативный и коммуникативный аспекты).

1.2.1 Диктумный аспект смысла «предположение»

Главным свойством любого смысла является его информативность, причем информативность как речевая, так и языковая. Данный аспект предполагает выделение уровневой системы организации категории «предположение» (Г.И. Богин, А.В. Бондарко, Р.И. Павиленис).

Формирование информативности на основе языковых факторов целесообразно рассматривать в русле идеи диктумной и модусной информативности Ш. Балли. Диктум и модус определяются исследователем как два функционально организующих центра высказывания. «Эксплицитное предложение состоит, таким образом, из двух частей: одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление; ... по примеру логиков мы будем называть ее диктумом. Вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложения, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом» [Балли 1955:43-44]). Существование в высказывании диктумной и модусной сторон заключено «в природе языковой единицы, связанной с одной стороны, с действительностью, с другой – с мышлением и предназначенной для отображения действительности и для сообщения о ней» [Лисоченко 1992:46]. Под **диктумом** высказывания мы понимаем «основное сообщение, референтом которого является некоторое положение дел в той реальности, которая отражается в речи» [Черемисина, Колосова 1987:3].

В качестве содержательных компонентов семантической структуры высказывания традиционно рассматривают диктум и модус (Т.Б. Алисова, Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, Э. Бенвенист, В.Г. Гак, И.А. Нагорный, Н.К.Онипенко, Е.В. Падучева, Т.В. Шмелева) как противопоставление объективной части смысла субъективной. Диктум охватывает объективное содержание высказывания, в то время как модус сфокусирован на выражении собственно субъективных смыслов [Бенвенист 1974:292-293]). Такая противопоставленность обусловлена противоположностью внешнего мира и человека, среды и субъекта, «я» и «не-я». Однако противопоставление диктумной и модусной части не всегда четко очерчено в структуре предложения-высказывания, которое

является авторским настроением, пропущенным через личность говорящего. «Объективная и субъективная части смысла максимально приближены друг к другу, нередко сливаются, представляя собой синтез двух автономных единств» [Нагорный 2000:128]. Так, в высказывании - *Где парень-то? Оять, **наверно**, весь в вашу породу* (В. Белов) - диктумная часть при помощи квалификатора НАВЕРНО притягивается к модусу, в результате чего, границы объективного и субъективного сливаются. Это характерно для высказываний с вводно-модальными компонентами и модальными частицами, которые выражают смысл «предположение».

Описание диктумного уровня в семантической структуре высказываний, выражающих смысл «предположение», обусловлено тем, что нужно установить уровень влияния модусных компонентов на диктум высказывания, что в свою очередь влияет на характер предположения, степень достоверности сообщаемой информации. Содержание любого предложения-высказывания является отображением некоторой внеязыковой ситуации.

1.2.1.1 Пропозитивный уровень

Диктумный уровень высказывания представляет собой иерархическую структуру, основу которой составляет пропозитивный слой. «Чтобы создать ... картину диктумного содержания предложения, необходим инструмент изучения диктума, своеобразный общий знаменатель различных смысловых элементов, позволяющих их упорядочить. На роль такого инструмента подходит понятие пропозиции» [Шмелева 1988:9]. Пропозиция понимается в узком смысле как модель «кусочка действительности», «положения дел» [Арутюнова 1976:1992; Дмитриевская 1988], т.е. «языковое воплощение некоего положения дел в

действительности, ситуации» [Шмелева 1988:9]. В качестве рабочего определения пропозиции мы принимаем следующее: **пропозиция** – это семантическая конструкция, которая образована предикатом с заполненными валентностями, т.е. предикатом и его аргументами и которая в некотором смысле изоморфна описываемой предложением ситуации [Касевич 1988: 59]. Пропозиция выступает как начальный способ "упаковки" информации, которая подлежит передаче посредством высказывания. Одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его глубинную (или смысловую) структуру денотативной ситуации. Каждая ситуация – это «отрезок отражаемой в языке действительности... В объективной реальности человеческое сознание выделяет прежде всего устойчивые элементы – материальные объекты (актанты и некоторые сирконстанты, например, пространственные ориентиры - М.В.). Ситуация образуется в результате координации материальных объектов и состояний» [Гак 1998:252].

Выделяется два основных типа пропозиции – событийная и логическая [Шмелева 1988], определяемые предикатом, набором актантов и сирконстантов, представленных в высказывании. Так, например, для высказываний, выражающих ситуацию «заявление о факте предположения», характерно наличие субъектного актанта при предикате, обозначающем мыслительную деятельность: *Я предполагаю, Он предположил и т.д.* Сама же ситуация факта «предположение» может быть с различной семантической наполненностью: *Май будет дождливым* (субъектный актант с характеристическим предикатом); *Ребенок остался без попечения родителей* (актанты роли: субъекта, ситуанта и креатива (ситуация, возникающая в результате осуществления действия) при акциональном предикате) *и др.* Пропозиция и в первом и во втором случае имеет событийный характер. Однако при соединении двух

пропозиций в одно целое, т.е. отражение полной ситуации предположения, наблюдается преобразование пропозиции из событийной в логическую: *Он предположил, что [ребенок остался без попечения родителей] или [май будет дождливым]*. Это объясняется влиянием предиката, отражающего мыслительный процесс субъекта. «Структуру пропозиции определяет предикат, который несет в себе существо «положения дел» - признак предмета или отношения между предметами; он указывает определенные места для предметов – участников «положения дел» (актантов), определяет их количество и роли» [Белошапкина (Современный русский язык) 1989:686]. На наш взгляд, семантическая валентность предиката *предположить* характеризуется двухместностью: субъект - производитель действия (агенс) и **делибератив** (лицо, предмет, событие, являющееся объектом интеллектуальной деятельности). Делибератив чаще всего указывает на некоторую ситуацию, положение дел, и поэтому имеет способность формировать пропозитивную ситуацию, а в совокупности с предикатом и субъектом характеризуют событие как полипропозитивное. Так, в высказывании - *Всякий человек, зная до малейших подробностей всю сложность условий, его окружающих, невольно **предполагает**, что сложность этих условий и трудность их уяснения есть только его личная, случайная особенность (Л. Толстой)* предикат *предполагает* притягивает субъект *всякий человек* и пропозитивный объект (делибератив) *сложность этих условий и трудность их уяснения есть только его личная, случайная особенность*. Высказывание отражает полипропозитивную ситуацию: 1) ситуация предположения; 2) делибератив. Следовательно, исходная база предположения представляет собой предикатно-актантную структуру – «важнейший строительный блок смысла, основной каркас, скелет вербализованной мысли» [Бегельсон 1981:347].

Другим вариантом высказывания, выражающего смысл «предположение», является использование отглагольного субстантива для обозначения ситуации предположения: *Мое предположение сводится к следующему: следуя веяниям эпохи, своему третьему сыну Аоно-старший решил дать сугубо мирную профессию - сделать его врачом (Б. Акунин); И еще более того, есть предположение, что это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц (М. Булгаков)*. Подобные конструкции также соответствуют семантической структуре: субъект при предикате интеллектуального действия и делибератив, указывающий на событие, являющееся объектом интеллектуальной деятельности. Это объясняется тем, что субстантив *предположение* входит в класс слов с реляционной семантикой (такие слова Ш.Балли называл идентификаторами [Балли 1955]), выделяющие отношения между двумя и более участниками ситуации. Реляторы (термин Н.Д. Арутюновой) представляют собой двухместный предикат, в нашем случае – глагол и имя (*есть предположение, сделать предположение, привести к предположению и др.*), с заполненными позициями субъекта и объекта предположения. Даже в том случае, если субъект предположения имеет имплицитный характер выражения: *Она стала смелее. Предположение, хотя легкое, шуточное, что она может быть несчастлива, неожиданно вызвало ее на откровенность (И. Гончаров)*. Чаще всего релятор «предположение» образует часть сложного предложения: *Точно так же, как и всегда, вмешательство привело бы его в досаду, и тотчас же с грустью почувствовал, как ошибочно было его предположение о том, чтобы душевное настроение могло тотчас же изменить его в соприкосновении с действительностью (Л. Толстой)*, и обозначает ситуацию объективной действительности. Ситуация характеризуется как полипропозитивная. Это объясняется тем, что в понятии пропозиции «объективное содержание предложения рассматривается в отвлечении от

всего субъективного его содержания» [Современный русский язык 1989:687]. В рассматриваемых высказываниях делибератив представляет одно из возможных развитий ситуации в действительности. Это не ситуация как таковая – это ее возможный вариант, который актуален для говорящего на данный момент речи. Субъект речи отражает свое видение положения дел в действительности. Это его ирреальный возможный мир актуализированной объективной ситуации. На наш взгляд, эта квалификация события принадлежит анализу в сфере модуса. В исследованиях последних лет для конструкций такого типа исследователи вводят термин **псевдосложные** предложения [Южакова 1998]. Особенность данных предложений заключается в том, что формально – это сложные конструкции, в семантическом же плане – простые, так как содержат «слитую» пропозицию.

Таким образом, семантическая структура высказываний, выражающих предположение, чаще всего представляет собой модель: субъект при предикате интеллектуального действия и делибератив, указывающий на событие, являющееся объектом интеллектуальной деятельности.

Помимо собственно предикативного оформления пропозиции, в том числе и с помощью слов с реляционной семантикой, пропозиция может быть оформлена конструкцией с дополнительной предикацией – причастной и деепричастной.

Любое предложение, в котором содержится усложнение информативной структуры, Г.А. Золотова считает полипредикативными (и в то же время полипропозитивными). Выявление дополнительной предикативности может идти, по мнению Г.А. Золотовой, только с учетом понятий относительного времени и таксиса [Золотова 1995]. Основной носитель предикативности (сказуемое) выражает время – свободное или релятивное, таксисное. Время – это один из компонентов

предикативности. Те же возможности имеются и у других компонентов предикативности – категории модальности и персональности. Вторичные предикаты (причастия, деепричастия) также обладают подобными свойствами.

Конструкции с деепричастием и причастием (а также оборотами, образованными ими) традиционно относят к полупредикативным конструкциям. Особенность таких предложений заключается в том, что в них объединяется несколько высказываний о разных событиях. Такие конструкции оформляются не в виде «предикативной основы», а с помощью полупредикативного типа элементов. *И в самом приятном расположении духа Свяжский встал и отошел, видимо **предполагая**, что разговор окончен на том самом месте, где Левину казалось, что он только начинается (Л.Н. Толстой); Но «соседи», конечно же, выдвинут ряд своих, специфических версий, **предположив**, как всегда в подобных случаях, участие ЦРУ, МИ-6, Моссад или кого-то еще (Д. Корецкий); И если я когда-нибудь, - **предположив** нелепость, - буду в законном браке, то я даже рад буду вашим растреклятым рогам (Ф. Достоевский).*

Пропозиция, оформленная таким образом, имеет второстепенный, добавочный характер. Однако такая «второстепенность» обусловлена «грамматическими значениями основной предикации», и «признак (действие), представленный в добавочной предикации, по своей природе не отличается от основного предикативного» [Лекант 1975:78].

Анализ полупредикативных элементов показал, что субъект речи при помощи деепричастий и причастий как бы «сворачивает» модусную информацию, выводя на базовое место диктумный план. ***Предполагая**, что выборы кончатся в пять дней, он обещал вернуться в пятницу (Л.Толстой).* Анализируемое высказывание характеризуется полипропозитивностью с общим для них актантом, который выполняет одну и ту же роль - субъект действия (агенс): а) логическая пропозиция с

сирконстантом времени: *он обещал вернуться в пятницу*; б) логическая пропозиция непредикативной выраженности (*предполагая*) с делиберативом, отображающим один из возможных миров развития ситуации в целом (*выборы кончатся в пять дней*).

Локально-темпоральные границы высказывания расширились за счет того, что в модусной сфере часть информации осталась «свернутой» (это та часть информации, которая содержит саму суть предположения). Предположение становится каузацией для следующего предположения. То есть, возможность развития ситуации зависит от того, будет ли выполнено условие (первое предположение – *что выборы кончатся в пять дней*). Ср. *Он обещал вернуться в пятницу, если выборы кончатся в пять дней*.

Для субъекта речи является важным использование полупредикативного элемента, указывая на степень возможности и вероятности осуществления представленной информации в действительности: *Одно, что он нашел с тех пор, как вопросы эти стали занимать его, было то, что он ошибался, **предполагая** по воспоминаниям своего юношеского, университетского круга, что религия уж отжила свое время и что ее более не существует (Л. Толстой)*.

Дополнительная предикация является важным средством языковой компрессии, позволяющим, не нарушая целостности структуры предложения, увеличить его емкость и расширить возможности совмещения различных смысловых отношений в рамках одного, простого по своей синтаксической структуре предложения.

Осложняющие элементы помогают создать иерархию различных действий: главные члены предложения становятся выразителями основного, доминирующего момента процесса, к которому привлекается

пристальное внимание читателя, а осложняющие элементы находятся в подчинении к главному субъектно-предикатному узлу.

Сообщения о некотором положении дел в объективной действительности могут осложняться и добавочными смыслами – авторизации и модуса. Данные категории тесным образом связаны и возникли из предикативности, в рамках которой говорящий актуализирует сообщаемое в диктуме с действительностью в координатах «я – здесь - сейчас». Авторизация обычно входит в диктум высказывания, составляя определенную часть его содержания. Модусные же категории не являются специальным предметом информации, они ее только «сопровождают».

Предположение представляет собой мыслительный акт, и в диктуме обязательно включается категория авторизации, которая реализуется через ситуацию интеллектуальной деятельности и характеризуется – на денотативном уровне - минимум двумя компонентами: субъектом авторизации и актом авторизации. В ситуации предположения субъект предположения может соотноситься с авторизатором. При этом передаваемая информация квалифицируется говорящим с двух позиций, относящаяся: а) к нему - *Надо думать, что она скоро про себя разгадала страшное выражение лица своего друга...* (Ф. Достоевский); б) к другому лицу - *В Лизавете Николаевне он предполагал встретить какое-то необычайное существо* (Ф. Достоевский). Однако стоит заметить, что авторизация принадлежит к сфере диктума только тогда, когда ситуация предположения квалифицируется непосредственно через предикат и субъект, в других случаях авторизация примыкает к модусу, осложняя при этом диктумный уровень: *Я не могу писать тебе стихов Ни той, что ты была, ни той, что стала. И, очевидно, этих горьких слов Обоим нам давно уж не хватало* (К. Симонов) – событийная пропозиция под воздействием модального компонента приобретает логический тип.

Предположение актуализируется говорящим при внедрении *очевидно*, это влияет на характер авторизации, которая, в данном случае, непосредственно связана с категорией персуазивности. Если авторизация, которая входит в диктум высказывания, может стать стимулом развития ситуации, аргументации факта действительности, то для модусной авторизации этот признак не характерен.

Традиционно пропозиция представлена: собственно пропозитивным, внутрипропозитивным, околопропозитивным и пресуппозитивным уровнями [Всеволодова 2000, Нагорный 2000, Шмелева 1988]. Если присутствие собственно пропозитивного уровня в предложении-высказывании обязательно – это модельный уровень, обслуживающий смысловую модель обозначаемой ситуации, а пресуппозитивный уровень находится вне языковых границ высказывания, то околопропозитивный и внутрипропозитивный уровни факультативны, они «отражают подробности, детали описываемого и вводятся в соответствии с коммуникативными потребностями и замыслами автора» [Шмелева 1988:10].

1.2.1.2 Околопропозитивный уровень

Смысл «предположение» нередко выступает в смешанном виде, осложняясь теми или иными смысловыми оттенками (каузативность, негация, интенсивность). Однако, на наш взгляд, там, где это возможно, следует производить дифференциацию данных смыслов. Одним из таких «инструментов» является околопропозитивный уровень высказываний (припозитивный по терминологии Т.В. Шмелевой). Эти осложнения, хотя и описывают объективно присущие ситуации аспекты и особенности осуществления, могут появляться или не появляться в предложении по усмотрению автора, предполагающего более или менее детальное

описание события. Околопропозитивный уровень факультативен. Его существование в конкретном высказывании обусловлено установками говорящего, его мотивацией.

Одним из основных осложнений высказываний, заключающих в своей семантике смысл «предположение», является **негация**. *Сметанин и не предполагал, что Чегогуров там сидел и слушал его бред о психоанализе и фиктивном браке (А. Житинский); Краска проступила на щеках издателя, глаза его сверкнули, чего я никак не предполагал, что это может быть (М. Булгаков); Если я сказал, что арестант и в болезни нес свое наказание, то, разумеется, не предполагал и не предполагаю, что такой порядок устроен был именно только для одного наказания (Ф. Достоевский)*. Отрицание заключается не в наличии/отсутствии факта в действительности. Это особая форма выражения авторского отношения к ситуации. Событийная пропозиция, отражающая действительность, а логическая – осмысление говорящим отношений, осложнены отрицательными компонентами околопропозитивного уровня НЕ, НИКАК НЕ, И НЕ, СОВЕРШЕННО НЕ. *Просто он никак не предполагал такого интереса (В. Хлумов); Но и не только Анатолий, но и гораздо более умудренные опытом жизни, люди, совершенно не предполагали, как все может перевернуться в уже недалеком будущем (В. Хлумов)*. Пропозиция в подобных высказываниях относится к логическому типу и указывает на процесс мыслительной деятельности, направленный на анализ событий объективной действительности. Временная локализованность определяется параметрами «здесь - сейчас» и направлена на ось «тогда - там». Тем самым говорящий анализирует свои мыслительные действия в рамках «тогда - там» по отношению к ситуации, которая имеет место быть «здесь - сейчас»: *Наконец совершенно неожиданным образом я увиделся с ним в одном доме [здесь - сейчас], где никак не предполагал [тогда - там] его найти (М. Загоскин)*.

Негация является «производным высказыванием, полученным в результате применения оператора отрицания к коммуникативно более ранней пропозиции» [Труб 1994:44]. Для говорящего такое развитие ситуации удивительно, его точка зрения не совпала с реальным положением дел в действительности. «Тогда - там» реципиент предполагал о возможных путях развития ситуации, однако, конечный результат («здесь - сейчас») не входил в его возможные миры («тогда - там»): **предполагал все, только не это**. Компоненты *никак (не)*, *и (не)*, *совершенно (не)* не вносят собственно семантических изменений в смысловую структуру высказывания; их функция – экспрессивная: они служат знаком того, что для говорящего такое положение дел в действительности крайне удивительно, он не ожидал такого «поворота» событий.

Таким образом, отмечается авторская позиция в выборе конструкторов для более четкого выражения внеязыковой ситуации. Внешнее отрицание (конструкции с НЕ) не показатель внутреннего (семантического) отрицания предположения как смысла вообще (диктумный уровень сливается с модусным). Для говорящего такая позиция актуальна. За счет включения в семантическую структуру высказывания негации, предположение носит имплицитную форму выражения. Это внутреннее осмысление субъектом реального положения дел в действительности. Предположение есть, но оно носит скрытый характер.

Здесь подключается еще один уровень пресуппозитивный, указывающий на актуализацию условий, которые лежат в основе репрезентации пропозиций высказываний. Это показатель того, что предположение имело форму ментальной операции, но оно не нашло своей языковой реализации в предложении-высказывании (установка говорящего направлена на другое – через отрицание предположения

вводится ситуация действительности, которой соответствует пропозиция). В результате, граница между компонентами диктума и модуса становится менее четкой, «модус оказывается «растворенным» в компонентах модели, выражающей содержание диктума» [Коммуникативная грамматика 1998:279]. С одной стороны, в семантической структуре высказывания рассматриваемые конструкты принимают участие в оформлении предикативных отношений. Они рефлексиируют точку зрения субъекта, следовательно, являются принадлежностью модусного уровня. С другой стороны, данные элементы обслуживают пропозицию и включаются в разряд околопропозитивных средств (принадлежность к диктумной части).

Рассмотрение данных элементов является необходимым для того, чтобы выяснить – происходит усложнение всей пропозиции или только отдельных ее элементов. Это значимо для исследования семантической структуры высказываний, выражающих предположение (исследование модусного плана), т.к. трансформация одного элемента может повлиять на трансформацию всего диктумного уровня.

Так в высказываниях, (1) *Вероятно, что завтра будет дождь* и (2) *Вероятно, завтра будет дождь* - модальная рамка накладывается на пропозицию в целом или ее семантический элемент. Общим признаком данных высказываний является то, что пропозиция принадлежит к логическому типу. Говорящий расценивает возможное положение дел на ситуацию действительности. Это один из возможных миров развития ситуации в реальности. Выбор языковых средств для реализации внеязыковой действительности зависит от мотивации говорящего: какой именно смысловой нюанс стремится отразить субъект речи.

В первом варианте пропозиция усложняется изъяснительным оттенком (эксплицитное ЧТО), который притягивает только часть

модального смысла (пропозиция и модальная рамка имеют очерченные границы). Высказывание носит характер уверенного предположения.

Во втором примере, имплицитное осложнение накладывается на пропозицию в целом; границы объективного и субъективного сливаются. Предположение смещено к полюсу проблематической достоверности (вероятность осуществления ситуации в действительности относительная).

В таком случае нельзя говорить о равенстве *Вероятно, что ...* и *Вероятно, ...*

Не смотря на то, что вторая часть таких высказываний несет на себе смысловую нагрузку высказывания в целом, но эта часть сама по себе (отдельно) не содержит информации, которая позволила бы соотнести ее (информацию) с представлениями говорящего о его видении положения дел в действительности. Для этого нужен мотиватор, функцию которого и выполняет вводный компонент.

Таким образом, исследование околопропозитивного уровня высказываний, выражающих предположение, указывает на степень соотнесенности диктума и модуса, а это, в свою очередь, на семантическую организацию высказываний в целом.

1.2.1.3 Пресуппозитивный уровень

В языковом общении пресуппозиции играют чрезвычайную роль в процессе вербализации замысла и понимания текста. Пресуппозиция как часть смысла высказывания есть зафиксированный в языковой структуре элемент контекста, образуемого представлениями, который говорящий считает имеющимися у слушающего в момент употребления этого предложения [Beaver 1997, Geurts 2000, Kamp 2001]. Коммуникативный акт эффективен, если достигнуты в той или иной степени цели участников

(прагматические, коммуникативные). Это возможно, если в речевой акт включаются экстралингвистические факторы, представления о мире, часть «фонда общих знаний» [Арутюнова 1976] говорящего и реципиента. Пресуппозиция является той базой, которая дает возможность формировать мысли и выражать их различными языковыми средствами. Замысел говорящего первичен при создании высказывания. Далее в распоряжении говорящего имеется набор языковых средств (лексика и синтаксические конструкции) для вербализации этого замысла и донесения его до слушающего, который замысел распознает, декодирует его, зная нормы языка, его грамматику. В смысловом содержании высказывания могут наличествовать компоненты, не нашедшие прямого выражения и восстанавливаемые слушателем на основе так называемых пресуппозиций, т.е. тех суждений слушателя, которые он формулирует в своём сознании в целях адекватного понимания высказывания, опираясь на свой жизненный опыт, знание типичных ситуаций, вербальный контекст и т.п.

Например, *Барнаул – столица Алтайского края.*

Это высказывание истинно на пресуппозитивном уровне, так как

- а) *Существует город Барнаул;*
- б) *Барнаул является столицей Алтайского края.*

Ср., *Барнаул – столица мира.*

На пресуппозитивном уровне данное высказывание нельзя назвать ложным, в данном аспекте рассмотрения оно является аномальным. Однако если для анализа подключить уровень предынформации, то получим, что данное высказывание имеет место быть в речевой ситуации, как одно из положений возможной реальности. Высказывание, в грамматическом плане построенное как констатация факта (наличие показателя настоящего времени, нулевая форма связки *Барнаул есть столица мира*), оказывается растянутым на пространственно-временной

оси («здесь-сейчас» → «там-потом»). Этому способствует наличие пресуппозиции (Существует город Барнаул) и предынформации (есть понятие «столица мира», оно свободно, соответственно, расширяется локум и время ситуации). Именно в данной совокупности пресуппозиции и предынформации мы можем утверждать, что данное высказывание не истинно, но и не ложно. С формальной точки зрения – это высказывание-утверждение. Однако растянутая локально-темпоральная рамка указывает на то, что в этом высказывании заключено предположение. Таким образом, в подобных конструкциях (в грамматическом плане - утверждение) при анализе смысловой структуры следует учитывать пресуппозитивный уровень, в который параллельно включается предынформация высказывания. В противном случае, произойдет нарушение одной из основных целей успешного речевого акта – взаимопонимания коммуникантов.

Пресуппозиции всякого субъекта речи формируются его личным опытом и в каждом конкретном акте коммуникации активируется только та их часть, которая актуальна по отношению к особенностям данной ситуации.

Семантика предположения прагматична, то есть задается интенциями говорящего и ситуацией общения с ее различными переменными. Ведущая интенция заключается в том, чтобы обеспечить оптимальное взаимодействие с адресатом через экспликацию лично значимого отношения говорящего к содержанию высказывания и к своей речевой деятельности.

*Несмотря на прекратившиеся официальные спасательные мероприятия, группа добровольцев продолжает исследовать возможности подхода к тоннелю, в котором, **предположительно**, могли пытаться укрыться люди во время катастрофы (газ.).*

Модальное средство *предположительно* предназначено для передачи информации от говорящего к реципиенту. С его помощью говорящий доносит до адресата сведения о степени вероятности осуществления или неосуществления в действительности описываемой ситуации (*могли/не могли укрыться*). Это сигнал того, что кодируемая информация осмыслена и персуазивно квалифицирована говорящим с учетом перспективной ориентации на реципиента; показатель точки зрения говорящего, его отношения к описываемой ситуации. В данном случае, языковое средство *предположительно* указывает на существование внеязыковых причин, которые заставляют квалифицировать данное суждение как относительно истинное. Эти причины являются со своей стороны указанием на наличие пресуппозиции. В высказывании введением модального средства подтверждается указание на то, что имеется общая тема речевого общения, которая, по мнению говорящего, важна как для него, так и для реципиента (*могли пытаться укрыться люди во время катастрофы*). Это попытка донести говорящим собственную точку зрения до адресата, показать ее значимость. Однако реципиент должен владеть комплексом пресуппозитивных знаний, которые позволили бы правильно декодировать предоставляемую информацию. Только в этом случае речевой акт будет считаться успешным и соответствовать принципу понятности.

1.2.2 Модусный аспект смысла «предположение»

1.2.2.1 Модальность и модус

Модус совместно с диктумом образуют значение высказывания, его общее содержание. В частности, модус – проявление субъективной организации предложения, диктум - объективная часть высказывания.

В научной литературе [Алисова 1971, Арутюнова 1988, Балли 1955, Виноградов 1975, Демьянков 1981, Золотова 1982, Коммуникативная грамматика 1998, Шмелева 1984] довольно часто встречаются понятия смежные в семантическом плане: модальность, модус, модальная рамка, пропозициональное отношение, «общий знаменатель которых – субъективность: все они исходят от говорящего и заключают в себе его отношение к тому, о чем идет речь в предложении» [Шмелева 1984:78].

По выражению Ш.Балли, «модальность – это душа предложения; как и мысль, она образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта» [Балли 1955:44].

Модус понимается нами широко: как комплекс субъективных смыслов, которые актуализируются говорящим [Арутюнова 1999] и отражают то, «что говорится в диктуме, кем, когда, кому, с какой целью, в каких условиях (речевую ситуацию). Он (модус – М.В.) охватывает переменчивые элементы высказывания, субъективно окрашенные, зависящие от интенции говорящего» [Гак 1998]. Таким образом, модус фиксирует посредством языковых средств рефлексию формы мысли говорящего по поводу объективной реальности, репрезентирует и прогнозирует реакцию адресата.

Примером может служить предложение, в котором выделение модуса указывает на автора и его отношение к действительному положению вещей. Значение достоверности осложняется здесь сомнением (форма выражения - глагол и существительное с соответствующей семантикой, а также вводное слово со значением авторской неуверенности в сообщаемом): *Что касается до самого маркиза, то хоть я и до сих пор сомневаюсь, что он маркиз, но принадлежность его к порядочному обществу, как у нас, например, в Москве и кое-где в Германии, кажется, не подвержена сомнению. (Ф.М. Достоевский)*

Смысловые отношения уверенности/неуверенности, достоверности/вероятности являются одним из оснований модальной квалификации. Модусные смыслы находят свою экспликацию через субъективно-модальные квалификаторы, которые являются связующим звеном, оформляют предикативные отношения, на уровне оценки говорящего могут трансформировать объективную часть предложения, наслаивая на нее субъективные значения.

В предложении *Я все-таки никак не могу предположить, чтобы это было просто для денег. (Ф.М. Достоевский)* эксплицитный модус фиксирует реакцию адресата по поводу диктумного события. Автором вводится смысл «предположение», выраженный лексическими средствами («*никак не мог предположить*»).

Субъективно-модальные квалификаторы представляют собой продукт психических операций, производимых языковой личностью, которая, называя реалии, обеспечивает адресату адекватное их восприятие. Модальная квалификация как план выражения модальности входит в модус в качестве предикативной категории, интерпретируя сообщение в аспекте достоверности/недостоверности, истинности/ложности, уверенности/неуверенности.

Являясь понятийной категорией, модальная квалификация занимает определенное место в сфере модуса. Она выражает рефлексию особой формы мысли субъекта, тем самым, выражая степень познанный последних возможных связей, наличных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, интерпретируя информацию с позиции автора высказывания.

Быть может ей пришла мысль вить там гнездо. (М. Булгаков)

В этом предложении выражается предположение. Ситуация оценивается субъектом как одно из возможных положений дел в действительности.

Если говорить все, то может быть, что маркиз вовсе ей не родственник, а мать совсем не мать. (Ф.М. Достоевский)

Во втором примере констатируется факт, но объективная информация осложняется субъективным отношением – сомнения, неуверенности, тем самым, обуславливая содержательную взаимосвязь субъективных и объективных отношений.

1.2.2.2 Проблема авторства высказывания

В настоящее время проблема авторства (точки зрения говорящего) находит свое отражение в ряде направлений лингвистики, которые изучают вопросы, касающиеся способов представления автора [Виноградов 1975], исследования категорий субъекта, лица, агенса [Лекант 1986], модусной рамки [Гак 1998, Шмелева 1984], субъективности в языке [Мельник 1997], модальной парадигмы [Ломтев 1972], языковой картины мира [Яковлева 1994] и др. Это обусловлено тем, что аспект авторства выделился из идеи субъективности в языке и диктумно-модусной организации предложения-высказывания [Балли 1955]. Проблема авторства – это обнаружение собственной точки зрения, заявление своего «Я» в собственном высказывании, а также - отнесение информации и чужой точки зрения, выявление источника чужого слова, установление способа получения информации, лежащей в основе сообщений. Авторство связано с субъективным комплексом смыслов, идущих от говорящего. Так как субъективность в предложении сосредоточена главным образом на установлении роли говорящего в формировании отношения предложения-высказывания к действительности [Виноградов 1975], то в речевое высказывание

внедряется с помощью его модуса. Особая роль в этом процессе отводится субъекту. В работах П.А. Леканта, А.М. Касаткина, В.В. Казаковской под “авторством” понимается смысловой компонент модуса, «содержащий указание на лицо как автора или источник информации или способ ее получения, лежащий в основе сообщения» [Лекант 1998; Казаковская 1996; Касаткин 1986]. Говорящий, таким образом, является “автором” по отношению к своему высказыванию, и следы его присутствия в высказывании (его точки зрения) обнаруживаются благодаря специальным лексико-грамматическим показателям — средствам выражения авторства, при помощи которых говорящий выражает свою точку зрения, заявляет свое “Я” в высказывании.

Проблема субъекта сложна и многоаспектна [Виноградов 1975, Золотова 1973, Коммуникативная грамматика 1998, Онипенко 1994]. В научных исследованиях выделяется как логический, так и лингвистический субъекты.

С логической точки зрения, субъект – «мысль о предмете, о котором что-либо утверждается или отрицается» [Белоусов 2002:43] и «выражается посредством логического подлежащего, которое от грамматического подлежащего отличается тем, что в него входит весь состав подлежащего без выделения второстепенных членов предложения» [Кондаков 1975:574].

В лингвистике под субъектом понимают, во-первых, - субъект грамматический, основу которого составляет словоформа с предметным значением; субъект - производящий действие, т.е. диктумный субъект. Во-вторых, - субъект семантический, выражающий носителя признака, действия, состояния (в структуре предложения может получать разное оформление), т.е. модусный субъект.

В высказываниях, выражающих смысл «предположение» модусный субъект квалифицируется с помощью: а) Личных местоимений и форм:

Вряд ли я когда-нибудь увижу петербургское или орловское небо (А.Черкасов); Мы, почувствовав это, глядели глазами сухими, Понимали, что вряд ли от памяти мы убежим (К.Симонов);

б) модальных частиц: *А между тем из них едва ли есть один, Тяжелой пыткой не измятый, До преждевременных добравшийся морщин Без преступленья иль утраты! (М. Лермонтов); На вашем молодом лице Следов заботы и печали Не отыскать, и вы едва ли Вблизи когда-нибудь видали Как умирают (М. Лермонтов); И знать вам также нет нужды, Где я? что я? в какой глуши? Душою мы друг другу чужды, Да вряд ли есть родство души (М. Лермонтов);*

в) вводно-модальных слов и выражений: *- Тугие бутоны на длинных толстых стеблях – должно быть, болгарские. Такие у нас не растут (П.Дашкова); Мужские неуютные углы, Должно быть, все похожи друг на друга (К. Симонов); В конце концов ее самоуверенность стала его раздражать, она, видимо, убеждена, что он счастлив, живя с ней (В.Гроссман); Предположим, я плохая мать. Но почему ваших родителей не было на свадьбе (В. Токарева)).*

Отметим, что в подобного рода высказываниях модусный субъект – лицо, которое квалифицирует ситуацию с точки зрения возможности положения дел в действительности, не всегда это лицо – говорящий; предположение может выдвигаться и эвиденциально. Под **эвиденциальностью** понимаются различные структурные и функциональные элементы речи, выражающие указание на источник информации, способ и характер получения информации. Однако источник информации, как и субъект речи, часто не получает формального выражения в структуре высказывания. Основным источником информации в высказывании является субъект речи. Он является непосредственным выразителем знания и информации, который берет знания из внутреннего источника, то есть опыта и памяти, и внешних

источников информации. К внешним источникам информации относятся: 1) сенсорные (зрение, слух, вкус, запах, тактильность); 2) различные виды выводного знания (индукция, дедукция), информация из чужих слов (прямая, косвенная речь, несобственно-прямая речь), различные виды интерперсональной информации (слух, мнение, сплетня, общепринятая вера). Типичными являются комбинации источников информации, т.е. вывод на основе наблюдаемого результата, вывод из чужих слов. *Вот этот молодой человек тоже, верно, мечтает: мол, помрет в некий срок папенька и будут у него куры не клевать золота!* (И.А. Бунин). В данном примере отмечается факт сообщения о сообщаемом факте (предположение о другом предположении). В обоих случаях есть субъект: субъект факта сообщения (говорящий, субъект модуса) и субъект сообщаемого факта (действующий субъект – субъект диктума).

Следовательно, субъектом в языке является каждый говорящий, указывающий на самого себя как на «Я» в своей речи [Бенвенист 1974:294].

1.2.2.3 Субъектная перспектива высказываний, выражающих предположение

Соотнесение диктумного и модусного субъекта позволяет выстроить субъектную перспективу высказывания. «Русские предложения (элементарные и осложненные) функционируют между двумя субъектными полюсами – Я целеполагающей и говорящей личности и Не-Я вещи. Ось, соединяющая два этих полюса – субъектная перспектива высказывания» [Онипенко 1994:76].

На наш взгляд, выделение субъектных сфер высказываний, выражающих смысл «предположение», представляется важным, так как это связано с проблемами авторизации и персуазивности. Суть данной проблемы заключается в следующем. Авторизация и персуазивность – два тесно взаимодействующих компонента смысловой организации высказывания. На основе такого взаимодействия репрезентируется авторская интенция (замысел, мотив). Понятие авторизации было введено Г.А. Золотовой в связи с неполнозначными глаголами типа *считать*, *полагать*, *находить* и пр. [Золотова 1973]. Модальность обуславливает присутствие в разной форме высказывания субъектной сферы говорящего, что влечет за собой экспликацию модусной рамки, в которой вербализуется способ соотношения высказывания с действительностью. Авторизация – это процесс осложнения предложения-высказывания компонентами, указывающими на источник знания, лежащего в основе сообщения говорящего (сообщение о признаке предмета и сообщение о характере восприятия) [Копылов 2003].

В работе нами принимается концепция авторов «Коммуникативной грамматики русского языка» о различении пяти субъектных сфер в семантической структуре высказывания [Коммуникативная грамматика 1998:233]. Каждая субъектная сфера имеет свою типологию субъектов. В зависимости от отнесения к области диктума или модуса выделяют: 1. Область диктума. Зоны: S_1 - субъект действия, состояния, качества); S_2 – субъект-каузатор. Область модуса. Зоны: S_3 – субъект-авторизатор; S_4 – субъект – говорящий; S_5 – слушающий (адресат) [Онипенко 1994:77; Коммуникативная грамматика 1998:231].

Субъектная перспектива «объединяет и дифференцирует ипостаси субъекта действующего и говорящего, наблюдающего мир и мыслящего о мире» [Золотова 1993:42].

1.2.2.3.1 Субъектная зона S_4

Для предложений, выражающих смысл «предположение», характерно наличие субъектной зоны S_4 . На наш взгляд, это обусловлено тем, что в данных конструкциях, так или иначе, указывается на «присутствие» авторской точки зрения на событие.

Художник не попытался изобразить эти существа, вероятно (S_4), потому, что (S_4) тогда господствовали взгляды о множественности форм мыслящей материи (И. Ефремов). Актуализированная субъектная зона S_4 указывает на присутствие говорящего и его точку зрения на квалифицирующую ситуацию (*вероятно, потому, что...*). В частности, у субъекта S_4 имеется своя каузация развития описываемого события, которая носит предположительный характер (**предположение-каузатор**). За счет этого расширяются темпоральные рамки высказывания («сейчас» - «*тогда*»). Говорящий стремится выразить свою позицию, этим обусловлено отсутствие других субъектных сфер модуса. Для таких высказываний характерно собственно предположительное отношение к актуализированной ситуации, это чисто авторская точка зрения, основанная на его мнении и знаниях.

Для высказываний, выражающих предположение одной из особенностей является многоуровневая субъектная организация («принцип матрешки» Т.В. Шмелева). «Усложнение модусной перспективы связано с количеством модусных субъектов, каждый из которых фиксирует отношение к диктуму; поэтому установление сложности модуса есть ... установление того, сколько субъектов отражено в семантической структуре высказывания» [Шмелева 1994:29].

Надеюсь (S_4), все закончится хорошо, - вздохнула леди Эстер. - Мне будет жаль, если юноша погибнет. - Я тоже надеюсь (S_4), миледи, - явно волнуясь, ответил профессор и загремел чем-то железным. - Но науки без жертв, увы, не бывает (Б. Акунин); По рублю за минуту –

какая ничтожная плата За слова, без которых я, **кажется** (S_4), не проживу (К. Симонов); **Видимо** (S_4), вчера отмечали успех дела под Ловчей, - **предположил** Петя. - Кто-то наотмечался до потери подтяжек (Б. Акунин); **Я так полагаю** (S_4): поначалу я отважился удерживать крестьянина в деревне, отважился писать на эту тему статьи, призывать его (В.Шукин); **Возможно** (S_4), у вас в России такое и допустимо, но только не в Европе (Б. Акунин); Началось, как водится, с года, числа, обращения; **Видно** (S_4), тот, кто писал, Машинально начало тянул, За какую-то книжку Просил у кого-то прощения... (К.Симонов).

Возможность наличия практически в любом высказывании субъектной зоны S_4 обусловлена тем, что отношения в категории «предположение» всегда устанавливаются говорящим, автором этого предположения, не смотря на то, на кого направлена актуализированная ситуация.

Нужно отметить тот факт, что для высказываний, выражающих смысл «предположение», характерна ориентация не только на зону S_4 , но и на другие субъектные сферы (S_2, S_3, S_5).

Неужели (S_4) **вы предполагаете** ($S_3 = S_5$), что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки? (Ф.М. Достоевский) – значение частицы **неужели**, взаимодействуя с функциональным типом предложения (вопросительная конструкция) и предикатом, дополняет смысл высказывания. Семантическое поле частицы объединяется с семантическим полем ментального предиката, составляет единое целое – предположение о возможном другом предположении. Данные смыслы принадлежат разным субъектам. Предположение говорящего (зона S_4) накладывается на возможное предположение, высказанное субъектом базовой модели (зона $S_3 = S_5$). Однако **Я** – модусная рамка накладывается на **Он** – модусную рамку,

создавая при этом «углубление» субъектной перспективы высказывания. Это обусловлено тем, что говорящий сам, но от лица адресата заполняет информативную лакуну, выдвигая при этом параллельное предположение о возможном положении дел в действительности (предположение с предположением). Тогда ($S_3 = S_5$) в конечном итоге приравнивается к S_4 . Особенностью такой «синтетичной» модусной рамки является то, что субъект стремится занять место внутреннего наблюдателя, при этом помещая себя внутрь той субъектной сферы, которая им комментируется.

На наш взгляд, это касается случаев, когда в высказываниях, выражающих смысл «предположение», актуализируются $S_4 = [S_3 = S_5]$ субъектные зоны (субъект–говорящий = [субъект-авторизатор= субъект-слушающий (адресат)]).

Даже можно предположить ($S_4 = [S_3 = S_5]$), что он и Де-Грие стал называться недавно (М. Салтыков-Щедрин); Она не нашла лишь плаща с капюшоном, - должно быть ($S_4 = [S_3 = S_5]$) Аэлиту, мертвую или живую, завернули в плащ, увезли на корабле. (А. Толстой); Нельзя думать, чтобы "Летописец" добровольно допустил такой важный биографический пропуск в истории родного города; скорее должно предположить ($S_4 = [S_3 = S_5]$), что приемники Двоекурова с умыслом уничтожили его биографию, как представляющую свидетельство слишком явного либерализма и могущую послужить для исследователей нашей старины соблазнительным поводом к отыскиванию конституционализма даже там, где, в сущности, существует лишь принцип свободного сечения (М. Салтыков-Щедрин).

Отметим, что субъектная зона S_4 реализуется на базе других зон. Это объясняется тем, что «субъектные зоны оказываются открытыми для «проникновения» в них автора; все они соединяются в образе автора, образуют его сложную структуру» [Коммуникативная грамматика 1998:235].

В высказываниях, содержащих в своей семантике эвиденциальное предположение, характерна актуализация S_3 , S_4 субъектных зон. Стремление говорящего передать чужую речь или предполагаемые мысли сводится к тому, что он вносит субъективный оттенок в высказывание. Говорящий помещает себя в соответствующую коммуникативную ситуацию и принимает на себя роль субъекта – авторизатора, активизируя тем самым субъектную зону S_3 .

Посмотрела она на меня, на мои усы, улыбнулась: вот, мол (S_3), [чудной какой, такие усы на фотокарточке], наверное (S_4), и не заметны - но ничего не сказала и пошла (Н. Минин); Литвинов предполагал ($S_4 = S_3$), [что не в состоянии обеспечить круглосуточное прикрытие всем объектам] (S_3), а территориалы, скорей всего (S_4), отказались по той причине, что, мол (S_3), [мы не можем просто так пост держать] (Д. Корецкий); Он видел, что ему, выбравшись из бурьяна, стоило перебежать поле, за которым чернел густой терновник, где он считал себя безопасным и, пройдя который, он, по предположению своему ($S_4 = S_3$), думал встретить дорогу прямо в Киев (Н. Гоголь).

Такое предположение чаще всего носит необоснованный характер и приближено к полюсу проблематической достоверности. Это аргументировано тем, что субъект S_4 берет на себя часть семантической нагрузки S_3 , вводя свою личность в смысловое пространство S_3 зоны. Информация о чужом познании, мнении становится для субъекта модуса внешней, то есть новым диктумом. В этом случае $S_3 = S_4$, но S_4 никак не может приравняться к S_1 , не смотря на стремление говорящего отразить свое мнение, свою установку на факт действительности. Тогда, $S_3 = S_4$, $S_3 = S_1$, но $S_4 \neq S_1$. *Посмотрела она на меня, на мои усы, улыбнулась: вот, [мол, чудной какой, такие усы на фотокарточке] ($S_3 = S_4$, $S_3 = S_1$, но $S_4 \neq S_1$), наверное (S_4), и не заметны - но ничего не сказала и пошла (Н.*

Минин); Ну, не знаю, говорит, кто будет антивирус разрабатывать. Что, [мол, вирус такой опасный, просто кошмар. Через несколько дней - полный Армагеддон] ($S_3 = S_4$, $S_3 = S_1$, но $S_4 \neq S_1$) (Е. Михайличенко).

Предположение эксплицируется через говорящего (зона S_4). Это его личная (субъективная, а значит - авторская) позиция на происходящую ситуацию. Однако так как для предположения характерна некатегоричность мнения говорящего, следовательно, у слушающего есть возможность выбора – соглашаться с данной точкой зрения или нет. Но и не следует отрицать факт относительного воздействия говорящего на адресата ($S_4 \rightarrow S_5$). Например, *Предположим, вы садитесь на вокзале Ватерлоо в тот же поезд, которым отправлено срочное письмо. В Дувре вы попадаете на тот же паром. В Париж, на Северный вокзал, вы тоже прибываете одновременно* (Б. Акунин). В конструкциях подобного типа актуализируется свободное проникновение зоны S_4 в зону S_5 , за счет того, что говорящий предстает как авторизатор. Следовательно, $S_4 = S_3$. Таким образом, вводно-модальное слово **предположим** содержит «общее мнение», от которого говорящий дистанцирует. Открытое взаимодействие субъектных зон приводит к тому, что предположение носит характер **предположения-совет**. *Хм, предположим ($S_4 \rightarrow S_5$), француза подкупить еще можно, но при пересадке в Берлине у вас ничего не выйдет - почтовые и железнодорожные чиновники в Германии славятся своей неподкупностью* (Б. Акунин); *Не турок надо опасаться, ваше превосходительство, - скрипучим голосом сказал Перепелкин. - Турки вас, предположим ($S_4 \rightarrow S_5$), не тронут - выдохлись. Но вот главнокомандующий по головке не погладит* (Б. Акунин).

Однако анализ субъектных зон высказываний, выражающих смысл «предположение» показал, что субъектная зона S_5 остается открытой, но

только в одном направлении. Это обусловлено тем, что рассматриваемая категория «предположение» является однонаправленной (нужно оговориться, что нас интересует контекст только в пределах предложения-высказывания. То, что лежит вне границ является только одним из возможных положений дел в действительности. Хотя, семантика возможных миров предположения намного шире). Субъект – говорящий своей позицией воздействует на субъекта – слушающего [$S_4 \Rightarrow S_5$]. Обратной же связи не наблюдается. Следовательно, в высказываниях, выражающих смысл «предположение» зона S_5 не имеет выхода в другие субъектные зоны, и это ориентирует на диалогичность модуса (в смысле перспективной ориентации на точку зрения реципиента): *Не дожидаясь результатов медицинской экспертизы, осмелюсь **предположить** [$S_4 \Rightarrow S_5$], что все жертвы были подвергнуты воздействию сильнодействующего яда с быстрым усыпляющим эффектом, а время остановки сердца зависело то ли от полученной дозы яда, то ли от физической крепости каждого из отравленных (Б. Акунин); У нас действительно была свадьба. Случилась она уже в самом конце нашего месяца, и **надо предположить** [$S_4 \Rightarrow S_5$], что на нее ушли самые последние подонки моих ста тысяч франков; тем дело и кончилось, то есть тем наш месяц и кончился, и я после этого формально вышел в отставку (Ф. Достоевский).*

Резюмируя сказанное, можно отметить следующее: субъектная перспектива высказываний, выражающих смысл «предположение» имеет сложную иерархическую структуру. Основное место отводится субъектной зоне S_4 , которая отражает позицию субъекта-говорящего. Анализ материала позволяет утверждать, что сфера S_4 остается открытой для проникновения других субъектных зон. Это определяется спецификой высказываний, выражающих смысл «предположение».

Выводы

Предположение – это категория, основанная, с одной стороны, на логических понятиях возможности и вероятности, с другой, на авторском стремлении отразить свою точку зрения на представленную ситуацию действительности. При таком подходе предположение рассматривается как смысл, характеризующийся:

1. Отражением в рассматриваемой категории ментальных операций (процессы познания, восприятия, мышления, образования суждения, мнений, квалификаций, речевой деятельности).
2. Причастностью предположения к прагматической категории, что задается интенциями говорящего и ситуацией общения с ее различными переменными. (Ведущая интенция предположения заключается в том, чтобы обеспечить оптимальное взаимодействие с адресатом через экспликацию личностно значимого (субъективного) отношения говорящего к содержанию высказывания и к ситуации в целом).

3. Стремлением субъекта речи представить информацию о фрагменте действительности, пропустив ее «через себя». При таком условии пропозиция носит усложненный характер (в высказывании наблюдается инкорпорация значимых элементов семантической структуры). Пропозиция и модальная рамка сливаются в одно целое, не имея при этом четко очерченных границ.
4. Возможностью говорящего отразить степень полноты знаний о реальном положении дел в действительности. При таком подходе основным является критерий обоснованности авторских представлений.
5. Способностью говорящего отразить как свою, так и возможную «чужую» точку зрения на представленное событие. Субъект – говорящий сливается с субъектом – авторизатором, воздействуя на субъекта – слушающего с коммуникативно-прагматическими интенциями.
6. Присутствием в семантической структуре предположения разного рода коннотативных наслоений, усложняющих высказывание (сомнение, надежда, допущение и др.). Это обеспечивает возможность рассматривать предположение как базовый смысл по отношению к таким конкретизирующим смыслам как эвиденциальность, сомнение, избыточность др.

Таким образом, анализ языкового материала показал, что существует ряд дифференциальных признаков, которые соответствуют тому, чтобы обосновать категориальный статус смысла «предположение».

Исследуемый смысл:

во-первых, отражает ситуацию «предположения» в реальной действительности;

во-вторых, является частным проявлением общего смысла - возможности/вероятности положения дел в действительности;

в-третьих, представляет собой базовый смысл, на основе которого образуются другие модальные значения (сомнение, допущение, гипотетичность и др.);

в-четвертых, характеризуется регулярными способами выражения.

Глава 2. Средства выражения смысла «предположение»

По мнению отечественных лингвистов (Н.Д. Арутюнова, А.В.Бондарко), носители языка не используют его потенциал полностью. Причина состоит в том, что их речевой опыт воспроизводится автоматически, а это ведет к употреблению в речи определенных, типичных и уже привычных для этих коммуникантов слов и выражений. Естественным является тот факт, что в языке существуют различные средства плана выражения, набор которых потенциально богаче, чем круг ограниченного количества единиц, постоянно выбираемых конкретным субъектом речи.

2.1. Структура функционально-семантического поля «предположение»

На современном этапе лингвистических исследований наряду с уровневый активно развивается функциональный подход к описанию языковых явлений. Предметом анализа становятся единства, имеющие

функциональную основу – функционально-семантические поля, базирующиеся на семантических категориях (аспектуальность, модальность, темпоральность, залоговость и др.): «общим постулатом является положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения, взаимодействия с помощью языка» [Кубрякова 1986:97].

Интеграция лингвистики с философией, логикой и психологией привела к восприятию языка как способа осознания действительности и, шире, бытия. Именно поэтому описание «инструментария» смысла предположения актуально: оно позволяет проникнуть в механизм познавательной и речемыслительной деятельности человека. Смысл «предположение» – одна из наименее исследованных категорий в функциональной грамматике. В то же время исследование предположения включает все основные аспекты изучения языка в их взаимосвязи: синтаксис, семантику, лексикологию, что обуславливает актуальность ее изучения.

Средства, обслуживающие смысл «предположение», довольно разнообразны и относятся к различным уровням языка: лексическому и синтаксическому. Лингвисты обратили внимание на существование между ними взаимосвязи, в частности, указывается на синонимию некоторых сочетаний, возможность использования одних средств для толкования смысла других (возможности, вероятности, гипотетичности, эвиденциальности и др.) [Чибук 2004].

Наличие семантических связей между средствами выражения предположения дает нам основание рассматривать смысл «предположение» как полевою структуру.

Распределение конstituентов поля предположения по зонам ближней и дальней периферии определяется следующими условиями:

1. Специализированность/неспециализированность компонента в выражении семантики предположения.
2. Взаимодействие с доминантой поля (или ядром).

Регулярность/нерегулярность; употребительность, меньшая употребительность компонента.

Взаимодействие компонентов позволяет построить ФСП предположения как иерархическую структуру.

Каждая из модальных категорий (в том числе и категория предположения) может быть представлена как функционально-семантическое поле (ФСП), при анализе которого семантико-прагматическое содержание рассматривается в единстве со средствами его формального выражения. В лингвистической литературе проблеме полевого исследования уделено большое внимание [Адмони 1964, Бондарко 1971, 1984, Щур 1974]. На основе данного приема актуализируются и систематизируются разноуровневые средства языка (морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические), которые объединены на основе общности и взаимодействия их семантических функций. ФСП не относится к какому-либо одному языковому уровню или аспекту «оно порождается элементами разных уровней, разных сторон языка» [Бондарко 1971:10]

ФСП как система является условным представлением пространства, в котором «намечается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля» [Бондарко 1984:22].

Семантика предположения в русском языке выражается совокупностью разноуровневых языковых средств, которые

функционируют не изолированно, разобщено, а, напротив, взаимодействуя друг с другом.

ФСП предложения характеризуется полицентричностью. Описание этого поля дает возможность, во-первых, определить место отдельных средств выражения в системе языка, указать на парадигматические соотношения, охарактеризовать различные семантические оттенки выражаемых значений; во-вторых, раскрыть взаимодействие разнородных формальных средств и существующие между ними иерархические отношения.

Нашей задачей является исследование сущности «предположение» в категориальном аспекте научного знания. Решение поставленной задачи базируется на последовательном анализе синтаксических и лексико-семантических единиц, факультативно привлекаются единицы других языковых уровней. Выбор тех или иных средств выражения смысла «предположение» определяется в каждом случае стремлением говорящего к оптимальному выражению своей мысли.

2.2. Ядерные средства выражения смысла «предположение»

2.2.1 Значимые части речи с соответствующим значением

Основное место среди средств выражения смысла «предположение» отводится лексемам с соответствующим значением: *предположить, предположение, предположительный, предположительно, предположив, предполагаемый*. Централизация данного средства обусловлена тем, что эти компоненты в своей семантике содержат условие, что представленная информация не может рассматриваться как абсолютно истинная, это «догадка, предварительное суждение, предварительная мысль» [Ожегов 1994:502] субъекта речи: *Даже хоть и предположить, - слышится мне голос, - что крепкие-то ваши основы (то есть христианские) все те же и что вправду надо быть, прежде всего, гражданином, ну и там держать*

знамя и проч., как вы наговорили, - хоть и **предположить** пока без спору, подумайте, откуда у нас взяться гражданам-то? (Ф. Достоевский); Всякое **предположение**, что спиритизм есть нечто, а не просто грубый обман и фокус, - для комиссии было немыслимо. (Ф. Достоевский); Мы приблизимся к истине, **предположив**, что пока Себастьян сидел на этой изгороди, в его сознании бушевала смута образов (В. Набоков); Судя по армейской директиве, главный удар **предполагалось** нанести не на участке их армии (К. Симонов); Несмотря на прекратившиеся официальные спасательные мероприятия, группа добровольцев продолжает исследовать возможности подхода к тоннелю, в котором, **предположительно**, могли пытаться укрыться люди во время катастрофы (г.т). В высказываниях подобного типа существенным является то, что от стремления говорящего отразить свой взгляд на реальное положение вещей (в прошлом, будущем или настоящем времени), от качества информации, имеющейся у субъекта речи, определяется характер полученного вывода, а, следовательно, и выбор языковых средств.

Анализ языкового материала позволяет утверждать, что использование знаменательных частей речи с соответствующим значением не всегда равнозначно по своему семантическому наполнению. Так, при использовании модификатора **предположить** говорящий стремится дистанцироваться от предположения, выдвигая его в форме условия. *Не дожидаясь результатов медицинской экспертизы, **осмелюсь предположить**, что все жертвы были подвергнуты воздействию сильнодействующего яда с быстрым усыпляющим эффектом, а время остановки сердца зависело то ли от полученной дозы яда, то ли от физической крепости каждого из отравленных* (Б. Акунин). В высказываниях подобного типа предположение носит **необоснованный** характер. У говорящего нет уверенности в том, что предоставляемая

информация достоверна; «неуверенность в достоверности информации опирается на нечеткость самой информации, на ее отсутствие, на невозможность прямой перцепции объекта» [Нагорный 2000:209].

Другим примером могут послужить конструкции, где указан субъект мыслительной операции и использованы формы глагола *предполагать* или его девербатив *предположение*: *Может, он всего лишь мертвецки пьян, но лично я предполагаю, что дело обстоит значительно хуже* (И. Хмелевская); *Если мне не изменяет зрение, это самолет, - предположил Вадим Афанасьевич* (В. Аксенов). В таких высказываниях предположение носит **обоснованный** характер. Реципиент уверен в достоверности предоставляемой информации, однако, содержится небольшая доля сомнения, которая не позволяет рассматривать данный факт как абсолютно истинный: *Девушка высказала предположение, что ее мать соучастница (г.т.)*; *В Лизавете Николаевне он предполагал встретить какое-то необычайное существо* (Ф. Достоевский); *Здесь действительно, как я и предполагал «теоретически», чернел правый коридор юта, уцелевший от разрушения при столкновении судов* (И. Ефремов). Общим для первой и второй группы примеров является то, что чаще всего это сложные конструкции, одна из частей которых содержит название мыслительной операции и (как во второй группе примеров) субъекта, производящего это действие. Однако сам смысл «предположение» заключается в придаточной части. *Ну а если предположить, что [врач в консультации действительно обнаружил, что ребенок, простите, неживой]?* (П. Дашкова); *Можно предположить, что [Екатерина Николаевна написала брату об этом разговоре в смягченных тонах]* (И. Ободовская); *Итак, если только предположить, что [я вами обижен], то теперь, в настоящую минуту, я нарочно не хочу извинения...* (Ф.М. Достоевский). В подобном типе конструкций основную нагрузку получает придаточная часть,

закрывающая основное содержание и временное значение всего высказывания, синтаксически зависящую, но семантически ведущую фразу. «При этом предложение, содержащее в себе модальную оценку или субъективную квалификацию основного сообщения, обычно занимает господствующую синтаксическую позицию. Будучи по своему смыслу «вводным», оно становится по своей природе так называемым «главным» предложением» [Виноградов 1975:72]. Другими словами это предложенческий вариант вербализованной модальной рамки, где придаточная часть заключает в себе диктумное, а главная – модусное содержание высказывания, а само предложение является сложным лишь формально. Такие предложения в лингвистической литературе называют «квазисложными». (В настоящее время данный термин используется для модусных СПП). Характерной особенностью этих конструкций является возможность опущения модальной части без нарушения структурной целостности высказывания. К числу квазисложных предложений относят: 1. СПП нерасчлененной структуры изъянительного типа *Я предполагаю, что...*; 2. СПП расчлененной структуры условного типа *Если..., то...*

Семантика модусной части отражает мыслительную, речевую, волевою деятельность субъекта, его состояние и опирается на семантику предиката. В качестве модусного предиката могут выступать глаголы, предикативные наречия, существительные и прилагательные [Черемисина 1980, Шмелева 1995]. Например, *У меня **есть предположение**, что [это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц]*(М. Булгаков). В конструктивном плане – это сложное предложение, в семантическом же плане в первой части указан только субъект речи и его коммуникативная направленность у меня ***есть предположение***, вторая часть представляет смысловую наполненность высказывания – само «предположение» *это приведет вас к печальному концу не далее, чем через месяц*. Союз *что* представляет собой «границу» между диктумной и модусной частями

(модус вне диктума). Модальная рамка с девербативом *предположение* выражает субъективность суждения и вербализует модусную сферу мнения. Пропозиция представлена как факт реальной действительности и присоединяется при помощи союза *что*. Ср. также - *Оставалось предположить, что [сонная и странная личность улетела из дому, как птица, не оставив по себе никакого следа]* (М. Булгаков).

Своеобразие указанных сложных конструкций с придаточными изъяснительными было отмечено некоторыми исследователями (Н.С. Поспеловым), которые характеризовали главную часть таких построений как субъективный зачин, модальный комментарий к предложению, модальную оправу придаточной части. Например, *Нельзя думать, чтобы «Летописец» добровольно допустил такой важный биографический пропуск в истории родного города; скорее должно предположить, что преемники Двоекурова с умыслом уничтожили его биографию, как представляющую свидетельство слишком явного либерализма и могущую послужить для исследователей нашей старины соблазнительным поводом к отыскиванию конституционализма даже там, где, в сущности, существует лишь принцип свободного сечения* (М.Е. Салтыков-Щедрин). В подобного рода высказываниях, «придаточная часть служит распространителем какого-либо члена, обычно сказуемого главной части, характеризуется структурной и смысловой неполнозначностью. Изъяснительные придаточные такого предложения представляют собой описательную замену отсутствующего компонента главной части, и СПП в целом предстает, таким образом, как явление переходное от предложения к слову» [Горельникова 1993:93]. *Вот высказано учеными предположение, что [Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...]* (В.М. Шукшин); *Он не мог думать об этом, потому что, представляя себе то, что будет, он не мог отогнать предположения о*

том, что [смерть ее развяжет сразу всю трудность его положения] (Л.Н. Толстой); Уже по одному собачьему лаю, составленному из таких музыкантов, можно было предположить, что [деревушка была порядочная; но промокий и озябший герой наш ни о чем не думал, как только о постели](Н.В. Гоголь); Зулус высказал предположение, что [деньги, возможно, были даны другой страной, не обедневшей, а разбогатевшей от страшной войны] (И. Ефремов).

«Понятия – независимости, зависимости и сложности предложения суть понятия формально-синтаксические: если предложение синтаксически (т.е. посредством известных союзов, относительных местоимений и пр.) не подчинено другому, то оно признается независимым или главным, хотя бы по содержанию оно, напротив, являлось второстепенным и подчиненным моментом в данной фразе. Так, например, в оборотах: «*надо заметить, что...*», «*известно, что...*», «*начать с того, что...*» и т.п. главная мысль заключена в придаточных предложениях, подчиненных посредством союза *что*, главному или независимому, которое, однако, по смыслу своему, не только не главное, но даже сбивается на род вводного выражения» [Овсяннико-Куликовский 1912:296].

Таким образом, рассматриваемые лексемы являются по существу «метасловами», которые, с одной стороны, являются полнозначительными и выполняют определенную синтаксическую функцию в предложении, а с другой – сближаются по характеру своего употребления со служебными словами, являясь лишь формальными показателями предположения.

Страдательное причастие *предполагаемый* (-ое; -ая)

Страдательное причастие *предполагаемый* (-ое; -ая) по своей природе несет часть предикативной нагрузки, осложняя при этом пропозицию высказывания. *Геолог отметил места их падения на плане,*

набросанном в записной книжке, затем аккуратно записал элементы залегания пород вершины, начертил контур **предполагаемого** месторождения и прибавил несколько слов о направлении поисков (И. Ефремов) [Ср. начертил контур месторождения]; В числе этих всех невест, которые приходили ей на память, она вспомнила и свою милую Анну, подробности о **предполагаемом** разводе которой она недавно слышала (Л.Н. Толстой) [Ср. подробности о разводе]. Такое причастие «можно образно назвать «спящим» предикатом, причем потенциальная предикативность легко пробуждается в нем. Оно обнаруживает склонность к самостоятельной значимости в предложении» [Прияткина 1990: 128]. В диктумную часть вливается модус, становясь неотъемлемой частью высказывания: *О стариках я говорил с ней немного, а о посещении Ихменева умолчал, до времени; **предполагаемая** дуэль Николая Сергеевича с князем могла испугать ее.* (Ф.М. Достоевский); *Министерство, враждебное Алексею Александровичу, доказывало, что положение инородцев было весьма цветущее и что **предполагаемое** переустройство может погубить их процветание, а если что есть дурного, то это вытекает только из неисполнения министерством Алексея Александровича предписанных законом мер* (Л.Н. Толстой) - в таких высказываниях предположение носит внешний характер. Говорящий дистанцируется от предполагаемой ситуации, рассматривая ее как одно из реальных положений дел в действительности, для него это факт реальности, который он принимает как данность. Если для конструкций типа - *Вот только неясно, что он сначала будет защищать - диплом или диссертацию. Попутно он фактически написал диплом своей Вике, как я и **предполагал*** (В. Житинский) характерно проникновение субъекта речи в саму ситуацию предположение, говорящий пропускает предположение «через себя», становясь частью этой ситуации, то в конструкциях со страдательным причастием

(*предполагаемый*) реципиент становится на «внешнюю» позицию по отношению к предполагаемому факту: *Щитов повел свой корабль на противоположный край района **предполагаемого** нахождения батисферы (И. Ефремов); Расхождение официальной даты рождения Матильды с **предполагаемой**, по Гроссману, требовало более веского обоснования...(И.Ободовская).*

Предположение носит избыточный характер, тяготея к нейтральной достоверности. Локально-темпоральные рамки квалифицирующей информации расширяются за счет того, что время развития предполагаемой ситуации ориентирует на будущее. Это еще не факт действительности, так как в содержательно-фактуальной информации имеются пробелы, обоснованные временным расхождением с описываемой ситуацией.

Например, *Все систематизировано: даты, факты, соучастники, свидетели. Здесь же адреса конспиративных квартир Кнута и его **предполагаемое** местонахождение в ближайшие дни (Д. Корецкий).* Предположение обоснованно, но не хватает доказательств для того, чтобы данная информация получила достоверный характер. У говорящего наблюдается небольшая доля сомнения в сообщаемом. Модификатор *предполагаемое* соотносит одну пропозицию с другой через модус, осложняя при этом смысловую структуру высказывания. Временной континуум расширяет свои границы за счет векторной направленности модификатора *предполагаемое* → *в ближайшие дни*. Ср. *О пасквиле и **предполагаемой** [→ в ближайшие дни] дуэли узнали и Наталья Николаевна, и Екатерина (И.Ободовская); Теперь было ясно, что не только шторм задержал самолет, но еще и отклонение от нужного курса. Сергиевский повернул немного к северу, пытаясь выправить **предполагаемое** [→ в ближайшие дни] отклонение к югу (И. Ефремов); Накануне еще этого дня между Вронским и Анной произошла почти*

ссора за эту **предполагаемую** [$\rightarrow$ в **ближайшие дни**] поездку (Л.Н. Толстой). Особенность таких высказываний в том, что говорящий эксплицирует не предположение о событии как таковом, а его событийный характер, приравнивая свою точку зрения к «обобщенному» мнению (такое предположение мы будем называть «внешним» предположением), выводя ее как одну из возможных.

Предикативное наречие *предположительно*

Особую функцию в высказываниях, выражающих смысл «предположение», выполняет предикативное наречие *предположительно*.

Выполняя в предложении роль синтаксического деривата, рассматриваемое наречие выступает в субъективно-оценочной функции предиката *На углу Державинского и Красных Зорь нашел пистолет системы «браунинг» в кобуре, но без обоймы, который **предположительно хранит** у своей тещи по адресу... (Д. Корецкий); *Интересующее Вас лицо – Джон Пратт Доббс **предположительно разбогател** во время калифорнийской золотой лихорадки (Б. Акунин); *Маша пошарила рукой там, где он **предположительно находился** (С.Вишневская).* Для субъекта речи актуальным является открытая позиция содержательно-фактуальной информации, обусловленная разной векторной направленностью локально-временных рамок: *предположительно* (здесь – сейчас) – предикат (там – тогда/сейчас). Говорящий оценивает ситуацию, основываясь не столько на объективных условиях, сколько на собственных знаниях о ситуации.**

Предположение носит обоснованный характер и, в зависимости от объема объективной информации, тяготеет либо к нейтральной достоверности, либо к проблематической: *Непонятно, главное, что ему делать с рукописями – упрятать в мешок или отправить почтой в саквояже, - тут наброски писем, недоконченный рассказ в русской*

*тетради с матерчатой обложкой, отрывки философской статьи в синей школьной тетрадке, купленной в Женеве, и разрозненные листы рудиментарного романа, **предположительно** названного «Фауст в Москве» (В. Набоков) [значение нейтральной достоверности]; Их старые отечные лимфатические узлы не позволили покинуть пенаты своих **предположительно** приватизированных квартир (Д. Антонов) [значение проблематической достоверности].*

Данная функция характерна и для модально-ответных конструкций.

*Ты завтра улетаешь. Не знаешь, сколько продлится это безумие? – **Предположительно**, дней пять, не больше (г.т.).* Говорящий актуализирует свою позицию, отталкиваясь от временных рамок происходящего. «На данный момент» субъект речи не может констатировать факт, так как у него нет весомых доказательств, что ситуация будет развиваться именно так. Говорящий оставляет позицию открытой, представляя ее как обоснованное предположение, но с долей сомнения.

В парцеллированных конструкциях основная нагрузка лежит на предикативном наречии *предположительно*. Под **парцелляцией** мы понимаем такое «строение двух неразрывно связанных высказываний, когда в них обоих вместе взятых реализуется одна синтаксическая структура» [Прияткина 1990:155]. Объясняется это тем, что модальная рамка высказывания накладывается на диктумную (за счет пропущенного элемента) часть высказывания, уравнивая при этом позиции объективного и субъективного. *Талицкая церковь Н-ской области Чебровского района, - стал читать Игорь Александрович. - Так называемая – на крови.. **Предположительно** семидесятые – девяностые годы семнадцатого века (В.М. Шукшин).*

Таким образом, очевиден вывод, что семантика предположения в предложениях-высказываниях со значимыми частями речи с

соответствующим значением (*предполагать, предположительно, предположение*) имеет эксплицитный характер. Это позволяет утверждать, что синтаксические конструкции с данным лексическим наполнением являются основным способом выражения смысла “предположение”, его формальной приметой.

2.2.2 Модальные частицы со значением недоверности сообщаемого

В количественном плане – это самая объемная группа языковых средств, так или иначе, выражающих предположение. Исходя из того, что модальные частицы относятся к числу полифункциональных языковых единиц [Нагорный 2000], т.е. их общее значение складывается из отдельных составляющих, мы придерживаемся позиции, когда минимальными компонентами значения модальных частиц являются прагматические пресуппозиции говорящего. То есть, под воздействием лингвистических и экстралингвистических факторов в конкретном высказывании актуализируется одна из сем модальных частиц, так что последняя выполняет коммуникативную, эмоциональную функцию или функцию модального модификатора.

Изучению модальных частиц и их роли в высказывании посвящено достаточное количество работ [Булыгина, Шмелев 1987, Виноградов 1950, Касевич 1988, Нагорный 1993, 2000, Разлогова 1996, Русская грамматика 1980]. Считаем вправе, не останавливаясь на повторении уже известных положений, учитывая тот факт, что цель нашего исследования заключается в ином. Однако отметим свою позицию.

Для нас несомненно важным является тот факт, что модальные частицы в высказывании могут выполнять несколько функций одновременно. В частности:

- **коммуникативную функцию**, под которой мы понимаем - способность показать слушающему наиболее важный компонент высказывания, являющийся, собственно, целью осуществления данного речевого действия;

- **эмоциональную функцию**, суть которой состоит в сообщении аксиологического или чувственного отношения к происходящему, как демонстрация его соответствия/несоответствия пресуппозициям говорящего;

- **модальную функцию**, означающую - способность выражать отношение говорящего к данному положению вещей как достоверному или недостоверному.

Самое обобщенное значение каждой из этих функций состоит в том, что частица служит оказанию целенаправленного воздействия на другого коммуниканта, маркируя ярко выраженную субъективность данного высказывания, подчеркивая отношение говорящего к его пропозициональному содержанию, т.е. к объективной действительности.

Таким образом, выходит, что модальная частица в речи говорящего позволяет слушающему понять причину именно такой реакции собеседника (коммуниканта), без того, чтобы эта причина называлась вербально. Иными словами, частицы – это средство экспликации мотивов тех или иных речевых действий пользователя языком.

Как уже отмечалось, предположение представляет ментальную операцию субъекта речи, направленную на выделение своего варианта развития события в реальности. Субъективный взгляд на возможное положение дел в действительности, репрезентация точки зрения, воздействие на коммуниканта речи – вот основной список

мотивационных установок говорящего при использовании модальных частиц для выражения смысла «предположение». Так, например, в высказывании *И, по-видимому, наверху к Васиной статье отнеслись благосклонно, иначе **вряд ли** меня стали разыскивать и вытаскивать из вокзального прозябания на свет Божий (А. Варламов)* представлено два предположения о возможном развитии ситуации. Первое предположение, выраженное при помощи модального слова *по-видимому*, представляет собой уверенное предположение, которое является каузацией для другого предположения. При этом темпоральный план второго предположения смещается «сейчас - тогда»: предположение направлено не на развитие ситуации в будущем, а на то, какой вариант был бы возможен (модальная функция). Это зависит еще и от того, что частица *вряд ли*, примыкая к пропозиции в целом, влияет на ее характер: пропозиция относится к логическому типу. В то же время, модальная частица актуализирует субъектную сферу S_4 , воздействуя при этом на зону S_5 (коммуникативная функция), в речевом же потоке это выражается по средством интонации (эмоциональная функция). Иначе говоря, модальная частица берет на себя основную нагрузку при репрезентации смысла «предположение». Следовательно, выявление собственно значения частицы в том или ином высказывании зависит не только от лексического значения, зафиксированного в словарях, но и от синтаксической, семантической сочетаемости внутри предложения-высказывания.

Наш выбор такого подхода обусловлен тем, что рассмотрение частицы в многоаспектном единстве позволяет репрезентировать отдельные смысловые нюансы суждения. Так, в смысловом поле высказываний, представленных с помощью модальных частиц, чаще всего наблюдаются осложнения, так как семантическая граница модальных частиц «очень зыбка и подвижна» [Виноградов 1975:82] и

«кваликативные смыслы часто выступают в смешанном виде» [Нагорный 2000:257].

С одной стороны, смысловая наполненность модальных частиц неоднозначна по своей природе, и, следовательно, предположение может осложняться:

- сомнением: *Мы **вряд ли** узнаем друг друга потом, в толчее городской (Р.Рождественский); **Навряд ли** я когда-нибудь увижу петербургское или орловское небо (А. Черкасов);*

- недоверием: *Но я помнил всегда, **да едва ли** и ты забывала, Что однажды вдвоем показалось нам плохо с тобой (К. Симонов);*

- избыточностью: *Его "турбо-питер" и без этого был **едва ли не** уникален, новинка и гордость автоконцерна "Питер-авто" в Джанкое (В. Аксенов);*

- желательностью: *Припоздали мы с тобой, королевишна, маленько! - оживленно бормотал он, обращаясь не то к лошади, не то к Наташке. Ну, да **авось** не удавят! **Авось** не на пожар (И. Бунин);*

- эвиденциальностью: *Несмотря на сослагательное наклонение и многоточие, эта фраза Лучникова прозвучала немислимой дерзостью, а, подкрепленная последующим странным жестом, легким, в четверть силы, пожатием стариковского запястья, обернулась едва ли не ультиматумом - **дескать**, кончайте балаган (В. Аксенов);*

- гипотетичностью: *Нет, Соня, это не то! - начал он опять, вдруг поднимая голову, **как будто** внезапный поворот мыслей поразил и вновь возбудил его, - это не то! (Ф. Достоевский).*

С другой стороны, все эти осложнения образуются на базе смысла «предположение», являющимся ядром для их реализации, так как концептуальный компонент данных осложнений служит фактором их фиксации в границах смысловой сферы предположения. Однако только при трехаспектном подходе данные осложнения можно выявить в

совокупности и представить полную концептуальную картину предположения как личностного смысла.

Следовательно, при изучении высказываний, выражающих смысл «предположение» с помощью модальных частиц, мы будем учитывать трехуровневую организацию предложения-высказывания (и частицы отдельно) - лексический, синтаксический и семантический уровни.

Модальные частицы, используемые для выражения предположения, выделяются в отдельные группы [Нагорный 2000], объединенные общностью функционирования в высказывании (их можно представить в виде таблицы):

1. Сравнительно-предположительные	<i>Будто, как будто</i>	Предположение + гипотетичность
2. Собственно-предположительные	<i>Авось, поди, небось, чай, что ли</i>	Предположение + желательность + подтверждение
3. Сомнительно-предположительные	<i>Едва ли, вряд ли</i>	Сомнение + предположение
4. Избыточно-предположительные	<i>Чуть ли не, едва ли не</i>	Избыточность + предположение
5. Вопросительно-предположительные	<i>Разве, неужели, что ли, не так ли</i>	Предположение + неосведомленность + гипотетичность
6. Эвиденциально-предположительные	<i>Мол, дескать, якобы</i>	Эвиденциальность + предположение
7. Сопоставительно-предположительные	<i>То ли..., не то...</i>	Предположение

Сравнительно-предположительные: *будто, как будто*

Данная группа модальных частиц характеризуется тем, что они совмещают значение неуверенности, неясности, гипотетичности с функцией союза, вводящего недостоверное сравнение: *А ты упорно смотришь за окно, **Как будто**, правда, кто-то может встретить* (К.Симонов); *Обогнали фургон... Филипп вылез из кабины и поднял руку. И сердце запрыгало, **как будто** тут сейчас должно что-то случиться такое, что всем, и Филиппу тоже, станет ясно: кто такая ему была Марья* (В. Шукшин); *И карлики с птицами спорят за гнезда, И нежен у девушек профиль лица... **Как будто** не все пересчитаны звезды, **Как будто** наш мир не открыт до конца* (Н. Гумилев); ***Как будто** в ту башню пустую Сто юношей пылких и жен Сошлись на свадьбу ночную, На тризну больших похорон* (М. Лермонтов). Сравнивая одни факты, явления, предметы с другими, говорящий вводит **признак допущения**, что событие может развиваться и в другом направлении. При этом степень достоверности и обоснованности такого суждения довольно низкая, поэтому такие высказывания осложняются значением гипотетичности, под которым мы понимаем – обоснованное лишь до определенной степени знание, не вполне достоверное и требующее доказательства - *Чебровскую видно было за пять километров кругом - на то и рассчитывали строители. Талицкую **как будто** нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу* (В. Шукшин). Говорящий квалифицирует событие как относительно достоверное с помощью модальной частицы *как будто*, которая вносит субъективно-авторское видение развития события в действительности. Сравнивая один предмет с другим – *Чебровскую* и *Талицкую* церковь, субъект речи выдвигает свое «предположение» относительно возможного положения дел в реальности. При этом временные рамки раздвигают свои

границы: «сейчас» - точка зрения говорящего, выраженная частицей *как будто*, «тогда» - пропозиция высказывания (грамматическое выражение – форма прошедшего времени глагола).

Частица, примыкая к пропозиции в целом: *Он страшно бледен был и худ И слаб, как будто долгий труд, Болезнь иль голод испытал (М.Лермонтов); Сквозь табачный дым я слежу за ним, я напрягаю зрение и вижу: сверкнуло сзади человека, выстрел, он, охнув, падает навзничь, как будто острым ножом его спереди ударили в сердце (М. Булгаков); И облачко за облачком, Покинув тайный свой ночлег, К востоку направляло бег - Как будто белый караван Залетных птиц из дальних стран! (М.Лермонтов)*, преобразует ее в логическую, оставляя в субъектной сфере высказывания приоритет за зоной S_4 . Если же опустить модальный компонент *как будто* (Ср.: *Талицкую как будто нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу и Талицкую нарочно спрятали от праздного взора, и только тому, кто шел к ней, она являлась вся, сразу*), то высказывание будет носить констатационный характер, при этом субъектная зона S_4 отойдет на «задний план», оставляя место другим сферам. Пропозиция, неосложненная частицей, приобретет событийный характер. Предположение, в подобного рода высказываниях, помимо сравнения осложняется и значением гипотетичности.

В то же время рассматриваемая частица может примыкать не ко всей пропозиции, а к отдельным ее частям. При этом смысловые оттенки могут варьироваться. Так, например, примыкая к акциональному предикату мыслительного действия, данная частица усиливает логический характер пропозиции: *И на миг глаза его заглянули куда-то далеко-далеко и опять "остыли"... И непонятно было, о чем он подумал, как будто что-то вспомнил, Но вспоминать ему это "что-то" не*

хотелось (В. Шукшин). Уверенность таких высказываний довольно низкая и предположение осложнено:

- неуверенностью: *Лоб я постоянно вытирал платком и видел перед собою коренастого плотного человека, гладко выбритого, с густыми волосами на голове. Он стоял в дверях и не спускал с меня глаз, как будто что-то обдумывая* (М. Булгаков); *Веня в дороге всегда успокаивался, о людях начинал думать: будто они, каких знал, где-то остались далеко и его не касаются* (В. Шукшин);

- неясностью: *Рудин сперва как будто колебался, не решался высказаться, не находил слов, но, наконец, разгорелся и заговорил* (И.Тургенев); *Говорил ли мне кто-то или приснилось мне, что будто Юлий Кесарь обладал способностью делать несколько разных дел одновременно, например, читать что-либо и слушать кого-нибудь* (М.Булгаков) - это связано с воздействием частицы на предикат.

Собственно-предположительные: *Авось, поди, небось, чай*

Собственно-предположительные частицы являются показателем того, что высказывание с точки зрения его автора – лишь вероятное, базирующееся на достаточной информации о факте действительности. Такие высказывания направлены на установление говорящим истинности или ложности результата квалификации события: *Да украли небось! Украли!..* (В. Шукшин); *И вы, чай, неприятности какие-нибудь за это имели?* (Н. Лесков); *Батюшка Сергея Сергеевича умер, - сообщил Иван Васильевич. – Царство небесное, - сказала старушка вежливо, - он, чай, не знает, что вы пьесы сочиняете?* (М. Булгаков). Цель автора заключается в предположении относительно результата, а не обозначении его. *Я виноват перед тобой и должен наказать себя; прощай, я еду - куда? почему я знаю? Авось недолго буду гоняться за пулей или ударом шашки; тогда вспомни обо мне и прости меня* (М. Лермонтов); *Лучше*

*поди-ка ляг да усни; ведь ты, чай, всю ночь с боку на бок проворочался (И. Тургенев); Ловлю себя и вас на каждой фразе, на каждом слове и спешу скорее запереть все эти фразы и слова в свою литературную кладовую: **авось пригодится!** (А. Чехов).*

Так, модальная частица **поди**, как и другие рассматриваемые частицы, помимо других своих смысловых нагрузок может вводить в высказывание и предположение. *А ты, Петров, стогов семьдесят сегодня, **поди-ко**, наставил, куды и проценты будешь девать? Придется ишшо двух коров заводить, - сказал Куров серьезно (В. Белов); Вот и выходит, што я не святой. Я не насильничал, правда, лаской донял, а все одно... дитя-то пустил по свету. Спомнишь - жалко. Большой уж теперь, материт, **поди**. (В. Шукшин).*

Однако в зависимости от того, к какому элементу пропозиции примыкает *поди*, меняется смысловая наполненность высказывания в целом.

1. *Поди* может употребляться для выражения «сиюминутного» предположения. В таких высказываниях превалирует низкая степень достоверности введенного говорящим предположения. Временные рамки имеют замкнутый характер - «сейчас». Для говорящего выведение такого предположения актуально на данный момент времени: *А документы-то где взял? Ухлопал, **поди**, кого-нибудь? (В.Шукшин); Она же и разбудила его теперь. - Вставай, чего спишь! - закричала она над ним, - десятый час. Я тебе чай принесла; хошь чайку-то? **Поди** отоцал? (Ф.М. Достоевский).* В подобного рода высказываниях частица одинаково тяготеет ко всем участникам семантической организации (предикату, актантам, сирконстантам): *А у его чего же родных-то никого, што ли, не было? - спросил вдруг старик. - У кого? - не понял Юрка. - У того академика-то. Одни студенты стояли? - У Павлова-то? Были, наверно. Я точно не знаю. Завтра спрошу в школе. - Дети-то были, **поди**? -*

*Наверно. Завтра узнаю. (В. Шукшин); - Сирин, - ехидно спросила Рита, - Я, наверное, рановато позвонила? Ты спишь, **поди**, еще (А.Бондарев).* Пропозиция имеет логический характер, а модальный компонент лишь усиливает смысловую наполненность высказывания, не влияя при этом на модификацию пропозиции в целом (даже если примыкает у центральному ее компоненту). В данном значении это чисто модусная единица, которая не сближает субъективное и объективное в высказывании. *Господь бог ниспосылает на ум тебе сказки и повести, кои ты печатаешь и продаешь, вырученные за оные деньга не бросаешь в Неву реку, а, **поди**, чай, кладешь в шкатулку (А. Пушкин); Вот наши пальцы соприкасаются, и в тот же миг какая-то маленькая многоногая среднеазиатская тварь переползает с моей руки на ее. Сидела, **поди**, на обшлаге моей легкой рубахи и долго думала, как бы ей перебраться на ту сторону, где больше пахло родной стороной (В. Маканин).*

2. *Поди* может вводить "уверенные" предположения, почти граничащие с утверждением: *А ведь его квартиры все дорожали и уже сейчас, взятые вместе, шли, **поди**, под миллион долларов (В. Маканин); У него и там, в достославных Риге, Калининграде и в Бресте, стоном застонала бы душа, просясь обратно, - до того любил он и ждал весь год эту ягодную пору, ухитряясь каждое лето приурочивать свой отпуск именно на нее, на эту пору. Он и нынче угадывал на нее и сколько, **поди**, старался, сколько волновался и бился, чтоб не раньше и не позже, а вот не пришлось (Т. Толстая).* В указанном значении модальное слово чаще всего примыкает к предикату. С одной стороны, примыкая к предикату логической пропозиции, оно не вносит ничего не модусного: *Васька Окорок, рыжеголовый на золото-шерстном коротконогом иноходце подскакал к холму и, щекоча сапогами шею у лошади, заорал: - Иду-ут! Тыщ, **поди**, пять будет! (В. Каверин); Он был бы как и отец священником и достиг бы, **поди**, высокого сана, - ежели бы не*

*прискорбный случай с майором Протопоповым (В.Набоков), с другой стороны, примыкая к предикату событийной пропозиции, влияет на ее тип: Когда Воронцов и Хаджи-Мурат, сопутствуемые свитой, проезжали назад к крепости, солдаты, снятые с цепи и собравшиеся кучкой, делали свои замечания: - Сколько душ загубил, проклятый, теперь, **поди**, его ублаготворять будут, - сказал один. (Л. Толстой) [логический тип пропозиции]; Ведь его, **поди**, прочли передатчики, списали, сказали: ага! она с ним заодно, коли он ей так пишет (В. Набоков) [событийная пропозиция под воздействием модального компонента приобретает логический тип]; Теперь Коржаков ищет себе нового хозяина. Какая разница, кого охранять? Лебедю, **поди**, тоже безопасность не помешает, если, конечно, до президента дорастет (г.т.). На наш взгляд, тип пропозиции, в данном случае, не играет большой роли, так как модальное слово не оказывает другого влияния, кроме модусного.*

Модальный компонент **поди** имеет возможность сочетается с *опять*: Ты, **поди**, *опять* уроки не выучил? В этом случае правильность предположения говорящего поддерживается тем, что ситуация уже имела место, и (возможно, неоднократно) повторялась. Он, **поди**, *опять* с ней, наедине, вдвоем, в этой аллее, в такой час? (И. Бунин); Ах, как же! Я все записываю. Ну что, Кити, ты *опять*, **поди**, каталась на коньках? (Л.Толстой).

Вводящее предположение **поди** чаще всего встречается в высказываниях, напрямую обращенных к собеседнику (например, в вопросах), когда собеседник должен подтвердить или опровергнуть содержащиеся в них предположения: - Что, дядя Лука, к нам в компанию ладишь? - на крестьянский лад произнес Николай Ребров. - **Поди** стосковался по дому-то? (Вяч. Шишков); -А я Порфирия зашиб только что, - сказал лжебарин, гарцуя на барском коне. -Убил, **поди**? - льстиво

залебезила супруга. - Рука-то у тебя крепкая (И. Несчетный)..
 Говорящий, вводя модальный компонент в высказывание, пытается воздействовать на слушающего, установить коммуникативный баланс. У говорящего есть своя точка зрения на происходящее в действительности, но он желает узнать позицию собеседника за счет вводимого модального компонента: *- Да ведь ты, **поди**, какого-нибудь дуrolома по переписке здесь поджидаешь, - демонстрируя проницательность, как можно беззаботнее сказал он. - Или нет? (А.Бондарев); Прежде, чем возражать - подумаем хорошенько, обдумаем каждый ответный ход, стало быть - вспомним Чехова, перечитаем его... Ведь, **поди**, многие его со школьной парты в руки не брали? (К. Васильев).*

В то же время **поди** может вводить предположения говорящего о третьем лице, сделанные в рассуждении о чем-либо. Такие высказывания, как правило, не имеют вопросительной формы: *Раздобудь мне лучше флот - али лодку, али плот, Раз уж ты такой искусный в этом деле полиглот! Нам к утру, часам к пяти, надо быть уже в пути, Потому как нас в Расее заждались уже, **поди**!.. (Л. Филатов); И грамотность ее! Ах, сволочь. И это, конечно, не единственная ее жертва. **Поди**, в аресте Зыбина есть и ее капля меда (Ю. Домбровский).*

В контекстах предположения **поди** может заменяться на другие модальные слова, выражающие "логическую" оценку степени достоверности высказывания. Ср., например: *Ты, **поди** (навверное, вероятно), уже все дела переделал?; Публика прогнозы строит: как там, в Тольятти или в Нижнем, тяжело, **поди** (навверное, вероятно), придется, костоломы там знатные... (г.т.).*

Но, в отличие от *навверное, вероятно* и *может быть* (при помощи которых **поди** обычно толкуется в словарях), **поди** является эмоционально нагруженным словом, что приводит к восприятию его как просторечного

и фамильярного; такой же функцией обладают *небось*, *чай*, *авось*. Иногда наблюдается взаимозамена последних компонентов: *Голубчик! Да ты ли? Сергуха! Озяб, чай? Поди продрог? Да ставь ты скорее, старуха, На стол самовар и пирог!* (С. Есенин); *Ведь они же никаких молитв христианских, чай (поди, небось), не знали, или вы их выучили?* (Н. Лесков); *Что ж тут объяснять. Небось (поди, чай), помните, как я вас любила. Он покраснел до слез и, нахмурясь, опять зашагал* (И. Бунин); *Этот Ванька рад, что теперь суматоха в доме: он думает, авось (поди, чай) не заметят* (Л. Толстой). Однако такая взаимозамена возможна в том случае, если в высказывании содержится необоснованное, «сиюминутное» предположение, основанное на внутреннем, интуитивном восприятии рассматриваемой ситуации. Пропозиция имеет логический характер и анализируемые компоненты, примыкая к пропозиции в целом или к отдельным значимым ее элементам, не влияют на тип пропозиции.

В других случаях такая взаимозамена в семантическом плане будет неполной. Это обусловлено тем, что модальные частицы могут вносить в высказывание разные смысловые оттенки. Если *чай* и *авось* ориентированы на возможность благоприятного развития событий и плохо сочетаются с отрицательной оценкой факта действительности говорящим и собеседником: *Так чем своей рукой вешаться, пойдём, - говорит, - лучше с нами жить, авось иначе повиснешь* (Н. Лесков); *И вы, чай, неприятности какие-нибудь за это имели?* (Н. Лесков), то *поди* и *небось*, напротив, чаще вводят неприятные для собеседника, компрометирующие его высказывания (хотя возможны и нейтральные). В этом случае создается впечатление, что говорящий "раскусил" собеседника, знает все его мысли, намерения или действия. *Смеяться сейчас не над чем! Время серьезное! Смеются вон в парках на гулянии - а вы небось у себя дома норовите смеяться, за закрытыми дверями! С компанией! Это не полагается - подозрительно!* (Ю. Домбровский); *И*

*вот теперь стоит война у порога, стучится в дверь, и получается: сейчас мы с вами сидим по разным концам кабинета, а придет Гитлер, и мы будем стоять рядышком у стенки. Если вы, конечно, к тому времени не переметнетесь, но, ох! переметнетесь, очень похоже, что переметнетесь вы, и еще нашими расстрелами, **поди**, будете командовать (Ю. Домбровский).*

Причем **небось** более «агрессивное» слово. В обличительных контекстах с **небось** говорящий часто выдвигает предположения относительно факта, который, с его точки зрения, собеседник хотел бы скрыть. Ср.: *Ты в лицо гляди, когда с тобой говорят, контра проклятая! Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда **небось** не прятал? Тогда прямо смотрел!* (Ю. Домбровский).

В высказываниях как с **поди**, так и с **небось** говорящий часто демонстрирует свою пронизательность относительно внутреннего состояния, установок и поступков собеседника или третьего лица. Поэтому для **поди** и **небось** характерны вопросы или высказывания, напрямую обращенные к собеседнику, который должен подтвердить или опровергнуть содержащееся в них предположение (часто о самом собеседнике): - *Ты, **небось**, совсем не спала?* Она ответила радостным шепотом: - *Ни минуточки. Все ждала...* (И. Бунин); *А я курю. Он строго нахмурился. - Девчонка! В институте, **поди**, научилась?* - *Нет, еще в восьмом классе.* (Ю. Домбровский); - *Ну, ну, - сказал отец Андрей улыбаясь. - Что это с вами? **Небось** опять перебрали? У Волчихи?* - *Нет, не у Волчихи, Андрей Эрнестович, а со своими ребятами. Рассчитывал их, вот и ...* - *Ну, они и обрадовались! Свои-то не все ухнули? На хлеб-сахар есть? Ну и ладно! **Небось** голова болит? Идем, подправлю.* (Ю. Домбровский).

Однако *небось*, в отличие от *чай* и *поди*, всегда вводит скрытый факт. В этом случае, вводя модальную частицу *небось*, говорящий стремится выявить скрытую истину: *Ты вот говоришь, что он раздражен, да я-то как раздражена! А он об поляке! Экой дурак! Вот к Максимушке небось не ревнует* (Ф.М. Достоевский).

Таким образом, *поди* и *небось* выражают различные значения: для *небось* основополагающей является идея вторжения говорящим в некоторую закрытую для него область, говорящий стремится преодолеть границу, отделяющую его от знания; для *поди* важна идея проверки предположения, актуальность которой ощущается говорящим. Но несмотря на различие в семантике, употребления *поди* и *небось* в контекстах предположения имеют много общего, эти слова, как было отмечено выше, почти всегда легко заменяются друг на друга, ср.:

(1) *А меня спрашивали: как там ваша дочка после столицы в таких местах? Я говорю: все в порядке, все хорошо, а у самой душа болит: как ты там, думаю. Одна все-таки. Двое детей. Иван занят поди целый день*" (И.Муравьева);

(2) - *До чего же умный человек!* - мысленно восхитился председатель. - *И с этой стороны к нему подойдешь, и с другой, а он все равно ответит так, что ничего не поймешь. Небось, высшее образование имеет. А может, и по-французски понимает* (В.Войнович).

В (1) и (2) примерах для говорящего актуально то, чего он не знает и чему требуется подтверждение; и в первом, и во втором случае имеет место угадывание ситуации. Предположение носит значение догадки (предположение-догадка).

В другом случае говорящий владеет достаточной информацией для того, чтобы квалифицировать ситуацию как достоверную. Но для него

важным является введение модального компонента в высказывание для **эмоционального** воздействия на коммуниканта: *Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя, небось, есть, жалко ведь вас, так жалко, что вот говорю - а каждое слово в сердце отдает* (В.Шукишин). Ср.: *Мать-то и у тебя есть...* Ситуация предположения в такого рода высказываниях носит характер восполнения не информативной, а психологической, эмоциональной лакуны.

Итак, **поди** и **небось** являются в русском языке "иллокутивно нагруженными" словами, условно их можно было бы назвать словами "активного воздействия", поскольку они часто употребляются тогда, когда говорящий хочет как-то повлиять на собеседника: смутить, пристыдить, запугать и т.п. С другой стороны, среди модально-эмоциональных слов существуют такие, как **авось**, **чай**, которые по аналогии можно было бы назвать словами "мягкого воздействия": *Кто ж виноват? зачем она не хочет дать мне случай видеться с нею наедине? Любовь, как огонь, - без пищи гаснет. Авось ревность сделает то, чего не могли мои просьбы* (М. Лермонтов); *А потом думаю - э, была не была, поеду-ка я домой, авось Бог донесет, - не до города, не до дел в этакую страсть! Вот и доехал, слава Богу...* (И. Бунин). Эти слова, даже будучи направленными на собеседника, не предназначены для проникновения в его "личную сферу".

Сомнительно-предположительные: *Едва ли, вряд ли*

Частицы *едва ли, вряд ли* являются показателями предположения, осложненного сомнением: *На вашем молодом лице Следов заботы и печали Не отыскать, и вы едва ли Вблизи когда-нибудь видали, Как умирают* (М. Лермонтов); *Ну, желаю вам счастливого пути. Впрочем,*

если ваши дела не задержат вас, может быть вы еще нас застанете здесь. - Я едва ли успею, - возразил Рудин и встал (И. Тургенев).

Модальность значения сомнения, входящая в структуру эпистемической модальности, означает недостаточное знание говорящего о возможности существования связи между объектом предикации и его признаком. Оценивающий субъект лишь предполагает наличие такой связи, это результат его мыслительной деятельности: *Она родилась для счастливой женской доли, однако была одинока, никто ее не любил, и вряд ли кого-то любила она (А. Варламов); Я решился уехать, пока мне не сказали ясно, чтобы я удалился. Отъездом моим прекращаются все недоразумения; а сожалеть обо мне едва ли кто-нибудь будет (И. Тургенев)* В этом смысле модальность данного типа субъективна, так как всегда связана с умозаключением говорящего [Беляева 1985:126].

Сомнение есть оценка, основанная на том впечатлении, которое производит соответствующий участник ситуации, впечатлении, не расчлененном на компоненты в зависимости от способов восприятия.

Каким бы ни был источник впечатления, сомнение всегда предполагает оценку. Важнейшей особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует субъективный фактор, взаимодействующий с объективным. Оценочное высказывание, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки, подразумевает ценностное отношение между субъектом суждения (тем лицом, от которого исходит оценка) и его объектом (тем предметом или явлением, к которому оценка относится). В значении «сомнение» имеется признак вывода. Так как прямых данных о реальном положении вещей у оценивающего субъекта нет, семантика включает компонент неуверенности в утверждаемом. Так, семантическая формула «*Сомневаюсь, что X это Y*» можно прочесть как: «Предмет X обладает признаками, которые дают мне основания полагать, что он Y, хотя у меня имеется некоторое сомнение в этом»: *Отца и мать мою едва*

ль Застанешь ты в живых. Признаться, право, было бы жаль Мне опечалить их (М. Лермонтов); И играли, играли, играли, Как играть приходилось едва ли Им, до одури, до одышки (Н. Гумилев); Мы, почувствовав это, глядели глазами сухими, Понимали, что вряд ли от памяти мы убежим (К.Симонов); А между тем из них едва ли есть один, Тяжелой пыткой не измятый, До преждевременных добравшийся морщин Без преступленья иль утраты! (М. Лермонтов); Но я помнил всегда, да едва ли и ты забывала, Что однажды вдвоем показалось нам плохо с тобой (К. Симонов).

Иначе говоря, отличительными особенностями сомнения являются:

- отношение актуализированного факта к реальной действительности с точки зрения вероятности его осуществления;
- отношение рассматриваемого факта к субъекту речи;
- отношение говорящего к возможности осуществления данного факта.

Таким образом, следует говорить о семантике вывода и значении неуверенности, ни в коем случае не исключаящими друг друга.

Так как сомнение базируется на субъективном мнении говорящего и содержит неуверенность в истинности /ложности факта, мысль о возможном его несоответствии действительному положению дел, то предположение притягивается к полюсу отрицания актуализированного события, только у говорящего еще содержится доля сомнения для констатации факта как отрицательного: *Нет уж, будем откровенны!* - восклицал Романус, пожимая мне руку. - *Вы писатель! И прекрасно понимаете, что **навряд ли** Митя Малокрошечный, будь он хоть двадцать раз председателем, отличит гобой от виолончели или фугу Баха от фокстрота "Аллилуйя" (М. Булгаков)* – говорящий не может квалифицировать событие как достоверное, у него нет на это весомых

причин, поэтому сообщение о факте действительности выводится как предположение, осложненное сомнением.

Чаще всего, примыкая к предикату, частица берет на себя часть смысловой нагрузки. Так, в высказываниях при предикате с отрицательной частицей *не* и рядом стоящей сомнительно-предположительной - *Я приехал в театр, подъезжаю, издали еще слышу, окна были раскрыты, - грохот, свист, крики, ругань, и палят из ружей! Лошадь едва не понесла, я подумал, что бунт в театре!* (М. Булгаков) – предположение приближено к полюсу утверждения (ср. *Лошадь понесла, я подумал, что бунт в театре!*). Напротив, в высказываниях, не имеющих при предикате отрицательной частицы *не*, но с присутствующей сомнительно-предположительной частицей – предположение приближено к полюсу отрицания факта в действительности: *Я рассказывал каждому встречному, что жил и учился в Москве много лет, а потом должен был уехать, пускался в ненужные и **вряд ли** волновавшие их подробности, и не для того, чтобы кто-нибудь из сердобольных демонстрантов или демонстранток меня приютил, но, повинуясь внутренней потребности, открыть уста* (А. Варламов), (ср.: *Я рассказывал каждому встречному, что жил и учился в Москве много лет, а потом должен был уехать, пускался в ненужные и **НЕ** волновавшие их подробности, и не для того, чтобы кто-нибудь из сердобольных демонстрантов или демонстранток меня приютил, но, повинуясь внутренней потребности, открыть уста*).

Избыточно-предположительные: Чуть ли не, едва ли не

Высказывания с данными частицами базируются на высокой степени достоверности, которая опирается на объективную возможность осуществления факта. Мотивированность использования данного рода частиц состоит в том, что интенция говорящего направлена не на

экспликацию собственно предположения о событии, а на его количественную, качественную или другие характеристики. Предположение чаще всего нацелено:

- на степень оценки говорящим физических и психологических способностей: *И хотя со временем я научился в нем ориентироваться и знал город **едва ли не** лучшие самих москвичей, что много лет спустя помогло мне зарабатывать на хлеб, все равно чувствовал себя в этом нагромождении лесным зверьком, который попал в лабиринт и не может его покинуть (А. Варламов); Ахматова захватила **чуть ли не** всю сферу женских переживаний, и каждой современной поэтессе, чтобы найти себя, надо пройти через ее творчество (Н. Гумилев);*

- на степень пространственной локализованности: *На озеро прилетел швед, друг этого джазиста, Кель Ларсон, на собственном самолетике, и как они втроем на этом самолетике, который **едва ли не** цеплял брюхом за верхушки елей, перелетели беспрепятственно государственную границу (В. Аксенов); Глянув на летящие впереди на одной скорости автомобили и вообразив, что сейчас начнется подъем и стадо будет прорезаться, Лучников слегка сдвинул руль, приблизился к "руссо-балту" **едва ли не** вплотную и зашептал горячим шепотом **чуть ли не** в ухо госпоже Нессельроде (В. Аксенов).*

Значения рассматриваемых частиц, служащих для выражения смысла «предположение», можно объединить в следующие группы:

- выражение уверенного предположения: *Рудин казался полным огня, смелости, жизни, а в душе был холоден и **чуть ли не** робок, пока не задевалось его самолюбие: тут он на стены лез (И. Тургенев); В тридцатых годах мы особенно много ездили по стране, зимой же, возвратившись в Москву, жили очень дружным и веселым содружеством. **Чуть ли не** каждый день мы собирались у писателя Фраермана (К. Паустовский); Дом Дарьи Михайловны Ласунской*

считался **чуть ли не** первым по всей ...ой губернии (И. Тургенев); Рудин пожелал познакомиться с моим предметом; да **чуть ли не** я сам настоял на том, чтобы представить его (И. Тургенев).

- предположения, содержащего преувеличение: *Есть в Спас-Клепиках кино, старинная ватная фабрика **чуть ли не** времен Крымской войны, педагогический техникум, где учился поэт Есенин (К. Паустовский); Всюду Абрама Демьяновича нарасхват. А в Наркомтяжпроме, так там Абрама Демьяновича **чуть ли не** на руках носили (Д. Хармс); На лобовых стеклах проносящихся мимо нас грузовиков и не в южных, не в грузинских, а в центральных русских областях, **едва ли не** на каждом втором красовался портрет генералиссимуса в его варварской форме (В. Аксенов); История души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она - следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление (М. Лермонтов).*

Особенностью является то, что частицы данной группы имеют способность проникновения в пропозицию в целом или присоединения к отдельным элементам пропозиции как значимым, так и не влияющим на пропозицию. Подобная особенность позволяет выявить смысловые нюансы высказываний.

Так, в высказываниях с частицами, выражающими уверенное предположение, характерно то, что частица примыкает непосредственно к актантному или сирконстантному окружению как логической, так и событийной пропозиции: *Это была барышня его лет, его круга, родом **чуть ли не** из того же города, как и он (В. Набоков); С другой стороны, стал бы он сам сознательно избегать таких **едва ли не** обязательных в этой самой "приватной" стране в мире обозначений себя, как адрес или клуб? (А. Пятигорский).* При этом тип пропозиции не играет

существенной роли, так как данного рода частицы способны оказывать только модусное влияние.

При употреблении данной группы частиц для выражения предположения, содержащего преувеличение, наблюдается проникновение частицы в пропозицию в целом, примыкая к значимым ее элементам. Так, например, к предикату количественной характеристики: *Когда в статьях о Гарибальди или Кавуре (страшно представить себе, сколько саженой мелкой печати этот неутомимый человек перевел из Таймса), в комментариях к итальянским событиям, он с долбящим упорством ставил в скобках **чуть ли не** после каждой второй фразы: Италия, в Италии, я говорю об Италии, - развращенный уже читатель знал, что речь о России и крестьянском вопросе (В. Набоков); Тупые, бездарные игроки начала века, выбившие огнем, свинцом и газом **чуть ли не** треть мужского населения Европы и сами выбитые **едва ли не** до последнего - не от того ли их пристрастие к псевдонимам, партийным кличкам и смене имен, что конец им был заранее предсказан в бирках с номерами вместо имен, перемешанных с обломками костей в мусоре и пепле? (А. Пятигорский).* Однако чаще всего опять же к актантной и сирконстантной организации: *Всю эту обаятельную жизнь, по сегодняшнему сочетанию которой можно было безошибочно определить и возраст лета (с точностью **чуть ли не** до одного дня), и географическое положение местности, и растительный состав лужайки, все это живое, истинное, бесконечно милое, Федор воспринял как бы мгновенно, одним привычным, глубоким взглядом (В. Набоков); Вот они как теперь, маточка, так что я и у этих господ **чуть ли не** хуже ветошки, об которую ноги обтирают (Ф. Достоевский).* Это связано с тем, что данные частицы характеризуют лишь отдельный элемент ситуации, при этом субъективность распространяется не на все

высказывание в целом, а лишь на определенный фрагмент. Это влияет и на четкую границу между диктумной и модусной частями высказывания.

При этом помимо модальной функции анализируемые частицы выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию, функцию стилистического маркирования, отражая внутреннее состояние субъекта речи: *Все еще острым глазом вижу ту топчущуюся очередь не слишком большая и медленная, за сахаром. **Едва ли не** последняя московская очередь, составленная из растерянных старых приживал (жаль, нет такого слова доживал, очередь из доживал из доживающих свое) (В.Маканин); Она прятала лицо в шарф, цветок любовно щекотал ей губы, и щекотанье это звучало, как шепот уныло прожитой молодости, как призрак какого-то единственного, **чуть ли не** топотом ног выгнанного поцелуя (Ю. Олеши); Показать и заодно (чужими глазами, как водится) самому заново посмотреть и увидеть **едва ли не** в километрах расстояние, нас разделяющее (В. Маканин).*

Вопросительно-предположительные: Разве, неужели, что ли, не так ли

Частица *разве* совмещает значение сомнения, колебания с функцией противопоставляющего союза: *Рассказать-то мудрено: поворотов много; **разве** я тебе дам девчонку, чтобы проводила (Н. Гоголь).*

Частицы *неужели, разве, никак (прост.)* всегда вносят в вопросительное предложение оттенки:

- сомнения: *Обстановка, **что ли**, не позволяет? - спросил хриплый голос. - Бывает, обстановка. А бывает, и характер у человека такой (К.Паустовский); А я, дядя Ваня, нисколько не беспокоюсь, - тихо сказал мальчик. - Папаня мой жив. Я это сегодня узнал. - Товарищей его*

встретил, **что ли?** - Нет, не товарищей. Через экран я узнал (К.Паустовский); Отправляясь в санаторий, Климов поклялся себе, что будет худеть - мало есть и много двигаться. И сейчас, поглощая пончик, он испытывал противоречивые чувства: с одной стороны - **неужели** у него, мужчины с высоким интеллектом, публикующего научные статьи в научных журналах, не хватает силы воли отодвинуть пончик? (В.Токарева);

- неуверенности: Но любовь **разве** цветик алый, Чтобы ей лишь мгновенье жить, Но любовь **разве** пламень малый, Что ее легко погасить? (Н. Гумилев); **Разве** снова хочешь ты отравы, Хочешь биться в огненном бреду, **Разве** ты не властно жить, как травы В этом упоительном саду? (Н. Гумилев);

- удивления: **Неужели** это правда?; **Разве** ты ему веришь?; **Никак** ты пьян? (газ); **Да неужели** мы так неразумны, что не видим, не чувствуем, как эта «агитация положительным героем» бьет нас другим концом! (В. Шукшин); Взять хоть письма мои – я всегда их боялся до смерти. **Разве** можно не жечь, **разве** можно держать их в руках? (К.Симонов).

Частицы **ли**, **не ... ли**, **разве**, **неужели** оформляют также риторический вопрос: **Не я ли** помог тебе?; **Могли ли** мы предположить измену!; **Разве** так поступают друзья?; **Неужели** ты мог поверить!

Эвиденциально-предположительные: Мол, дескать, якобы

Модальные частицы данной группы позволяют представить информацию, принадлежащую не говорящему, а другому лицу. Тимофей тоже стал смотреть телевизор. Потом он сказал: "Таких плотников не бывает". Все попросили Тимофея оправиться. Но он продолжал

возбужденное состояние. Опять сказал, что таких плотников не бывает, вранье, **дескать** (В. Шукшин); Вот ты оттаскала свои пятьсот литров, потом тебе говорят: за тобой, гражданка Селезнева, еще семьдесят пять литров. Ты, конечно, - как это так? А какой-нибудь такой же, вроде меня, со счетиками: давайте считать вместе... Вышла, **мол**, ошибка с жирностью. Работник, **мол**, недоглядел... (В. Шукшин). При этом вследствие отстраненности говорящего от другого мнения, снижается степень категоричности предоставляемого факта. Говорящий снимает с себя ответственность за истинность и достоверность предоставляемой информации. Такое предположение носит необоснованный характер в силу того, что говорящий по средством отстраненности от чужого мнения квалифицирует ситуацию как один из возможных вариантов развития в действительности. Доказательной силы такое предположение не имеет и не требуется, не смотря на то, что говорящий указывает на источник информации, способ и характер получения информации.

Модальные частицы данной группы актуализируют помимо субъектной зоны S_4 и субъектную зону S_1 , указывая на производителя первичного действия: «Я повторил то, что сказал или хотел сказать X»: *Кормить ее надо уметь, свинью-то. Одни сдуру начинают ее напичкивать осенью - получается одно сало, мяса совсем нет. Другие наоборот - маринуют: дескать [S₁, S₄], мясистее будет. Одно сало-то не все любят (В. Шукшин); Просто твои родители не хотят, чтобы ты знал, во что им обходится твоя одаренность. А то дети ведь разные бывают, некоторые, услышав, что у родителей нет денег на новые джинсы или модные кроссовки, вполне могут заявить: мол [S₁, S₄], я лучше не буду заниматься музыкой, а вы на эти деньги купите мне... Твои родители - люди мудрые и предусмотрительные, они берегут твой талант от твоих подростковых ошибок и глупостей (А. Маринина). При*

этом характерной особенностью является то, что зона S_1 никогда, ни при каких условиях не может быть приравнена к S_4 : *Один артист купил себе шубу и якобы* [$S_1 \neq S_4$] *сотворил добро той старушке, которая, нуждаясь, продавала эту шубу (Д. Хармс); В санатории совершено убийство, по которому наиболее интенсивно допрашиваются сама Каменская и ее любовник Исмаилов. Якобы* [$S_1 \neq S_4$] *они были последними, кто видел убитого перед смертью (А. Маринина).* Это обусловлено тем, что говорящий высказывает свое мнение на «чужую» точку зрения, касательно рассматриваемого факта – это можно расценивать как вторичную модальность высказывания. Субъект речи отстраняется от категоричности, ссылаясь на мнение третьего лица.

Также данные модальные частицы активизируют субъектную зону S_3 – субъект-авторизатор, при этом S_3 приравнивается как к субъектной сфере S_1 , так и к S_4 : [$S_3 = S_1$ и $S_3 = S_4$, но $S_1 \neq S_4$] - *И само собой Двориков очень хотел опубликовать мои повести, я сказал нет, тогда он попросил их якобы* [$S_3 = S_1$ и $S_3 = S_4$, но $S_1 \neq S_4$] *просто почитать (В. Маканин); А Алина взвилась. Нет, и все, категорически! Дескать* [$S_3 = S_1$ и $S_3 = S_4$, но $S_1 \neq S_4$], *там, где речь идет об искусстве и большом успехе, не должно быть места никчемной жалости (А. Маринина).*

Высказывания с эвиденциально-предположительными частицам отчасти синонимичны конструкциям типа – *Говорят, что...: Говорят, что в Москве в турагенстве выдавались загранпаспорта и визы для чеченских боевиков (г.т.); Говорят, что кто больше десяти раз бывает шафером, тот не женится; я хотел десятый быть, чтобы застраховать себя, но место было занято, - говорил граф Синявин хорошенькой княжне Чарской, которая имела на него виды (Л. Толстой); Ты, говорят, эти дни ужасно волочился за моей княжной? - сказал он довольно небрежно и не глядя на меня (М. Лермонтов); Что-то будет. Что-то должно случиться. Говорят, наступит глад и мор, По сту раз*

на лету будет склевывать птица Желудочное свое серебро (С. Есенин). Только, если конструкции с данными частицами так или иначе указывают на субъекта первичного действия, то для высказываний подобного типа характерен признак обобщенности: говорящий не владеет полной информацией о том кто именно высказал такое мнение: так говорят все. Субъектная перспектива таких высказываний отличается от субъектной перспективы высказываний с эвиденциально-предположительными частицами. Здесь также выделяется три субъектных зоны – S_1 , S_3 , S_4 . Однако их взаимоотношения имеют другой характер. Зона S_4 не может быть приравнена к зоне S_1 [$S_4 \neq S_1$], а зона $S_1 = S_3$, при этом $S_4 \neq S_3$. Неравенство $S_4 \neq S_3$ обусловлено тем, что говорящий отстраняется от первичного действия: *Говорят* [$S_4 \neq S_1$], [$S_1=S_3$], но [$S_4 \neq S_3$], *если часто думать о какой-то беде и бояться ее, то она обязательно случится, потому что злая мысль материальна* (А. Маринина); *Говорят* [$S_4 \neq S_1$], [$S_1=S_3$], но [$S_4 \neq S_3$], *что если природа награждает человека талантом, то это проявляется, как правило, в разных областях* (А. Маринина); *А правда, что Власьева меньшая выходит за Топова?* - Да, *говорят* [$S_4 \neq S_1$], [$S_1=S_3$], но [$S_4 \neq S_3$], *что это совсем решено.* - Я удивляюсь родителям. *Говорят* [$S_4 \neq S_1$], [$S_1=S_3$], но [$S_4 \neq S_3$], *это брак по страсти* (Л. Толстой); *Разбуди меня завтра рано, Засвети в нашей горнице свет.* *Говорят* [$S_4 \neq S_1$], [$S_1=S_3$], но [$S_4 \neq S_3$], *что я скоро стану Знаменитый русский поэт* (С. Есенин). Получается, что в подобного рода высказываниях [$S_4 \neq S_1$], [$S_1=S_3$], но [$S_4 \neq S_3$].

Следовательно, высказывания с подобного рода модальными частицами выражают предположение, осложненное эвиденциальностью: *Арест по подозрению в участии в заговоре якобы руководимой В. Н. Таганцевым Петроградской боевой организации* (И. Панкеева); *И веер подаст, и моську погладит, и чепчик расхвалит: с каким, дескать, вкусом кружевца подобраны, очень, очень к лицу!* (Т. Толстая); *И он с*

подчеркнутой чуткостью ведет ноздрями. **Якобы** что-то важное он сейчас унюхает в моем волнении (В. Маканин); Зыков засмеялся. **Мол**, не волнуйся; сейчас уйду (В. Маканин).

Сопоставительно-предположительные: *То ли..., не то...*

Мотивированность использования говорящим сопоставительно-предположительных частиц состоит в том, что субъект речи представляет несколько примеров развития репрезентированной в высказывании ситуации: *Дориан скакал с одной ноги на другую - **то ли** развлекался, как умел, а может, грелся подобным образом. Увидев меня, перестал скакать, встал на обе ноги (В. Токарева); - Женись, маяться перестанешь. Не до этого будет. - Нет, тоже не то. Я должен сгорать от любви. А где тут сгоришь!.. Не понимаю; **то ли** я один такой дурак, **то ли** все так, но помалкивают... (В. Шукшин); На полу разложены рисунки - один к другому. **То ли** он сушит их подобным образом, а может, ему удобнее с высоты двухметрового своего роста глядеть на дело рук своих (В. Токарева); Петька поднял голову, посмотрел на Марью - **то ли** не понял, что она сказала, **то ли** не придал значения ее словам (В. Шукшин). Вероятность осуществления одного из вариантов в действительности достаточно высокая. Именно таким образом говорящий предоставляет путь его мыслительной операции: из множества возможных миров он выбирает наиболее вероятные: *Василий Петрович **не то** снился, **не то** действительно поместился в моей комнате, причем ужас заключался в том, что он наливал коньяк себе, а пил его я (М. Булгаков); Но - **то ли** сани очень уж медленно волоклись, **то ли** малость сегодняшних дел и каких-то глупых стычек - радость и удовлетворение почему-то оставили Солодовникова (В. Шукшин); Девушка не понимала: **то ли** ей жаль**

старика, **то ли** она больше удивлена его странным спокойствием и умиротворенностью (В. Шукшин); Зашел попроведать,- заговорил тот, глядя раскосыми глазами **не то** на больного, **не то** мимо.- Как делишки, Ефим? (В. Шукшин); Есть где-то, **не то** в Швейцарии на границе, **не то** не в Швейцарии, словом, в Альпах... - Бомбардов потер лоб, - словом, неважно. На высоте трех тысяч метров над уровнем моря высокогорная лечебница мировой знаменитости профессора Кли (М. Булгаков).

По поводу данных частиц в лингвистической литературе существуют противоречивые мнения: с одной стороны, что это – частицы или разделительные союзы [Русская грамматика 1980, Нагорный 2000], с другой стороны, если это союзный компонент, то влияет ли именно он на семантику высказывания.

Так, авторы «Русской грамматики 1980» утверждают, что смысл «предположение» формируется в сложноподчиненных предложениях, содержащих повторяющиеся разделительные союзы: в предложениях «с союзами *то ли – то ли, не то – не то* осложнено значением предположительности» [Русская грамматика 1980, Т.2:628]: *Явились даже несколько человек, с которыми Никитин вместе отдыхал в пионерском лагере в Ватутинках - не то в первую, не то во вторую смену (В. Токарева).* Сходные признаки обнаруживают построения с повторяющимися разделительным союзом *или*: *Он - или боялся худого ответа, или так изождался этого момента и так хотел знать хоть что-нибудь - он побледнел (В. Шукшин);* В семантике союза *или* заключено значение «незнание» и значение выбора, которые являются важными компонентами смысла «предположение»: *Поостынешь маленько, поймешь: не было ба добрых людей, жись ба давно остановилась. Сожрали бы друг друга или перерезались (В. Шукшин).* «Или» вносит информацию не только о том, что из двух версий одна имеет место в действительности, но и одновременно и о том, что говорящий не

знает, какая именно» [Ляпон 1986:90]. Так, например, в высказываниях: *Говорю тебе, баба задумывается, на отлете она. Ежели женщина задумывается, это означает только одно из двух, - или она с мужем разводится, или из СЕСЕРЕ лататы хочет дать* (М. Булгаков); *Прокушев - человек ревнивый до безобразия. Если что - он ее или выгонит, или убьет и сядет в тюрьму.* (В. Токарева) говорящий предлагает выбор «или А, или В». Для него именно такая позиция актуальна на данный момент речи. Говорящий может владеть информацией, но определенные внешние условия не позволяют квалифицировать событие как достоверное: [*За полночь на улице, около избушки, зашумели*]. *Послышались голоса двух или трех мужчин* (В. Шукшин).

В «Русской грамматике - 80» для них предложен термин «разделительно-предположительные» предложения, так как «отношения частей представлены здесь как сопоставление двух версий, из которых истинна одна, а другая тем самым исключается» [Русская грамматика 1980, Т. 2:627]: *Было непонятно - **то ли** она хотела на меня нападать, **то ли** от меня защищаться* (В. Токарева); *Кошка сидела под деревом, ждала его и не шевелилась: **то ли** уснула, **то ли** приготовилась ждать долго и задумалась о своем* (В. Токарева); *Соседка справа была деликатная старушка, похожая на засушенного кузнечика. **Говорили**, что в прошлом это была важная персона, **не то** знаменитая балерина, **не то** жена какого-то крупного мыслителя. **А может быть**, и то, и другое. **И балерина, и жена*** (В. Токарева).

Таким образом, анализ языкового материала показал, что большое количество модальных частиц может выражать смысл «предположение». На наш взгляд, это обусловлено собственно природой модальных частиц,

большая часть которых возникла путем перехода из одних частей речи в частицы. «В этих словах лексическое значение совпадает с содержанием их грамматических, логических или экспрессивно-стилистических функций, семантический объем их очень широк, и их лексико-грамматическое значение очень подвижно, находясь во власти синтаксического употребления» [Виноградов 1975:499].

2.2.3 Модальные слова со значением недостоверности сообщаемого

Говорящий представляет содержание высказывания как соответствующее/несоответствующее реальному положению дел, что зависит от оценки субъектом речи полноты своих знаний. В этом заключается модальная семантика компонентов, с одной стороны, и заявление своего авторства – с другой. Иными словами, вводно-модальные компоненты определяют способы квалификации действительности, выражают сферу мнения говорящего относительно сообщаемого, «означают наклон речи к действительности, обусловленный точкой зрения говорящего» [Никитин 1949:106].

Явление вводности интерпретируется в лингвистике как обособление «Я» от внешней ситуации, «размежевание двух зон в рамках высказывания: зоны фактов и концептуальной зоны (зоны точки зрения)» [Ляпон 1986:29].

На базе сложноподчиненного предложения с условным придаточным формируется простое предложение, осложненное вводным компонентом с тем же значением. Предложение, осложненное вводным словом, является результатом свертывания сложноподчиненного

придаточного с придаточным условия. Ср.: *Если предположить, что...*
= *Предположим, что....*

Употребление в высказываниях, выражающих смысл «предположение», вводно-модальных компонентов с субъективно-модальным значением обусловлено определенной коммуникативной установкой говорящего. Такие квалификаторы указывают на то, что субъект речи не уверен в истинности сообщения о событиях, явлениях, признаках и выступает как своеобразный посредник между действительностью и адресатом речи, представляя свою точку зрения на содержание информации. *Ее, видимо, больше всего мучила мысль, как это он, ничем не замечательный, мог изменить такой женщине, как такая, как она, и как его любила! (В. Гроссман); До утра перед разлукой Свадьба снилась мне твоя. Паперть... Сон, должно быть, в руку: Ты – невеста. Нищий – я (К. Симонов) В Москву не вернусь, пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг...(И. Бунин).* Использование вводных слов позволяет говорящему разнообразить ритм своего высказывания и изменять функциональную перспективу частей речевого произведения в зависимости от функциональной перспективы всего текста и его содержания - намерения. Кроме того, "синтаксическая подвижность" вводных слов и словосочетаний (т.е. их способность занимать практически любое место в высказывании, вторгаться даже в самые тесные виды синтаксической связи и таким образом модифицировать в плане модальности любую часть этого высказывания) способствует оптимальной организации текста с точки зрения передачи его содержания - намерения.

Вводные компоненты выражают мнения говорящего, его оценки, его отношение к действительности, “вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания” [Виноградов 1975:70-71].

Если “наличие в высказывании вводного компонента представляет прямое указание на то, что говорящий “видит” перед собой адресата” [Лекант 1998:5], то, очевидно, и адресат “видит” говорящего и может интерпретировать его мотивы, интенции, способ мышления, ценностные установки, видение мира.

Смысловое наполнение модальных слов зависит от различных составляющих, основное место среди которых занимают лексическая и семантическая наполненность данных слов, а также их синтаксическая сочетаемость в пределах одного предложения-высказывания.

Вводные слова и словосочетания, благодаря их синтаксической подвижности, способны модифицировать в плане модальности любую часть высказывания, выделяя из общего модального фона речевой ситуации. Вводно-модальное слово способно примыкать к различным членам семантической структуры, как пропозиционально значимым, так и не значимым для пропозиции как таковой. Положение по отношению к компонентам пропозиции обуславливают смысл, который вносится в высказывание.

Вводно-модальный компонент, примыкая к предикату высказывания, влияет на характер пропозиции в целом – событийная пропозиция либо приобретает характерные признаки логической, либо, а это чаще всего, переходит в логический тип: *Я, не хуже вашего, все на старых лошадях езжу, - сказала она вызывающе, намекая, очевидно, на двадцатилетнюю Парашу, которая на деревне считалась уже старой девкой (И. Бунин)*. Это обусловлено тем, что говорящий пропускает актуализированный фрагмент ситуации «через себя», выводя на центральное место субъективно-авторский взгляд: *Считал ли он при этом своим домом Петербург или какое-нибудь другое место, оставалось неясным. Может быть, он вообразил, что в Москве откроются политические салоны, как в Париже перед конвентом у мадам Ролан*

(Б.Пастернак). Это подтверждается и открытостью субъектной сферы S_4 (во взаимодействии с S_3 , S_5 : нередко $S_4=S_3$).

Так, в подобного рода высказываниях (с вводно-модальными словами), модальный компонент, примыкая непосредственно к предикату событийной пропозиции, влияет на ее тип - в пропозицию вносятся характерные признаки логической пропозиции –*Может быть* [S_4], *тут сказывается та большая совестливость нашего народа, его неподдельное чувство прекрасного, которые не позволили забыть древнюю простую красоту храма, душевную песню, икону, Есенина, милого Ваньку-дурачка из сказки...* (В.Шукиин). Субъектная зона S_4 воздействует на субъектную зону S_5 , такое воздействие однонаправлено: ответной реакции коммуниканта может и не быть - *Не думай о секундах свысока. Наступит время – сам поймешь, **наверное**: свистят они, как пули у виска, - мгновения, мгновения, мгновения...* (Р.Рождественский) [$S_4 \rightarrow S_5$].

Модальное слово, примыкая к актантному или сирконстантному окружению пропозиции, отражает стремление говорящего выяснить отдельный факт ситуации - *В общем, выглядело так, будто Бежецкая являлась посредницей, передаточным звеном, живым почтовым ящиком, в обязанности которого входило регистрировать поступающие сведения и переправлять их дальше - **очевидно**, мистеру Николасу Кроогу в Петербург (Б. Акунин) или предоставить свою возможность решения ситуации - **Может**, снова к счастью доберешься, **Может**, снова будет смерть и горе, **Может**, и меня переживешь ты, Поговорки злой не переспоря (К. Симонов). Так модальное слово, выражающее предположение, присоединяясь к тому или иному элементу пропозиции, может уточнять:*

- локус действия: *Тогда где он взял кольцо? - Купил. - У кого? - Ну я не знаю. В магазине, **наверное** (А. Маринина); Эйзенгартия*

существовала не менее шестидесяти миллионов лет назад, сейчас это кустарник, широко распространенный на юге Соединенных Штатов и не обладающий никакими чудесными свойствами - **очевидно**, выродившийся в неблагоприятных условиях жизни (И. Ефремов);

- время: Письмо, которое он послал вчера вечером, вероятно, сегодня не дошло еще (Л. Толстой); **Но, может быть**, если умрут люди, иные существа, которые останутся вместо них на земле, потом будут приходить, и прилетать, и смотреть на Мадонну (В. Тендряков);

- причину: Вы, **наверное**, привыкли к тому, что с такой красивой девушкой, как вы, никаких неприятностей не случается, потому что никто не может перед вами устоять (А.Маринина); Вы, насколько я понимаю вас, **вероятно**, незнакомы с сущностью дела (А. Чехов);

- цель: На меня напало раздумье; Наташа не только могла, не зная, в чем дело, рассердиться на меня за то, что я не приходил к ней сегодня, но даже, думал я, **наверно** будет огорчена моим невниманием именно в такое время, когда, **может быть**, я ей наиболее нужен. (Ф. Достоевский).

Один модальный компонент (=слово), используемое для выражения предположение, в разных контекстах, при разной семантической и синтаксической сочетаемости может вносить отдельные смысловые коррективы во все высказывание. В качестве примера приведем два высказывания, репрезентирующих предположение, основным средством выражения которого и в том и в другом случае является модальное слово **очевидно**:

(1) *Глядя на башни Сан-Джиамино, я невольно вспомнил башни Сванетии. Эта маленькая горная страна лежала когда-то на пути крестоносцев — отсюда, **очевидно**, и общность форм* (В.Некрасов);

(2) *Мог ли Лессинг, заставляя своего Фауста выбирать из семи бесов самого «скоростного», думать, что примерно через 150 лет*

скорость станет идолом человечества. Очевидно, она всегда ею и была (см. миф о Фаусте, его постоянные полёты и мгновенные возвращения) (А. Ахматова).

В первом примере (1) вводно-модальный компонент *очевидно* указывает на то, что говорящий не обладает точным, абсолютным знанием, высказывается **предположение, возникшее на основе чувственного восприятия видения объективного мира**, допускающее возможность существования и другого, более доказуемого варианта. Модальное слово, примыкая к актанту событийной пропозиции, вносит признаки логической. Произведем замену модального слова другими: *Эта маленькая горная страна лежала когда-то на пути крестоносцев – отсюда, вероятно/ наверное/ должно быть/ быть может/ по-видимому/ видимо, и общность форм.* Подобная субституция позволяет выявить нюансы, вносимые модальным словом в смысл высказывания. Однако основной признак, характеризующий предположение (предположение, возникшее на основе чувственного восприятия видения объективного мира), остается неизменным. Это объясняется воздействием модального компонента на значимые элементы пропозицию.

Во втором (2) высказывании у говорящего нет точных знаний относительно истинности пропозиционального содержания (*она всегда ею и была*), однако есть определенные основания полагать, что это «положение дел» истинно. Эти основания в данном случае эксплицированы во вставной конструкции как дополнительная, поясняющая информация: *см. миф о Фаусте, его постоянные полёты и мгновенные возвращения.* Говорящий вводит свою точку зрения как **уверенное предположение**, обосновывая такой выбор тем, что он уверен в правильности своего мнения, но оставляет место для других вариантов, для других мнений, не настаивая на своем как на единственно возможном.

Следовательно, выбор тех или иных средств выражения смысловых оттенков предположения определяется в каждом конкретном случае содержанием — намерением речевого произведения, стремлением говорящего (пишущего) к оптимальному выражению своей мысли и зависит от закономерностей построения текста.

Вводно-модальные компоненты могут употребляться для выражения таких смысловых разновидностей предположения как:

- **обоснованное предположение:** *Похоже, что ей ничто не нужно: ни цветы, ни книги, ни обеды, ни театры, ни ужины за городом, хотя все-таки цветы были у нее любимые и нелюбимые, все книги, какие я ей привозил, она всегда прочитывала, шоколаду съедала за день целую коробку, за обедами и ужинами ела не меньше меня (И. Бунин).* Говорящий частично владеет информацией об описываемой ситуации. Именно недостаточная информативность субъекта речи позволяет представить рассматриваемый отрезок события в качестве предположения: *Никто тебя ни в чем не обвиняет, но поскольку ты дружила с Сашей и виделась с ним почти каждый день, то, **может быть**, ты знаешь, куда он девал эти деньги. **Может быть**, он купил подарок, например, тебе или еще кому-нибудь. **Может**, потерял или проиграл в моментальную лотерею (А.Маринина).*

Событийная пропозиция под влиянием модального компонента приобретает характерные черты логической, отражая при этом объективную действительность сквозь призму самого субъекта речи: *Перед вами заходил сюда поэт Брюсов с какой-то худенькой, маленькой девицей, похожей на бедную курсисточку, что-то четко, резко и гневно выкрикивал своим картавым, в нос лающим голосом метрдотелю, подбежавшему к нему, **видимо**, с извинениями за отсутствие свободных мест, - место, **должно быть**, было заказано по телефону, но не оставлено, - потом надменно удалился (И. Бунин);*

- **необоснованное предположение:** *А если это так, то... возможно я встретился с примером памяти поколений, сохранившейся и выступившей из веков именно в этом человеке (И. Ефремов). У говорящего нет объективных данных об рассматриваемой информации, но требуется отражение своей позиции для расширения объема информативного знания: Я трепещу, и сердце сильно бьется, И, **может быть**, читатели, как знать? И ваша кровь с стремленьем страсти льется (А.С. Пушкин). Известные факты являются недостаточными, чтобы восстановить информационную лауну, возникшую в результате отсутствия полного пресуппозитивного содержания (пресуппозиция имеет частичное выражение). За счет включения говорящим модальных слов в высказывание смысловое поле расширяет свои границы, субъект речи отдает предпочтение необоснованному предположению, так как это важно для построения процесса коммуникации, а точнее – для восстановления полного пресуппозитивного уровня нередко за счет ответной реакции собеседника: Глупо, - пожал плечами Коротков, - можно было что-то другое придумать, чтобы людей не убивать и в тюрьму не садиться. - **Наверное**, - согласилась Настя, - но что толку сейчас это обсуждать? (А. Маринина). Необоснованное предположение, выраженное вводно-модальными компонентами, может отражать процесс внутренней речи говорящего-автора: Мы теперь уходим понемногу В ту страну, где тишь и благодать. **Может быть**, и скоро мне в дорогу Бренныe пожитки собирать (С. Есенин); И когда с другим по переулку Ты пройдешь, болтая про любовь, **Может быть**, я выйду на прогулку, И с тобою встретимся мы вновь (С. Есенин); Человек просто талантливый – этот совершенно точно отразит свое время, **быть может**, сам того не поймет, не откроет глаза мыслящим и умным (В. Шукшин);*

- **предположение, возникшее на основе чувственного восприятия мира:** *Может быть, лучше никого не любить, ослепнуть, оглохнуть, убить в себе память?* (А. Тарковский). Такое предположение может носить как обоснованный, так и необоснованный характер; особенностью является то, что в основном это «сиюминутное» предположение, основанное на эмоциях, чувствах субъекта речи: *Вероятно, под влиянием искренности моего восхищения красотой Алтая Чоросов стал приветливее; его немногословные рассказы о некоторых особенно замечательных местах Алтая ясно запомнились мне - так остра была его наблюдательность* (И. Ефремов). При этом, модальное слово, примыкая к предикату мыслительной операции или чувственного состояния, влияет на смысловое поле предположение: *Затем она удобно уселась на диване, собираясь, видимо, уходить не скоро* (И. Бунин). Так как такой вид предположения чаще всего основан на чувственном знании: *Видно, так заведено навеки - К тридцати годам перебежась, Все сильней, прожженные калеки, С жизнью мы удерживаем связь* (С. Есенин), а не на объективном положении дел в действительности и это «сиюминутная» психологическая реакция на внешние раздражители, то такое предположение может отражать не только факты действительности, но и состояние субъекта: *Если б я не был обижен, Я, может быть, и не сказал, Но теперь я отчетливо вижу, Что он плюнул мне прямо в глаза* (С. Есенин); *Видно, навек осужден я влачить Эти судьбы приговоры, Горькие слезы безропотно лить, Ими томить свои взоры* (С. Есенин).

- **уверенное предположение:** *Нелли взглянула на меня и ничего не отвечала. Она, очевидно, знала, с кем ушла ее мамаша и кто, вероятно, был и ее отец...* (Ф. Достоевский). У говорящего есть все основания квалифицировать ситуацию как истинную (достоверность таких высказываний стоит рассматривать только с авторских позиций), однако он не оставляет место для других вариантов возможных миров не

настаивая на своем как на единственно возможном: *Она, наверно, по-прежнему пьет утром кофе с печеньем и, стянув ремешком книжки, обернутые в синюю бумагу, ходит учиться (А. Фадеев); Как подумал я - так и сделал, Но увы! Все одно и то ж! Видно, слишком привыкло тело Ощущать эту стужу и дрожь (С. Есенин).*

Модальное слово, примыкая ко всей пропозиции в целом, отдает часть значения компонентам пропозиции: *Тогда один маленький, очень молодой на вид, но очень ядовитый господин стал говорить, что губернскому предводителю, вероятно, было бы приятно дать отчет в суммах и что излишняя деликатность членов комиссии лишает его этого нравственного удовлетворения (Л. Толстой).* При этом уравниваются семантические колебания объективного и субъективного – предположение приобретает вид уверенного предположения. Например, в предложениях-высказываниях типа: *Я, кажется, тебе писал, Что под бомбежкой, свыкшись с нею, Теперь лежу там, где упал, И вверх лицом, чтобы виднее (К. Симонов); В конце концов ее самоуверенность стала его раздражать, она, видимо, убеждена, что он счастлив, живя с ней (В. Гроссман).*

Степень же уверенности зависит от таких составляющих как:

- степени владения говорящим информацией об объективной действительности;
- внутреннего, психологического состояния субъекта речи на момент кодирования мысли.

При этом варьирование субъектных зон может быть разнообразным, однако центральное место отводится зоне S_4 , имеющей открытый выход в другие субъектные сферы. Так, при выражении уверенного смысла «предположение» могут актуализироваться зоны:

- S_3 (субъект-авторизатор): *Ее [S₃], видимо [S₄], больше всего мучила мысль, как это он, ничем не замечательный, мог изменить такой*

женщине, как такая, как она, и как его любила! (В. Гроссман). Субъект-говорящий выражает уверенность в возможности именно такого подхода на «чужой» возможный мир.

– S₅ (субъект-слушающий): *А уж когда они попадают наконец на стол в качестве материала, тут тебе надо, **наверно**, укрепиться мужеством и изгонять все, что отвлекло бы внимание читателя от их сущности* (В. Шукшин).

При этом каждая из смысловых разновидностей осложняется оттенками сомнения, кажимости, опасения, сравнения, допущения, внося свои нюансы, актуальные для говорящего на момент речи.

Так, например, уверенное предположение, осложненное

– сомнением: ***И может быть**, пройду я мимо И не замечу в тайный час, Что в елях - крылья херувима, А под пеньком - голодный Спас* (С. Есенин);

– оттенком кажимости: *Но ни шайтан, ни вор, ни зверь лесной Смиренного не тронут пилигрима, И в ночь его, **должно быть** от луны, Слетают удивительные сны* (Н.Гумилев); *Я, с трудом спускаясь, пробирался по крутизне, и вот вижу: слепой приостановился, потом повернул низом направо; он шел так близко от воды, что казалось, сейчас волна его схватит и унесет, но **видно**, это была не первая его прогулка, судя по уверенности, с которой он ступал с камня на камень и избегал рытвин* (М. Лермонтов);

– допущения: *Дамы на водах еще верят нападениям черкесов среди белого дня; **вероятно**, поэтому Грушницкий сверх солдатской шинели повесил шашку и пару пистолетов* (М. Лермонтов); *Но многие, **вероятно**, остались в твердом убеждении, что **если б** гарнизон показал более храбрости и поспешности, **то** по крайней мере десятка два хищников остались бы на месте* (М. Лермонтов).

Таким образом, модальные слова со значением недостоверности сообщаемого являются одним из основных средств, выражающих предположение в рамках предложения-высказывания. Исследование данного средства показало, что смысл «предположение» редко представлен в чистом неосложненном виде. Осложнения образуются за счет сложной семантической природы модальных слов, вбирающих разного рода коннотативные наслоения (сомнение, допущение и др.).

2.2.4 Основные функции ядерных языковых средств выражения смысла «предположение» (аналитический материал)

Исходя из того положения, что слово в языке многофункционально [Арутюнова 1999; Бондарко 1984; Гак 1998; Золотова 1973; Маркелова 1995; Мещанинов 1945; Нагорный 2000; Слюсарева 1984; Теория функциональной грамматики 1990, 1992]), (под функцией мы будем понимать «обязанность, круг деятельности, роль» [ФЭС 2001:498] языкового элемента в высказывании), попытаемся систематизировать комплекс основных функций, которые выполняют ядерные средства выражения смысла «предположение» в высказывании.

Так, **логическая функция** отражает взаимосвязь между рассматриваемыми явлениями и действительностью, «между предметом и предикатом в суждении, посылками и выводом в умозаключении» [Нагорный 2000:67], которая устанавливается именно говорящим.

Суть **сигнитивной функции** заключается в том, что элемент языковой системы (знак) является показателем части внеязыковой ситуации, в частности, предположения, то есть является своеобразным символом, отражающим реальное положение дел в действительности.

Вычленение **диктумных** и **модусных функций** позволяет представить коммуникативную перспективу высказывания, выделяя объективную и субъективную части.

Языковые средства	Функции			
	логическая	сигнитивная	диктумная	модусная
Лексемы с соответствующим значением	Квалифицируют связь как вероятно-предположительную	Знак логической мыслительной операции	Отражение фрагмента действительности	Предположение обоснованного характера (стремление к избыточному)
Модальные компоненты	-/-/-	-/-/-	-/-/-	Степень достоверности варьируется (обоснованное-необоснованное)
Модальные частицы со значением недостоверности	-/-/-	-/-/-	-/-/-	-/-/-;

Таким образом, рассмотренные языковые средства, являются не только показателями семантической категории «предположение», но и элементами, позволяющими представить внеязыковую реальность в языке, отобразить отношение говорящего к действительности.

2.3. Периферийные средства выражения смысла «предположение»

Данные языковые средства выражения смысла «предположение» характеризуются имплицитной семантикой. Это основание позволило нам выделить их в периферийную зону ФСП «предположение». Однако необходимо заметить, что данное деление условно, т.к. четкой грани между ядерными и периферийными элементами ФСП установить сложно [Бондарко 1978, Стексова 2002].

2.3.1 Вопросительные конструкции, выражающие смысл «предположение»

Вопрос как логико-философская и психологическая категория и вопросительное предложение - речевая и языковая единица реализации вопроса, представляет собой две стороны (содержательную и

формальную) сложного, а потому весьма популярного научного феномена, постоянно находящегося в центре внимания лингвистов. Однако проблема вопросительных предложений и выражаемых им вопросов по-прежнему далека от окончательного решения.

По этому вопросу в логической и лингвистической литературе высказываются довольно противоречивые мнения [Галкина-Федорук 1956, Человеческий фактор 1992]. В частности, ставится под сомнение способность вопросительных предложений выражать суждение « в них ничего не утверждается и не отрицается, и они не истинны и не ложны» [Ивлев 1992]. Это действительно так, но нельзя игнорировать и тот факт, что некоторые из предложений приписываются к вопросительным исключительно по формальным критериям, в содержательном же плане – это нарративные конструкции, где обозначена связь между предметом и предикатом суждения.

«В вопросительных суждениях нет ни истинного, ни ложного. Истина в них только еще ищется говорящим, для ее утверждения или отрицания. Всякий вопрос стремится устранить неопределенность предиката» [Галкина-Федорук 1956:64].

Например, *Взять хоть письма мои – Я всегда их боялся до смерти. Разве можно не жечь, разве можно держать их в руках? (К.Симонов); Может, именно потому, что все видели - каким был трусливым и жалким претендент на престол? (А.Черкасов); Я знаю, какой он, - нерешительно сказала Марина, - а может, все наладится, Софочка? (Д.Гранин).*

Другими словами, можно выделить **предположительный вопрос**, под которым понимается такая вопросительная структура, которая содержит положение, временно принимаемое за возможно истинное и подвергаемое вопросу с целью установить истину.

*А если цель, поставленная Любичевым, недостижима, в принципе недостижима? (Д. Гранин); **Может**, у вас есть враги? **Может**, вам мстят или угрожают таким образом? (П. Дашкова); Неужели когда-нибудь люди будут с трудом вспоминать, в каком веке все это было? (Д.Гранин); **А может быть**, вторжение вечной смерти все же легче, чем вечная скука? (В. Гроссман); Что, государь-царь, **аль** сказание не полюбилось? (А. Алтаев); А зачем тебе это? **Или** познакомиться хочешь? (В.Пикуль); Ведь не надеется же он потом с нашей Национальной гвардией освободить свою Польшу? **Или ты, может быть**, обещал ему это, Верморель? (Д. Гранин).*

Не вызывает сомнения тот факт, что вопрос допускает различные формальные вариации – от прямого вопроса, в котором суждение, естественно, не может быть выражено, до вопроса повествовательного, который является вопросом лишь по интонации, семантически же примыкает к нарративным предложениям [].

***Может быть**, Трои не было? **Может** она рождена фантазией Гомера? (Д. Гранин)*

Данная конструкция содержит в своей семантике авторское предположение (*может быть*), следовательно, «намечено» суждение. Точка зрения говорящего, выражаемая при помощи модального средства, является квалификацией вероятности осуществления отношений между предметом и предикатом суждения. Модальное сочетание – «попытка» говорящего к разрешению дилеммы «истина – ложь».

Следует отметить, что в формально грамматическом отношении данное интеррогативное предложение является идентичным повествовательному предложению, отличаясь только по интонации. Трансформируем данное предложение в повествовательное: *Может быть, Трои не было? – Может быть, Трои не было.*

Метод трансформации позволяет предположить, что в данном предложении выражено логическое суждение. Это сообщение, представленное в форме предположения. В такого рода конструкциях подвергается вопросу истинность самостоятельно найденного говорящим ответа.

Вопросительно-повествовательные предложения, заключающие в себе «предположение», выражают суждение. И значит, правомерно фиксировать их положение между полюсами утверждения/отрицания.

Другим вариантом использования интеррогатива в качестве формы выражения суждения являются вопросительно-риторические предложения. Например, *А если цель, поставленная Любичевым, недостижима, в принципе недостижима? (Д. Гранин); Разве нужно ему отдавать было душу и тело, Чтобы письма такие на пятом году получать? (К. Симонов);*

Формально предложение типа – *Значит, жизнь, потраченная Шлиманом на поиск, уйдет впустую?* – интеррогативное. В содержательном же плане данное предложение примыкает к «нарративным». Основанием для такого утверждения служит возможность фиксации высказывания на, так называемой, шкале степеней достоверности. Семантическое поле данного предложения смещено в сторону смыслового полюса утверждения. На лексико-грамматическом уровне это достигается введением модального слова «значит». В микрополе выводного знания вероятность события оценивается как высокая.

Нужно отметить, что помимо лингвистических факторов, влияющих на создание вопросительных конструкций, выделяются и экстралингвистические, в частности, - ситуативная обусловленность, наличие информационного пробела в пресуппозиционных знаниях

говорящего, возможность получения ответа на возникший вопрос на основе имеющихся пресуппозиций общего характера.

2.3.2 Конструкции с условно-гипотетическим значением, выражающие смысл «предположение»

Мыслимые действия, выражаемые сослагательным наклонением, противопоставлены реальным действиям: *А жаль, что не знаком ты с нашим петухом: еще б ты боле наострился, когда бы у него немного поучился (И. Крылов)*. Поэтому при употреблении сослагательного наклонения косвенным образом (противоположно) обозначается та или иная реальная ситуация. Ср., *Кабы я была царица, - третья молвила сестрица, - я б для батюшки-царя родила богатыря (А.Пушкин) = [я – царица, и для батюшки-царя родила богатыря]*.

Данное значение обычно относится к будущему временному плану: *Как было бы славно, если бы фильм, книга или спектакль одновременно решали ту или иную проблему. Тогда составили бы реестр проблем, раздали бы его писателям, режиссерам, артистам и в намеченный срок покончили бы со всеми отклонениями от человеческой нормы, от нашей морали... (В. Шукшин)*. Допущение возможности действия относится к плану будущего времени. Однако будущее время рассматривается не в момент коммуникативного акта, а с точки актуализированного события: *Не догляди сторож, так ведь поезд мог бы сойти с рельсов, людей бы убило! Ты людей убил бы! (А.Чехов)*. Возможность реализации того или иного события в действительности расценивается как проблематическая (маловероятная): *Вот если бы я была певица и пела на эстраде, - сказала она, глядя на мое растерянное лицо, - я бы отвечала на аплодисменты приветливой улыбкой и легкими поклонами вправо и влево, вверх и в партер, а сама бы незаметно, но заботливо отстраняла ногой шлейф,*

чтобы не наступить на него (И.Бунин). Предположение в подобного рода высказываниях приобретает характер допущения (предположение-допущение) того или иного развития ситуации.

2.3.3 Конструкции, служащие для выражения имплицитного смысла «предположение»

2.3.3.1 Конструкции с модальным глаголом ДОЛЖЕН (А) + Infinitiv личного глагола

Данный способ выражения смысла «предположение» в выборке языковых средств, на наш взгляд, является наиболее интересным в плане разграничения смыслового наложения. Глагол ДОЛЖЕН по своей природе – глагол долженствования с оттенком обязательности. *Мы должны преодолеть этот путь; Я должен выучить правило и т.д.* Однако при определенных условиях данная конструкция (ДОЛЖЕН+Inf) носит оттенок предположительности. Ср., например, - *Ты видела его?*

Должен сегодня вечером подойти ко мне. Только если на работе раньше освободится (П. Дашкова). Есть условие – *только если на работе раньше освободится*. Выводное знание – *Должен сегодня вечером подойти ко мне* – не может быть расценено как истинное, так как вероятность того, что условие будет выполнено – относительная. Высказывание носит характер имплицитного предположения, которое выявляется только при вычленении пресуппозиционного уровня, так как языковая межличностная коммуникация подразумевает взаимозависимость действий партнеров в рамках совместной деятельности.

Предположение, выраженное подобного рода конструкцией, квалифицируется как необоснованное: *Его неожиданный звонок в ночи и*

*это неожиданное путешествие она восприняла как талантливое начало мужского интереса; а там, где есть начало, должно быть продолжение, и если следовать по данной логической схеме, то через несколько минут Он **должен** постучать в ее дверь, осторожно и вкрадчиво (В. Токарева). Это, прежде всего, связано с тем, что говорящий не имеет достаточной информации относительно истинного положения дел, хотя он допускает один из вариантов развития ситуации (такое предположение имеет характер «**предположение-догадка**»); Я не собираюсь играть в русофила и великодержавного шовиниста, но политик, который не столько ориентируется на Запад, сколько черпает силу в чем-то традиционно русском, **должен** вызывать симпатию (А. Маринина). Субъектная зона S_4 в подобного рода высказываниях всегда направлена на зону S_1 , даже в том случае, если $S_4 = S_1$ (высказывание носит значение долженствования), появляется оттенок предположительности, выраженный помимо рассматриваемой конструкции, темпоральным планом «сейчас - потом»: Я **должен** получить призовое место (В. Катаев).*

2.3.3.2 Конструкции, построенные по типу – *Думаю, что...*

Отдельный интерес представляют высказывания, выражающие смысл «предположение», построенные по типу - **Думаю, что...**: *Я думаю, что было около семи часов утра, когда я очнулся; солнце светило в комнату (Ф. Достоевский); Явно было, что она не знала, с чего начать; лицо ее побагровело, пухлые ее пальцы стучали по столу; наконец она начала так, прерывистым голосом: - Послушайте, мсье Печорин! Я **думаю, что** вы благородный человек (М. Лермонтов).*

Так как ментальная операция предположения имеет процесс развития, расположенный в рамках «мнение/знание», а концепт «думать»

является ядерным компонентом в концептуальной картине предположения, то конструкции - *Думаю, что...* представляют один из способов имплицитного выражения смысла «предположение». Главным условием реализации данного значения в подобных конструкциях является то, что модальная рамка, воздействуя на ментальный предикат, занимает основную позицию в семантической организации высказывания. Это открывает смысловое пространство предположения: «думать→[полагать] → предполагать». Предположение такого рода относится к предположению, основанному на чувственном восприятии мира (чаще всего «предположение-догадка»), при этом степень обоснованности может колебаться от сильно обоснованного до необоснованного предположения (это зависит от пресуппозиций говорящего, его знания объективной информации). Так, в высказывании - *Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать (Н. Гоголь)* – указание на факт предположения, основанного на чувственном восприятии мира, представлено с помощью ментального предиката *думаю* (диктумная часть). Само же предположение содержится в придаточной части (в семантическом отношении характеризуется нами как делибератив - лицо, предмет, событие, являющееся объектом интеллектуальной деятельности говорящего: это обосновывается тем, что предикат *думаю* – двухвалентный, требующий при себе субъекта и объекта действия).

В данных высказываниях, как и в рассмотренных выше примерах, актуализируется субъектная сфера субъекта-говорящего S_4 . Так как субъект речи репрезентирует свое мнение, то открывается еще и субъектная зона S_3 (субъект-авторизатор), что позволяет увидеть

равенство между S_4 и S_3 [$S_4 = S_3$]: *Если ты позволяешь мне сказать свое мнение, то я **думаю** [$S_4 = S_3$], **что** от тебя зависит указать прямо те меры, которые ты находишь нужными, чтобы прекратить это положение (Л. Толстой); Кроме того, я **думаю** [$S_4 = S_3$], **что** у Милы могли сложиться с кем-то конфликтные отношения в период пребывания за границей, тогда Люба тоже может об этом знать (А. Маринина).*

Рассмотренные выше конструкции могут осложняться присоединением к предикату отрицательной частицы НЕ: *Я **не думаю**, чтобы равнодушные женщины к вашим блестящим достоинствам заслуживало такое ужасное мнение (М. Лермонтов); Я **не думаю**, чтобы его одолевали сильные страсти, восторги упоения. Он раскладывал свою полифонию интуитивно, как гений, и точно, как математик. Поэтому я не люблю играть Баха с педалью (В. Токарева).* Однако особенность таких высказываний заключается в том, что наличие отрицательной частицы не влияет на факт присутствия мыслительной операции. Процесс мыслительной операции имеет место быть в действительности, только для говорящего важным является не ее отрицание, а авторское отрицание именно такого возможного положения дел. Для субъекта речи другие варианты развития ситуации приемлемы, но только не этот. Ср., например: *Я **не думаю**, чтобы его одолевали сильные страсти, восторги упоения и Я **думаю**, что его **не** одолевают сильные страсти, восторги упоения.* Такая трансформация предложения-высказывания на усилительный характер частицы в первом варианте при предикате мыслительного действия. Во втором случае, частица употребляется как чисто отрицательная. В данных примерах налицо факт присутствия мыслительной операции субъекта (предположение). Таким образом, отрицательная частица, примыкая к диктумной части высказывания, не имеет на нее смыслового влияния, но при этом

усиливает модальное содержание (частица НЕ приобретает усилительно-отрицательное значение).

В пределах конструкций типа – *Думаю, что...* предположение может эксплицироваться с помощью введения в придаточную часть модальной частицы или модального слова (двухярусное предположение): *Она подарила мне на рождение, сияя сквозь слезы, лучший Яшин галстук, свежее выутюженный, старомодно муаровый, с еще заметной петербургской маркой "Джокей Клуб", - думаю, что сам Яша вряд ли его часто носил (В. Набоков); Мы и на улице встречались, да все думаю: а ну как не узнает, а ну как отвернется, девять лет не шутка, - и не решался подойти (Ф. Достоевский).* Здесь семантическое наполнение предиката конкретизируется семантикой модального компонента; предположение приобретает развернутый тип: *Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, - я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки (Ф. Достоевский).*

Существуют высказывания и с трехярусным выражением предположения. Так, например, в высказывании: [**Вероятно**]¹, он [**думал, что**]² [**вряд ли**]³ *простому российскому народу достанется хоть частичка приобщения к западной культуре (г.т.).*

Первый ярус квалифицирует предположение субъекта-говорящего S₄: [**Вероятно**]¹.

Второй – субъекта-авторизатора S₃: [**думал, что**]².

Третий же ярус выполняет конкретизирующую функцию семантического поля предиката: [**вряд ли**]³.

В общем же смысле – двойное предположение говорящего: «свое» и «чужое».

2.3.3.3 Конструкции, построенные по типу – *Надеюсь, что...*

К числу конструкций, имплицитно выражающих смысл «предположение» можно отнести высказывания, построенные по типу – *Надеюсь, что....*

Мы считаем, что подобного рода конструкции способны выражать смысл «предположение» в силу лексико-семантической наполненности ядерного предиката, т.к. в лексеме *надеяться* заключено основное значение– «рассчитывать на что-нибудь, возлагать надежды, считать возможным» [Ожегов 1994:321]. Надежда – как рефлексия на фрагмент объективной ситуации, в большинстве случаев содержит оттенок предположительности (если это не просто вежливый ответ на замечания собеседника). Подобный тип рефлексии предоставляет субъекту речи выдвинуть наиболее вероятное решение ситуации, оставляя при этом долю сомнения. Например, *Они тебе помогут вернуться обратно в город.*

– *Надеюсь!* (И. Бунин);

Господи, надеюсь, что я его больше никогда не встречу на своем пути! (А. Малышева); *Надеюсь, что наши дети и внуки никогда не узнают тягости войны: голод, боль, скорбь* (В. Тихонов).

Установка говорящего на предположение выражена предикатом *надеюсь*, пропозициональный же уровень содержит семантическое ядро, обозначающее само предположение.

Говорящий прогнозирует разрешение ситуации, предположение выступает в роли предположения-прогноз: *Роман "Двенадцать стульев", надеюсь, все из вас читали, и я не буду, леди и гамильтоны, его подробно разбирать* (В. Катаев); *Я вполне готова к тому, что результаты вашего частного расследования подтвердят виновность моего мужа. Но*

я все равно **надеюсь**, что случится наоборот, что вы поможете его оправдать (А. Маринина). Степень достоверности данных высказываний приближено к полюсу достоверности, т.к. у говорящего наблюдается высокая уверенность в благоприятное, успешное осуществление ситуации в действительности: такое предположение всегда направлено на положительный исход дела: *Милостивый государь, если вы только благородный человек, то **надеюсь**, что вспомните про вчерашние дружеские наши сношения, - проговорил наш герой (Ф. Достоевский); Завтра я зайду за материалом ровно в семнадцать ноль-ноль. **Надеюсь**, к этому времени вы уложитесь (В. Катаев).*

В данных высказываниях наблюдается инкорпорация модальной рамки и диктумного содержания за счет актуализированного предиката **надеюсь**: *Я **надеюсь**, что нам удастся сделать все, чтобы Вы не сильно тосковали по отчужденному дому и нашли в Роане новую семью и новые радости (В. Угрюмова).* Модальная рамка накладывается на диктум, границы объективного и субъективного приобретают размытый вид, а высказывание - сугубо субъективное звучание.

2.3.3.4 Конструкции с разделительным союзом *а то*

Отдельный способ выражения смысла «предположение» представляют конструкции с разделительным союзом **а то**: *Ты лучше посоветуй длинноволосому, чтоб он с другой какой-нибудь не ушлепал сегодня. **А то** ушлепает, будешь одна куковать вечер. **А тебе** вечер просидеть одной никак нельзя (В. Шукшин); *Насчет уклона-то... смотри не вякни где. **А то** придут, огород урежут. У меня там сотки четыре лишка есть. - Нужно мне (В. Шукшин).**

Особенностью таких высказываний, выражающих предположение, является то, что временной план направлен только на будущий исход дела. Предположение приобретает вид предположения-совет (по «Русской грамматике» значение «отвергнутого предположения» [РГ, Т. 2:629]): *«Дело стоит производить так, **а то...**» - Ленка не двигалась. Она стояла с лицом, приготовленным к плачу. - Леночка! - Татьяна хотела переключить ее внимание на действие или хотя бы на видимость действия. - Беги скорей! А **то** тебе места не достанется... (В.Токарева); Его, Филипп Филиппович, нужно хлыстом отодрать хоть один раз, возмущенно говорила Зина, - **а то** он совершенно избалуется (М. Булгаков); Берите все тряпки, берите духи и волоките к себе в сундук, прячьте, - кричала Маргарита, - но драгоценностей не берите, **а то** вас в краже обвинят (М. Булгаков). Уверенность в достоверности именно такого предположения у говорящего довольно высокая. Основанием является жизненный, социальный, психологический опыт говорящего, он таким образом стремится заполнить информативную лауну, чтобы быть понятым собеседником (иногда это ответная реакция на вопрос собеседника): - Хлеб-то есть? - спросил строго. - Есть. А что? - На, поешь с салом, **а то** загнешся загодя со своими академиками... пока их изучишь всех (В. Шукшин). В таких высказываниях помимо субъектной зоны S₄ активизируется сфера S₅ [S₄ → S₅], т.к. говорящий открыто воздействует на адресата высказывания, предоставляя возможность решать – каким образом необходимо поступать в подобного рода ситуациях: *И лесины-то у него с душой: не тронь ее, не секи топором зазря, **а то** засохнет, и сам засохнешь - тоска навалится, и засохнешь, и не догадаешься, отчего тоска такая (В. Шукшин).**

Совершенно по-другому обстоит дело, если предположение, выраженное анализируемой конструкции, направлено на самого

говорящего: *А я люблю отдыхать. По-настоящему, чтобы полностью отключиться от всех забот, ничего не делать и ни о чем не беспокоиться. Человек должен иногда отключаться, а то он долго не выдержит (А. Маринина).* Субъектная зона S_4 приравнивается к S_5 [$S_4 = S_5$], тогда $S_4 \rightarrow [S_4 = S_5]$, а т.к. [$S_4 = S_5$], то следует, что S_4 взаимонаправлено: $S_4 \leftrightarrow S_4$ - *Но прежде чем ее убирать, нужно по меньшей мере понять, кто она такая. А то вдруг окажется, что из-за нее всю милицию страны на ноги поставят (А. Маринина)* [внутренний монолог автора. – М. В.].

Таким образом, смысл «предположение» в современном русском языке может быть представлен различными средствами разных уровней в их непосредственном взаимодействии в процессе коммуникативного акта.

Выводы

Смысл «предположение» представляет собой ментальную операцию, основанную на логических представлениях и прагматических интенциях говорящего. Однако все это реализуется в речи с помощью языковых элементов (доказывается трехчастность Г. Фреге «мышление – язык - действительность»).

Выбор тех или иных средств выражения смысла «предположение» определяется в каждом конкретном случае содержанием высказывания – намерением, стремлением говорящего оптимально отразить свою мысль на представленную ситуацию.

Наличие семантических связей между средствами выражения категории «предположение» дает основание рассматривать как полевою структуру. ФСП как система является условным представлением пространства, в котором намечается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля. Центр характеризует сосредоточение,

максимальная концентрация специфических признаков, разреженность таких признаков – характеристика периферии. Анализ языкового материала показал, что есть все основания утверждать, что организация средств выражения исследуемой категории имеет полевую структуру, то есть образует ФСП с ядерно-периферийным делением.

Ядро поля «предположение» формируют значимые части речи с соответствующим значением, модальные слова и модальные частицы со значением недостоверности. Это обосновано тем, что данные языковые средства:

1. фиксируют в высказывании смысл «предположение» (ментальный план);
2. сохраняют (чаще всего) диктумно-модусные рамки;
3. обеспечивают семантическую наполненность высказываний (отражение объективного и субъективного).

Особенностью периферийных средств выражения смысла «предположение» является возможность эксплицировать предположение среди других смысловых наслоений, так как каждое из средств характеризуется способностью отражать семантические «нюансы» высказываний, выражающих смысл «предположение»: предположение – совет, предположение- догадка, предположение- прогноз, предположение – причина и т.д.. Это условие влияет на перемещение пропозиции по шкале достоверности в сторону полюса недостоверности.

Заключение

В работе представлен один из возможных вариантов изучения организации предложений-высказываний, в частности, выражающих смысл «предположение» в современном русском языке. Актуализированный в данном исследовании подход «от смысла к форме» соответствует современным тенденциям развития лингвистической науки, ставящим в центр внимания ученых фигуру говорящего.

Изученные закономерности проявления смысла «предположение» позволяют сделать следующие выводы.

Предположение представляет собой мыслительную операцию, основанную, с одной стороны, на логической возможности и вероятности, с другой, - на субъективном отношении к внеязыковой реальности. Говорящий пропускает через себя отрезок действительности, при этом отражая личностное восприятие данной ситуации. Это позволяет нам рассматривать «предположение» как смысл. Субъект речи, пропуская через себя фрагмент реального положения дел, отражает свою точку зрения, становясь при этом на позицию «внешнего» или «внутреннего» наблюдателя. Говорящий стремится не только отразить свое мнение, но и

прагматически воздействовать на слушающего в процессе коммуникации. Анализ субъективных зон, образуемых в высказывании, позволяет отразить позицию автора. Чаще всего в высказываниях, выражающих смысл «предположение», наблюдается совмещение сфер субъекта - говорящего и субъекта – авторизатора, что мотивированно коммуникативной установкой говорящего.

Исходя из неразрывной связи «мышление - язык», «предположение» содержит как план содержания, так и план выражения и имеет ряд дифференциальных признаков, которые соответствуют тому, чтобы «предположение» представить как категорию:

во-первых, отражает ситуацию предположения в реальной действительности;

во-вторых, является частным проявлением общего смысла: возможности/вероятности положения дел;

в-третьих, представляет собой базовый смысл, на основе которого образуются другие модальные значения (сомнение, допущение, гипотетичность и др.);

в-четвертых, характеризуется регулярными способами выражения.

План содержания категории «предположение» характеризуется следующими показателями:

- предположение является субкатегорией более крупной категории – возможности/вероятности;
- категория предположения является квалификативной модусной категорией персуазивности и обнаруживает взаимосвязь с рядом других модусных категорий, в частности, с категорией темпоральности, оценки и др.;
- по отношению к значениям сомнения, допущения, эвиденциальности предположение является базовой категорией, на основе которой происходит их становление;

План выражения данной категории во многом обусловлен особенностями интерпретации говорящим объективной ситуации. Как показало исследование семантика предположения в русском языке выражается совокупностью разноуровневых языковых средств, которые функционируют не изолированно, разобщено, а, напротив, взаимодействуя друг с другом и образуя ФСП. Описание этого поля дает возможность, во-первых, определить место отдельных средств выражения в системе языка, указать на парадигматические соотношения, охарактеризовать различные семантические оттенки выражаемых значений; во-вторых, раскрыть взаимодействие разнородных формальных средств и существующие между ними иерархические отношения. Это определяется тем, что в данной работе исследовалась не чисто модальная категория, а категория, которая отражает диктумно-модусную ситуацию.

Ядерная зона ФСП «предположение» представлена:

- значимыми частями речи с соответствующим значением;
- модальными словами и частицами со значением недостоверности сообщаемого.

Главным обоснованием того, что данные средства выделяются в ядерную зону ФСП предположения, является, прежде всего, их возможность передавать семантику предположения.

Периферийную зону смысла «предположение» составили разнообразные конструкции, явно или имплицитно отражающие «предположение» (вопросительные конструкции, выражающие смысл «предположение», конструкции с условно-гипотетическим значением, конструкции с модальным глаголом ДОЛЖЕН (А) + Infinitiv личного глагола, конструкции, построенные по типу – *Думаю, что...*, *Надеюсь, что*, конструкции с разделительным союзом *а то*).

Такое выделение позволяет утверждать, что рассматриваемые элементы являются не только языковыми знаками нахождения в

высказывании смысла «предположение», но и показателями логического суждения и умозаключения говорящего о рассматриваемой ситуации действительности.

Анализ языкового материала показал что, категория «предположение» «проявляет избирательность» в сфере своего функционирования и, формируя и воплощая речевой смысл, может выполнять ряд функций:

- усложнение семантики высказывания;
- актуализации скрывааемых интенций говорящего;
- функцию экспликации языковой личности;
- функцию воздействия на собеседника;
- текстообразующую функцию.

Следовательно, можно говорить о широких функциональных возможностях данной категории.

Исследование семантической структуры высказываний, выражающих смысл «предположение», показало, что «предположение» редко проявляется в чистом, неосложненном виде. Это объясняется тем, что семантическая структура высказывания представляет сложную иерархическую структуру. Если для предположения базовыми смыслами являются возможность и вероятность, то и предположение можно расценивать основополагающим для таких смыслов как сомнение, допущение, гипотетичность и др.

Специфика диктумно-модусной организации высказываний, выражающих смысл «предположение», заключается в том, что нередко наблюдается отсутствие четких границ между диктумом и модусом. Это объясняется тем, что говорящий, выражая свое отношение к фрагменту действительности, представляет ее как один из возможных миров развития ситуации. Также определяющим фактором является степень обоснованности говорящего в излагаемом. Это позволяет фиксировать высказывание на модальной шкале степеней достоверности, выделяя

обоснованное, необоснованное и избыточное предположение как одного из основных факторов выделения диктумной и модусной части. Это определяется тем, что в данной работе исследовалась не модальная категория в чистом виде, а категория, которая отражает диктумно-модусную ситуацию.

Проведенное исследование подтвердило нашу мысль о том, что предположение – это многосторонняя категория, которая, с одной стороны, образует понятийную сферу, а с другой, задается прагматическими импульсами говорящего. Все это имеет выход через языковые средства, образующие функционально-семантическое поле «предположение».

Таким образом, исследование смысла «предположение» позволяет расширить и углубить знания о языковой картине мира, а также охарактеризовать языковую личность в плане языковой компетенции (знание и владение способами выражения данного смысла).

Данное исследование представляется перспективным для отдельного изучения осложняющих элементов смысловой организации высказываний, выражающих «предположение», в частности, - сомнения, допущения, кажимости, избыточности, эвиденциальности. На наш взгляд, актуальным представляется изучение смысла «предположение» в рамках функционально-стилистического подхода, а также исследование индивидуально-авторских средств и способов выражения смысла «предположение».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М.-Л.: Наука, 1964. – 105 с.
2. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума // Вопросы языкознания. – 1971. - №1. – С. 54-64.
3. Аристотель. Собрание сочинений. В 4-х томах. – М.: Мысль. – Т.1. – 1975. - 552 с.; Т.2. – 1978. – 531 с.
4. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М.: Наука, 1985. – 67 с.
5. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико - семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. –383 с.
6. Арутюнова Н.Д. Семантическая структура и функции субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. - Т. 38. -1979. - №4. – С.323-334.
7. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. – 338 с.
8. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека - М.: Наука, 1999. – 895 с.
9. Ахутина Т.В. Порождение речи: Нейро - лингвистический анализ синтаксиса. - М.: Изд-во МГУ, 1989. – 213 с.
10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка – М.: Изд. иностр. л-ры, 1955. – 416 с.

11. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1994. – 615 с.
12. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 444 с.
13. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 358 с.
14. Бегельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический «принцип приоритета» и его отражение в грамматике языка // Известия АН СССР. Сер. литер. и языка. – Т.40. - №4. – 1981. – С. 347-353.
15. Белоусов Н.А. Логика. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2002. – С. 42-67.
16. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 147 с.
17. Бенвенист Э.. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
18. Богин Г.И. Филологическая герменевтика. - Калинин: КГУ, 1982 - 86 с.
19. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: ЛГУ, 1977. – 204 с.
20. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая. // Язык и моделирование социального взаимодействия. - М.: Прогресс, 1987. - С.126 – 170.
21. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1979. - №2. – С. 54-61.
22. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.
23. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. - Л.: Наука, 1978. – 175 с.

24. Бондарко А.В. Интерпретационные аспекты семантики длительности в русском языке // Язык: система и функционирование. – М.: Наука, 1988. – С. 78-90.
25. Бондарко А.В. К интерпретации понятия «смысл» // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. – С. 127-129.
26. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. - Л.: Наука, 1976. – 255 с.
27. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. - Л.: Наука, 1984. – 136 с.
28. Бордович А.М. Модальные слова в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1956. – 16 с.
29. Бозэций «Утешение философией» и другие трактаты. – М.: Наука, 1996. – 336 с.
30. Будильцева М.Б. Выражение возможности и предположительности в русском и испанском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 21 с.
31. Булах Н.А. Предположительные вопросы и средства их выражения в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1997. – 16 с.
32. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Гипотеза как мыслительный и речевой акт// Логический анализ языка. – М.: Наука, 1982. – С. 78-82.
33. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. О семантике частиц разве и неужели // Научно-техническая информация. – Сер.2. – 1987. - №10. – С. 21-25.
34. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
35. Васильев С.А. Синтез смысла при создании и понимании текста. – Киев: Наука думка, 1988. – 237 с.
36. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. – М., 1990. – 175 с.

- 37.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.
- 38.Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. Т. 2.-М.-Л.: АН СССР, 1950. – С. 53-88.
- 39.Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Избранные труды: Исследования по русской грамматике. - М.: Наука, 1975. – 559 с.
- 40.Винокурова М.А. Вопросительные предложения, выражающие смысл «предположение» (на материале произведений Д. Гранина)// Текст: проблемы и методы исследования. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2002. – С. 48-51.
- 41.Винокурова М.А. К проблеме речевого смысла //Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте: Материалы Всероссийской научной конференции. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2003. – С. 6-8.
- 42.Винокурова М.А. Возможность, вероятность: логическая основа смысла «предположение»// Школа будущего: проблема личности XXI века. Материалы краевой научно-практической конференции 23-24 марта 2004 г. – Барнаул: АК ИПКРО, 2004. – 150 с.
- 43.Винокурова М.А. Предположение и категория достоверности//«Русский язык: исторические судьбы и современность»: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.). Труды и материалы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – С. 301-302.
- 44.Винокурова М.А. Информативный уровень высказываний, выражающих смысл «предположение»// Актуальные проблемы русистики: Сборник научных трудов. Вып. 2. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 8-13.

45. Винокурова М.А. Субъектная перспектива высказываний, выражающих предположение // Филология XXI века. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 72-74.
46. Винокурова М.А. Диктумный уровень высказываний, выражающих смысл «предположение» // Диалог культур. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. – С. 48-54.
47. Витгенштейн Л. Философские работы. – М.: Гнозис, 1994. – 520 с.
48. Вольф Е.М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Прагматика и проблемы интенциональности. – М., 1989. – С. 67-74.
49. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 228 с.
50. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 502 с.
51. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти томах. – М.: Педагогика, 1982.
52. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
53. Галкина-Федорук Е. М. Суждение и предложение. - М.: Наука, 1956. – 73 с.
54. Геворкян Г.А. Вероятное и достоверное знание. - Ереван: Изд. АН АрмССР, 1965. – 78 с.
55. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. - М.: УРСС, 2004. – 221 с.
56. Горельникова Ю.А. Выражение модального значения кажимости в структуре предложения. – ДКФН. – М., 1993. – 146 с.
57. Гулыга Е.В. О взаимодействии смысла и синтаксической семантики предложения // Филологические науки. – 1976. - №1. – С. 70-75.

58. Гулыга Е.В., Натанзос М.Ю. Теория современного немецкого языка. Грамматика. Ч.2. Синтаксис. – М.: Наука, 1959. – 175 с.
59. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. - М.: Прогресс, 1984. - 397 с.
60. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. - М.: Прогресс, 1985. - 451 с.
61. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Сборник работ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
62. Делез Ж. Логика смысла - М.: "Раритет", Екатеринбург: "Деловая книга", 1998. - 480 с.
63. Демьянков В.З. Логические аспекты семантического исследования предложения // Проблемы лингвистической семантики. – М.: ИНИОН АН СССР, 1981. - С. 115-132.
64. Дмитриевская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка. – М.: Наука, 1988. – С. 6-17.
65. Домбровский Й. Знак и смысл // Вопросы языкознания. – 1973. - №6. - С. 22-32.
66. Ермаш Г. Л. Искусство как мышление. - М.: Искусство, 1982 - 277 с.
67. Есперсен О. Философия грамматики. - М.: Изд. иностр. л-ры, 1958. – 404 с.
68. Жинкин Н.И. Механизмы речи. – М.: Изд. АПН РСФСР, 1958. – 370 с.
69. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. – 159 с.
70. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. - М.: Изд. МГУ, 1973. – 121 с.
71. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд. МГУ, 1976. – 307 с.
72. Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Воронеж: Моск. психол. – соц. ин-т, 2001. – 429 с.

- 73.Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. - М.: Наука, 1982. - 366 с.
- 74.Золотова Г.А. Монопредикативность и полипропозитивность в русском синтаксисе // Вопросы языкознания. – 1995. – №2. – С. 99-109.
- 75.Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. - М.: Наука, 1973. – 351 с.
- 76.Зоткин Н.В. Психология смысла // Вестник Самарского университета. – Психология. – 1998. - №1. – С. 15-21.
- 77.Иванов Е.М. Материя и субъективность.- Саратов: Изд-во СГУ, 1998. - 168с.
- 78.Ивлев Ю. В. Логика. - М.: МГУ, 1992. – 270 с.
- 79.Ивлев Ю.В. Логика. - М.: Логос, 1997. - 272 с.
- 80.Казаковская В.В. Способы выражения авторства в структуре предложения. – КД. – М., 1996. – 196 с.
- 81.Касаткин А.М. Выражение авторства модально-экспрессивных оценок в предложении. АКД. – М., 1986. – 16 с.
- 82.Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
- 83.Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. - М. - Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- 84.Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: Наука, 1972. – 216 с.
- 85.Колосова Т.А. О диктуме и модусе в сложном предложении // Филологические науки. – 1979. - №2. - С. 47-53.
- 86.Колшанский Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
- 87.Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - М.: Наука, 1975. – 231 с.

88. Колшанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. – 1961. - №1. – С. 94 – 98.
89. Коммуникативная грамматика русского языка /Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю./Под ред. Г.А. Золотовой. – М.: Изд. МГУ, 1998. – 528 с.
90. Кондаков Н.И. Логический словарь - справочник. - М.: Наука, 1975. – 720 с.
91. Копылов О.Н. Взаимодействие квалификативных модусных смыслов в тексте (авторизация и персуазивность): Автореф. дис. канд. филол. наук. – Владивосток, 2003. – 27 с.
92. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
93. Лекант П.А. Виды предикации и структура простого предложения // Лингв. сб. – М.: МОПИ им. Н.К. Крупской, 1975. – Вып. 4. – с. 70-80.
94. Лекант П.А. Коммуникативно-прагматическая категория вводности // Вопросы лингвистики. – Вып. 2. – М.: Изд. МОПИ, 1998. – С. 5-9.
95. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. – М.: Изд-во МОПИ, 2002. – 216 с.
96. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. - М.: Высшая школа 1986. – 175 с.
97. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.
98. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
99. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 575 с.
100. Леонтьев Д.А. Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.

101. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
102. Лисоченко Л.В. Высказывания с имплицитной семантикой: Логический, языковой и прагматический аспекты. – Ростов-на-Дону: Изд. Рост. ун-та, 1992. – 125 с.
103. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 166 с.
104. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: Изд. МГУ, 1979. – 320 с.
105. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текста: К типологии внутритекстовых отношений. – М.: Наука, 1986. – 199 с.
106. Маркелова Т.В. Семантика и прагматика средств выражения оценки в русском языке // Филологические науки. – 1995. - №3. – С. 67-79.
107. Маркелова Т.В. Языковая семантическая интерпретация мыслительного содержания категории оценки // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 186 с.
108. Мельник Я.Г. Субъективность как языковая категория. - Иваново-Франковск: Альфа, 1997. – 135 с.
109. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "Смысл - Текст". Семантика. Синтаксис. - М.: Языки русской культуры, 1999. - 345 с.
110. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // Труды военного института иностранных языков. – М., 1945. – №1. - С. 5-17.
111. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. – Л.: Наука, 1978. – 322 с.
112. Нагорный И.А. Семантика частиц *едва ли*, *вряд ли* // Русский язык в школе. - 1993. - №2. – С. 93-97.

113. Нагорный И.А. Выражение предикативности в предложениях с модально - персуазивными частицами. - Барнаул: Изд. БГПУ, 1998. – 131 с.
114. Нагорный И.А. Предикативные функции модально - персуазивных частиц. - Барнаул: Изд. БГПУ, 2000. – 310 с.
115. Нагорный И.А. Функциональная перспектива предложений с модально - персуазивными частицами. - Барнаул: Изд. БГПУ, 2001. – 126 с.
116. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1979. – 303с.
117. Никитевич В.М. Грамматические категории в русском языке. – М.: Учпедгиз,1963. – 246 с.
118. Никитин В.М. Вводные слова в русском языке, их специфика и свойства // Учен. зап. РПИ. – Рязань, 1949. - №8. – с. 98-142.
119. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения. - М.: Высшая школа, 1988. – 165 с.
120. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Синтаксис русского языка. – СПб, 1912. – 312 с.
121. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Екатеринбург: Урал-Советы, 1994. – 800с.
122. Онипенко Н.К. Идея субъективной перспективы в русской грамматике // Русистика сегодня. - 1994.-№3. – С. 74-83.
123. Павиленис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. - М.: Мысль, 1983. – 286 с.
124. Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.ХУП. – М.: Прогресс, 1986. – С. 46-65.
125. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений - М.: Наука, 1985. – 271 с.

126. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты.– М.: Наука, 1991. – С.164-168.
127. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. – М.: Наука, 1974. – 292 с.
128. Панфилов В.З. Взаимоотношения языка и мышления. – М., 1971. – 93 с.
129. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
130. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения // Вопросы языкознания. – 1977. - № 4. – С. 37-47.
131. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Учпедгиз, 1956. – 511 с.
132. Пищальникова В.А. Общее языкознание. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – 240 с.
133. Пищальникова В.А. Проблема смысла художественного текста. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. – 212 с.
134. Пищальникова В.А., Сорокин Ю.А. Введение в психопэтику. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1993. – 209 с.
135. Плюскина Т.Н. Функциональная семантико-стилистическая категория гипотетичности в русских научных текстах XVIII-XX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 187 с.
136. Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. – М.: Наука, 1990. – 179 с.
137. Потебня А.А. Полное собрание сочинений. – Т.1.- Мысль и язык. – Одесса: Госиздат Украины, 1922. – 185 с.
138. Прияткина А.Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. – М.: Высшая школа, 1990. – 176 с.

139. Разлогова Е. Модальные слова и оценка степени достоверности высказывания // Русистика сегодня. – 1996. - № 3. – С. 46-53.
140. Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. – М.: Изд. иностр. л-ры, 1957. – 342 с.
141. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира - М.: Наука, 1988. – 212 с.
142. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление – М.: Наука, 1988. – 212 с.
143. Русская грамматика. – М.: Наука, 1980. – Т.2: Синтаксис. – 1980. – 709 с.
144. Серебренников Б.А. Как происходит отражение картины мира // Язык и картина мира. – М.: Наука. 1988. – 212 с.
145. Скребцова Т.Г. Американская школа когнитивной лингвистики. – СПб: Омега, 2000. – 201 с.
146. Слюсарева Н. А. Синтаксис и морфология в свете функционального подхода // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. - 1984. - №5. – С. 36-41.
147. Смирнова Е.Д. Логика и философия. – М.: РОССПЭН, 1996. – 302 с.
148. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1989. – 800 с.
149. Стексова Т.И. Семантика невольности в русском языке: значение, выражение, функции. – Новосибирск: Изд. НГПУ, 2002. – 200 с.
150. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика). – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 360 с.
151. Стерин И.А. Логическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ун-та, 1985. – 171 с.
152. Столин В.В. Перспективы развития теории деятельности и проблема мотивации // Развитие эргономики в системе дизайна:

- Тезисы докладов всесоюзной конференции. – Боржоми, 1979. – С. 322-328.
153. Сулейменова Э.Д. Понятие смысла в современной лингвистике. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
154. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / под ред. А.В. Бондарко. - Л.: Наука, 1990. – 262 с.
155. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. - СПб.: Наука, 1992. – 303 с.
156. Топтыгина Е.Н. Средства выражения субъективно-модальных значений предположения и допущения в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 183 с.
157. Труб В. М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности // Вопросы языкознания. – 1994. - №1. – С. 44-55.
158. Философский энциклопедический словарь. - М.: ИНФРА-М, 2001. – 576 с.
159. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. - М.: ИРЯ им. А.С. Пушкина: Изд. «Икар», 1998. – 76с.
160. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т.1. – М.: Учпедгиз, 1956. – 450 с.; Т.2. – М.: Учпедгиз, 1957. – 471 с.
161. Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. – Вып.8. – М.: ВИНТИ, 1977.
162. Фреге Г. Избранные работы. – М.: Дом интеллект, 1997. – 159 с.
163. Фрумкина Р.М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. - М., 1992. - С. 28 – 43.
164. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: Респ., 1993. – 456 с.
165. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. - М.: Прогресс, 1981. – 447 с.

166. Целищев В.В. Философские проблемы семантики возможных миров. - Новосибирск: Наука, 1977. – 191 с.
167. Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. - М.: Наука, 1992. – 280 с.
168. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи – М.: Наука, 1991. – 239 с.
169. Черемисина М.И. О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. – Новосибирск: Наука, 1980.
170. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. – Новосибирск: Наука, 1987. – 197 с.
171. Чибук А.В. Функционально-семантическое поле предположения в немецком и русском языках (Сопоставительный аспект): Автореф. дис. канд. филол. наук. - Екатеринбург, 2004. – 19 с.
172. Шарикова Л.А. Лингвистическая концепция Лео Вайсгербера. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 2001. - 200 с.
173. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпдгиз, 1941. – 620с.
174. Шмелева Т. В. Диалогичность модуса // Вестник Московского университета. - Сер. 9. - Филология. - 1995. -№5. – С. 147-155.
175. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 54 с.
176. Шмелева Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности//Актуальные проблемы русского синтаксиса. - М.: Изд. МГУ, 1984. – С. 78-96.
177. Шмелева Т. В. Субъективные аспекты русского высказывания: Автореф. дис. докт. филол. наук. – М., 1995. – 35 с.

178. Шмелькова Н.А. Средства выражения предположения в русском языке (с ориентацией на изучение русского языка англоговорящими): Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1984. – 168 с.
179. Щедровицкий Г.П. Смысл и значение // Проблемы семантики. – М., 1974. – с. 76-109.
180. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. - М.: Наука, 1974. – 255 с.
181. Южакова Ю.А. Конструкции с выделительным значением // Семантика языковых единиц: Доклады 6-й Междунар. Конф. – М., 1998. – С.188-190.
182. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М.: Наука, 1998. – 865 с.
183. Якобсон Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 455 с.
184. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). - М.: Гнозис, 1994. – 343 с.
185. Яковлева Е.С. Значение и употребление модальных слов, относимых к разряду показателей достоверности/недостоверности: Автореф. дис. канд. филол. наук. – М., 1983. – 18 с.
186. Austin J. L. Philosophical Papers. 2nd ed. - Oxford, 1970. – 168 p.
187. Beaver D.I. Presupposition. // Handbook of Logic and Language, J. van Benthem and A. ter Meulen (Eds.). - Elsevier, Oxford, London, 1997. – P. 2-48.
188. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. - 2., unveränd. u. erw. Aufl. - Dusseldorf: Schwann, 1971.
189. Geurts B. Presuppositions and Pronouns, - Elsevier Science Ltd. - Oxford, London, 2000. – 270 p.
190. Grundzuge einer deutschen Grammatik / Von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von K. E. Heidolph, W. Fllmig u. W. Motsch. - 2., unveränd. Aufl. - Berlin: Akademie-Verl., 1984.
191. Hintikka J. Impossible possible worlds vindicated. – Journal of

- Philosophical Logic. - Dordrecht, 1975, v. 4.
192. Kamp H. The Importance of Presupposition // In The Computation of Presuppositions and their Justification in Discourse, Hans Kamp and Uwe Reyle (Eds.) – ESSLLI'01, 2001. – P. 1-48.
193. Motsch W. Sprache als Handlungsinstrument. – In: Studia Grammatica. V. XVII. - Berlin: Akademie-Verlag, 1978.
194. Paduceva E.V. Le particule ZE: sémantique, syntaxe et prosodie // Les particules énonciatives en russe contemporain. - Paris. 1987.
195. Sadock J. On testing for conversational implicature. – In: Syntax and Semantics. V. 9. Pragmatics. - New York: Acad. Press, 1978.
196. Stalnaker R. C. Pragmatics. – In: The Semantics of Natural Language /Ed. by Davidson D., Harman G. H. - Dordrecht, 1972.
197. Weisgerber J.L. Persönlichkeit- und Volkssprache // Zur Grundlegung der ganzheitlichen Sprachauffassung. – Dusseldorf, 1964. –604 s.
198. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor, 1985. - 368 p.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акунин Б. Левиафан.—М.: Захаров, 2002.—234 с.
2. Аксенов В. Кесарево свечение.—М.: Изографус: Эксмо, 2003.—637 с.
3. Астафьев В. Жестокие романсы.—М.: Эксмо, 2002.—863 с.
4. Ахматова А. Собрание сочинений: В 6 т.—М.: Эллис Лак, 1998.
5. Белов В. Рассказы и повести.—М.: Современник, 1987.—669 с.
6. Бондарев А. Горячий снег.—М.: Сов.писатель, 1971.—415 с.
7. Булгаков М. Мастер и Маргарита.—Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989.—351 с.
8. Бунин И.А. Рассказы. Стихотворения.—М.: Дрофа, 2002.—285 с.
9. Варламов А. Наваждение Леонида Леонова: [Заметки о романе "Пирамида"] // Москва.—1997.—№4.—С.140-149.
10. Войнович В. Антисоветский Советский Союз.—М.: Материк, 2002.—413 с.
11. Гоголь Н. Собрание сочинений: В 7 т.—М.: Худож.лит., 1983.
12. Гончаров И.А. Обломов. – Л.: Изд-во Лен-го ун-та, 1979. – 447 с.
13. Гранин Д. Выбор цели.—Л.: Б.и., 1976.—710 с.
14. Гроссман В. Жизнь и судьба.—М.: Кн.палата, 1988.—832 с.

15. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы.—М.: Современник, 1989.—461 с.
16. Дашкова П. Образ врага. – М.: Астрель, 2004. – 574 с.
17. Довлатов С. Собрание прозы в 3-х томах. – СПб: Лимбус-пресс, 1993.
18. Домбровский Ю. Собрание сочинений: В 6 т.—М.: Терра, 1992.
19. Достоевский Ф. Бедные люди.—М.: Эксмо, 2003.—541 с.
20. Есенин С. Стихотворения и поэмы.—М.: Б.и., 1989.—190 с.
21. Ефремов И. Собрание сочинений: В 6 т.—М.: Современный писатель, 1993.
22. Загоскин М. Аскольдова могила; Юрий Милославский.—М.: Кронос, 1994.—544 с.
23. Каверин В. Два капитана: Роман в 2 т.—Тула: Приок. кн. изд-во, 1993.—528 с.
24. Катаев В. Уже написан Вертер.—М.: Панорама, 1992.—384 с.
25. Корецкий Д. Принцип карате. – М.: Эксмо – Пресс, 1998. – 568 с.
26. Крылов И. Басни.—М.: Книги Искателя, 2003.—78 с.
27. Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2 Т. М.: Правда, 1988.
28. Лесков Н.С. Избранное. – М.: Терра, 1998. – 560 с.
29. Маканин В. Собрание сочинений.—М.: Материк, 2002.
30. Маринина А. Смерть и немного любви. – М.: Эксмо, 2003. – 352 с.
31. Набоков В.. Собрание сочинений американского периода: В 5 т.—СПб: Симпозиум, 1999.
32. Некрасов В. В окопах Сталинграда.—Л.: Б.и., 1991.—509 с.
33. Ободовская И. Вокруг Пушкина: Неизвестные письма Н.Н.Пушкиной и её сестер Е.Н. и А.Н.Гончаровых.—М.: Б.и., 1975.—382 с.
34. Олеша Ю. Избранное.—М.: Б.и., 1983.—639 с.
35. Пастернак Б. Стихотворения. Поэмы. Проза. – М.: Окимы, 1996. – 704 с.
36. Пикуль В. Фаворит. Роман-хроника времен Екатерины II в двух томах.—М.: Б.и., 1991.—558 с.

37. Платонов А. Избранные произведения. В 2 т.—М.: Б.и., 1978.
38. Пушкин А.С. Сочинения в 3 Т. – М.: Художественная литература, 1974.
- 39.Пятигорский А. Философия одного переулка.—М.: Прогресс, 1992.—160 с.
- 40.Распутин В. Живи и помни.—М.: ЭКСМО, 2002.—703 с.
- 41.Рождественский Р. Семидесятые. – М.: Современник, 1980. – 232 с.
- 42.Русская проза XIX века.—М.: АСТ: Астрель, 2003.—511 с.
- 43.Симонов К. Стихи. Пьесы. Рассказы.—М.: Современник, 1983.—747 с
- 44.Солженицын А. Матрёнин двор.—М.: Детская литература, 2002.—222с.
- 45.Тарковский А. Сценарий фильма "Зеркало" Андрея Тарковского // Киносценарии. - №6. – 1994.
46. Тендряков В. Неизданное: Проза. Публицистика. Драматургия.—М.: Худож. лит., 1995.—638 с.
- 47.Тихонов В. Скупое отражение рая // Барнаул: Литературно-художественный и краеведческий журнал.—Барнаул.—2003.—№ 1.—С. 122 - 125.
- 48.Токарева В.С. Гладкое личико. - М.: Олимп, 2000. – 256 с.
- 49.Толстая Т. Не кысь.—М.: Эксмо, 2003.—607 с.
- 50.Толстой А. Избранное.—М.: Б.и., 1982.—336 с.
- 51.Толстой Л. Анна Каренина. – М.: ЭКСМО, 2000. – 658 с.
- 52.Тургенев И.С. Сочинения в 2 Т. – М.: Полиграфресурсы, 1999.
- 53.Филатов Л. Про Федота-стрельца, удалого молодца.—М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.—399 с.
- 54.Фрид В. Стендаль: Очерк жизни и творчества.—М.: Б.и., 1958.—287 с.
- 55.Хармс Д. О явлениях и существованиях.—СПб: Азбука-классика, 2003.—379 с.
- 56.Хлумов В. Мастер дымных колец

57. Хмелевская И. Все красное.—М.: Фантом Пресс, 2004.—366 с.
58. Цветаева М.И. Проза. – М.: Современник, 1989. – 590 с.
59. Цветаева М.И. Мне нравится, что вы больны не мной. – М.: Эксмо-Пресс, 2001. – 656 с.
60. Черкасов А. Черный тополь: Сказания о людях тайги.—Барнаул: Алт.кн.изд-во, 1993.—512 с
61. Русская драматургия XVIII-XIX веков: [Сборник пьес] / Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, А. Н. Островский, А. П. Чехов.—М.: АСТ: Астрель, 2002.—847 с.
62. Шишков Вяч. Угрюм-река.—Барнаул: АО "Полиграфист", 1993.
63. Шукшин В.М. До третьих петухов. — М.: Детская литература, 2003. — 301 с.
- Подписка газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», «Российская газета» за 2001-2004 г.г.

Список условных сокращений

БЭС – Большой энциклопедический словарь

г.т. – газетный текст

КГРЯ – Коммуникативная грамматика русского языка

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь

СПП – Сложноподчиненное предложение

ТФГ - Теория функциональной грамматики

ФСК – Функционально-семантическая категория

ФСП – Функционально-семантическое поле

ФЭС – Философский энциклопедический словарь